

Винклер Г.

Вавилонская культура в её отношении к культурному развитию человечества

[Stable URL: <http://elar.uni-yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2363>]

[Публикация работы:]

Винклер Г. 1913: Вавилонская культура в её отношении к культурному развитию человечества / А.И. Певзнер (пер.). М.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

ГУГО ВИНКЛЕРЪ,
профессоръ Берлинскаго Университета.

ВАВИЛОНСКАЯ КУЛЬТУРА

ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНИИ КЪ КУЛЬТУР-
НОМУ РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Переводъ съ нѣмецкаго А. И. ПЕВЗНЕРА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. М. НИКОЛЬСКАГО.

ИЗДАНИЕ «ФАРΟΣЪ».
МОСКВА.
1913.

Handwritten text in a cursive script, likely a signature or a short note, located at the top center of the page.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе редактора	1
Древній Востокъ и понятіе всемірної исторіи.	1
Система міровоззрѣнія Востока.	7
Основные черты историческаго развитія передней Азій.	15
Древнѣйшая Вавилонія.	16
Вавилонъ.	23
Паденіе Вавилонскаго царства; касситы, хетты.	25
Ассирія.	27
Ассирійская гегемонія.	29
Индogerманское вторженіе; паденіе Ассирії.	31
Ново-Вавилонское царство	32
Персы.	33
Греки; Александръ.	35
Эллинизмъ. Паряяне.	37
Римъ и ново-персы. Византія.	39
Исламъ.	40
Калифатъ въ Сирії и Иракѣ.	42
Турки. Монголы.	43
Современный Востокъ.	46
Религія, какъ міровоззрѣніе: астрологія, какъ ученіе о мірѣ и Божествѣ.	48
Мѣры, дѣленіе времени, календарь, математика.	63
Обращеніе свѣтилъ, какъ основа міеологіи.	78
Планеты—правители.	87
Древность системы.	96
Происхожденіе міра.	102
Космическіе вѣка, макрокосмъ и микрокосмъ	110
Міеъ, легенды, игры.	126
Библейская религія и Древній Востокъ	147
Послѣсловіе	168

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Предлагаемая вниманію русской публики книжка принадлежитъ перу недавно умершаго ассиріолога Гуго Винклера, наиболѣ выдающагося представителя того направленія въ области изученія вавилонской культуры, которое было окрещено сейчасъ же послѣ его появленія «панвавилонизмомъ». Хотя Винклеръ выступилъ съ «панвавилонистскими» тенденціями не первый (первымъ выступилъ Эд. Штукенъ, имя котораго Винклеръ вспоминаетъ въ послѣсловіи къ этой книгѣ), тѣмъ не менѣе, въ силу своего таланта и непоколебимой вѣры въ правильность своей точки зрѣнія, Винклеръ долженъ считаться подлиннымъ основателемъ «панвавилонистскаго» направленія. Противники отнеслись крайне строго и не совсѣмъ безпристрастно къ «панвавилонизму»; такой ученый, какъ Эд. Мейеръ, попросту назвалъ панвавилонизмъ бредомъ (Phantastereien); и читатель увидить, что такая строгая оцѣнка имѣла извѣстное основаніе. Вопросъ о всемірномъ значеніи вавилонской культуры, о ея вліяніи на культуру со-сѣднихъ азіатскихъ народностей и народовъ древней средиземноморской области Винклеръ, а вслѣдъ за нимъ и ученики его школы, расширили до крайнихъ предѣловъ, превративъ его, въ сущности, въ совершенно иной вопросъ—о зависимости культуры всѣхъ народовъ земного шара отъ вавилонской культуры. Эта особенность точки зрѣнія Винклера соединилась съ двумя другими особенностями, которыя придають ей специфическій оттѣнокъ, и въ той формѣ, какъ ихъ выставилъ Винклеръ, врядъ ли приѣмлемы по существу.

Во-первыхъ, древневавилонское міровоззрѣніе Винклеръ считаетъ астральнымъ, т.-е. основаннымъ на астральной наукѣ, наукѣ о звѣздахъ; во-вторыхъ, міровоззрѣніе всѣхъ древнихъ народовъ Винклеръ также считаетъ астральнымъ и притомъ заимствованнымъ (entlehnt) у вавилонянъ. Принятіе такой исходной точки ведетъ къ цѣлому ряду допущеній, плохо согласующихся съ фактами и потому крайне спорныхъ. Если прибавить къ этому, что Винклеръ является по своему методу идеалистомъ чистой воды, то для насъ сразу станутъ ясны всѣ остальные отрицательныя стороны его системы. Винклеръ-ассириологъ тутъ постоянно сталкивается съ Винклеромъ-панвавилонистомъ; точные факты забываются за пламенной вѣрой въ истинность апріорной теоріи, какъ, напримѣръ, существованіе сумеровъ въ документально извѣстную намъ эпоху. Тѣмъ не менѣе, панвавилонизмъ заслуживаетъ вниманія не только, какъ научный курьезъ, или какъ забава ученаго ума, не знающаго предѣла своей фантазіи. Въ панвавилонизмѣ есть нѣкоторыя положительныя черты, которыя не позволяють отнестись къ нему съ голымъ отрицаніемъ; нѣкоторыя положенія панвавилонизма надо считать доказанными, хотя и нельзя придавать имъ такого всеобъемлющаго значенія. Прежде всего, неоспоримо, что наука о звѣздахъ получила свое начало въ Двурѣчьи, и что уже сумеры успѣли двинуть ее значительно впередъ; начавшись съ самой грубой астрологіи, смѣшивавшей астрономическія и атмосферическія явленія, она прошла, какъ и вся вавилонская культура, длинный путь развитія, и тотъ ея видъ, въ какомъ изображаетъ ее Винклеръ, относится къ поздней ассирійской эпохѣ (при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что, конечно, дополненія вавилонской системы воззрѣніями китайцевъ и мексиканцевъ и выкладками самого Винклера надо отбросить). Отъ вавилонянъ ихъ астрологическая «мудрость» и астрономическія познанія перешли къ грекамъ, а затѣмъ къ арабамъ; европейская средневѣковая астрологія, такимъ образомъ, дѣйствительно, восходитъ къ вавилонской

астральной наукѣ, хотя ушла далеко впередъ отъ нея. Далѣе, безспорно вліяніе вавилонской легенды и миѳа на легенду и миѳъ сосѣднихъ народностей, въ томъ числѣ израильтянъ, и народовъ средиземной области. Можно съ достаточной точностью прослѣдить отраженіе различныхъ миѳовъ и легендъ и въ библіи, и въ финикійскихъ сказаніяхъ, и въ греческомъ эпосѣ, имѣя въ виду, однако, что вавилонскіе миѳы и легенды далеко не всѣ носили астральный характеръ, и что вавилонское вліяніе постоянно перекрещивается съ не менѣе сильнымъ египетскимъ вліяніемъ. Наконецъ, что касается частныхъ вопросовъ, то нѣкоторыя важныя проблемы по исторіи вавилонскаго календаря и по хронологіи разрѣшены Винклеромъ блестяще и окончательно, равно какъ имъ указаны такія точки соприкосновенія между вавилонскою культурою и сосѣдними, какія ранѣе оставались незамѣченными. Но при этомъ, конечно, все время приходится помнить о томъ, что и вавилонская культура, какъ и всякая другая, создавалась народомъ, и потому не можетъ быть сведена къ единому всеопредѣляющему моменту.

До извѣстной степени подъ конецъ своей жизни и дѣятельности сталъ ограничивать свою теорію и самъ Винклеръ. Если въ первыхъ своихъ статьяхъ онъ твердо стоялъ на томъ, что астральное міровоззрѣніе есть міровоззрѣніе народное и изначальное (*uranfänglich*), то въ одной изъ замѣтокъ въ *Orientalistische Literaturzeitung*, 1910, № 1, онъ уже говоритъ по поводу астрального міровоззрѣнія нижеслѣдующее: «Обыкновенный человекъ не видитъ (въ небесныхъ свѣтилахъ) попросту ничего. Къ небесному зрѣлищу должно, слѣдовательно, еще нѣчто привзойти: это—творческая фантазія; т.-е. между видѣннымъ и видѣвшимъ становится еще ука з ы в а ю щ и й и объясняющій у ч и т е л ь. Тѣмъ самымъ мы приходимъ къ у ч е н і ю, которое одно только и можетъ мнѣ объяснить сходныя черты во многихъ лунныхъ и другихъ астральныхъ миѳахъ. Это ученіе р е л и г і о з н о е... и притомъ высокоразвитое, ни-коимъ образомъ не примитивное... Этимъ, конечно, не объясняется происхождение этого ученія. О т ь о б ъ

ясненія я также отказываюсь (курсив мой), по крайней мѣрѣ, въ настоящее время». Признаніе чрезвычайно цѣнное: на мѣсто первоначальной увѣренности въ мѣстѣ и времени происхожденія системы, въ этихъ словахъ Винклера уже слышится скорбное *ignotus*.

Серьезная и объективная критика, которой подвергаются въ настоящее время взгляды и выводы Винклера и его школы, многое изъ нихъ, конечно, безвозвратно похоронить; но тѣмъ яснѣе и тверже станетъ то положительное и цѣнное, что принесъ съ собою панвавилонизмъ. Поэтому, предлагаемая брошюра, въ особенности ярко излагающая и крайности, и цѣнные выводы панвавилонизма прочтется, надѣмся, не безъ интереса и не безъ пользы.

Н. Никольскій.

ДРЕВНИЙ ВОСТОКЪ И ПОНЯТИЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ.

Всякій случай значительнаго нарастанія новаго научнаго матеріала въ какой-либо отрасли нашего научнаго знанія, помимо всего другого, оказываетъ также мощное вліяніе и на тѣ ея общіе принципы, согласно которымъ она трактуется. Вѣдь теорія, т.-е. установленіе законовъ развитія, имѣющихъ всеобщее значеніе, создается путемъ выведенія изъ фактовъ; и если теорія хочетъ быть вполнѣ послѣдовательной, она должна постоянно пересматривать заново всѣ свои основныя положенія, разъ становятся извѣстными факты совершенно новаго характера, потому обычно и обозначаемые какъ «открытія, создающія переворотъ».

Наука о человѣкѣ, какъ существѣ общественномъ, пережила въ 19-омъ вѣкѣ обогащеніе такими открытіями, которыя обусловили въ ней переворотъ, подобный тому, что въ области технической принесли съ собой паръ, металлургія и электричество. Это обогащеніе шло по двумъ направленіямъ—и географически, и хронологически. Поскольку раньше вообще считалось заслуживающимъ изученія развитіе человѣческаго рода, это изученіе ограничивалось классическими и примыкающими къ нимъ западно-европейскими народами, какъ единственными представителями человѣчества; лишь XIX вѣкъ началъ смотрѣть на весь земной шаръ, какъ на арену, на которой совершается развитіе человѣчества. Произошло это благодаря изслѣдованію всѣхъ культуръ, какъ передовыхъ, такъ и отсталыхъ, и благодаря про-

никновенію въ духъ тѣхъ народовъ, на которые европеецъ раньше смотрѣлъ пренебрежительно, сверху внизъ. Заслуга молодой науки этнологіи въ томъ и заключается, что она показала, что оцѣнивать какую-нибудь культуру или опредѣленное культурное явленіе слѣдуетъ не съ нашей точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія ея собственнаго процесса развитія. Не только въ практической жизни, но и въ научной области европейская культура стояла въ недоумѣніи передъ чужими культурами, культурами восточной Азіи, до-колумбовой Америки и древнѣйшаго Востока, — она не больше понимала въ нихъ, чѣмъ понималъ и понимаетъ ее самое презираемый ею китаецъ или житель Востока. Это было не болѣе, какъ изумленіе ребенка, которое, какъ и у ребенка, легко переходитъ обыкновенно въ надменность, могущую имѣть самыя худшія послѣдствія. Исторія европейскихъ колоній полна примѣрами тѣхъ печальныхъ результатовъ, какіе можетъ повлечь за собой недостатокъ пониманія сложившагося на другой почвѣ характера народовъ, которые сами по себѣ способны къ развитію или даже достигли высокаго развитія. Въ этомъ отношеніи этнологія вызвала перемѣну, по крайней мѣрѣ, въ научныхъ взглядахъ, хотя ея практическіе результаты оставляютъ еще желать очень многого. Наука убѣдилась, что современный европеецъ не есть единственный и истинный представитель человѣческаго рода, и научилась относиться съ уваженіемъ къ тому, что выросло или, вѣрнѣе, выработалось на другой почвѣ. Она уже не смотритъ на европейца въ мундирѣ или цилиндрѣ какъ на вершину пирамиды, низшія ступени которой составляютъ представители менѣе значительныхъ культуръ, вплоть до «дикарей». Она знаетъ, что пути человѣческаго развитія слишкомъ переплелись между собой, чтобы можно было распознать ихъ направленіе, а потому она учитъ насъ нѣкоторой скромности при поискахъ того мѣста, которое мы сами должны занять, какъ звено въ великой цѣпи развитія.

То, что этнологія сдѣлала главнымъ образомъ въ географическомъ, пространственномъ отношеніи, — не

ограничиваясь, конечно, только этим,—то же самое испытала наука историческаго изученія челоуѣка, расширяя свой матеріалъ въ томъ же направленіи—но лишь въ отношеніи времени. Какъ первая расширила узкій европейскій горизонтъ, охвативъ весь земной шаръ, такъ и границы второго раздвинулись во времени, что должно было вызвать не меньшій переворотъ въ общихъ сужденіяхъ о развитіи челоуѣчества.

И для исторіи прежде единственнымъ объектомъ серьезнаго изслѣдованія являлась область классической культуры и подвергшихся ея вліянію западно-европейскихъ народовъ. Греція и Римъ, подъ именемъ «Древняго міра», Средніе вѣка, Новое время,—вотъ органически сросшаяся съ нашимъ сознаниемъ классификація, съ которой связано опредѣленное историческое сужденіе. Она сдѣлалась настолько ходячей, что изслѣдователь, желающій говорить общепонятнымъ языкомъ, не можетъ избѣгнуть ея, хотя бы онъ и самъ попутно подчеркивалъ ошибочность лежащаго въ ея основѣ взгляда. Поэтому долгое время считали «всемірною исторіей» исторію этой ограниченной части челоуѣчества, и сужденіе о его развитіи получило соотвѣтствующую этому ограниченному кругозору цѣнность, т.-е. оказалось ошибочнымъ.

Какъ географическій горизонтъ охватилъ въ XIX вѣкѣ всю землю, такъ и историческій раздвинулся во времени настолько, что, повидимому, врядъ ли возможно будетъ дальнѣйшее расширеніе его хронологическихъ рамокъ. Исторіей мы называемъ то развитіе челоуѣчества, которое засвидѣтельствовано п и с ь м е н ы м и д о к у м е н т а м и, которое передано намъ въ с л о в ѣ и п и с ь м ѣ. Все, что лежитъ до этого, относится къ эпохѣ доисторической. Исторія, слѣдовательно, начинается тогда, когда намъ становятся извѣстными письменные источники. Но, насколько можно судить по сдѣланнымъ до сихъ поръ находкамъ, намъ, повидимому, нельзя надѣяться расширить нашъ кругозоръ во времени больше того, чѣмъ это сдѣлано. Находки и раскопки, сдѣланныя до сихъ поръ, заставляютъ предполагать, что дальнѣйшія открытія, въ

смыслъ своей древности, врядъ ли намного превзойдутъ доступные уже намъ теперь древнѣйшіе документы, хотя, какъ мы увидимъ, они вовсе не относятся къ самому начальному періоду культурнаго развитія человѣчества.

Это расширеніе нашего историческаго кругозора до его вѣроятныхъ предѣловъ во времени есть результатъ—и притомъ результатъ важнѣйшій—дешифрированія документовъ древняго Востока, области Евфрата и Нила, Вавилоніи и Египта—такъ называемыхъ клинообразныхъ письменъ и іероглифовъ. Возникнувъ въ первой половинѣ и около середины XIX вѣка, обѣ новыя отрасли знанія завершили свое развитіе въ самостоятельныя науки во второй половинѣ этого же вѣка и съ тѣхъ поръ являются тѣми лабораторіями, въ которыхъ разрабатывается новый, постоянно увеличивающійся и открывающій неожиданные горизонты, научный матеріалъ.

Открытіе письменныхъ памятниковъ древнѣйшей области культуры уже чисто хронологически обозначало приростъ историческаго знанія, значеніе котораго мы лучше всего уяснимъ себѣ, если сравнимъ его съ тѣмъ знаніемъ, которое намъ раньше было извѣстно, и которое разсматривалось, какъ «всемірная исторія» въ старомъ ея значеніи. Самыя древнія историческія извѣстія о классической культурѣ восходятъ къ V и VI вв. до Р. Хр.; о прошломъ Греціи до Мараѳона и Саламина мы немного узнаемъ изъ историческихъ источниковъ. Слѣдовательно, «всемірная исторія», начинающаяся съ этихъ событій и доходящая до нашего времени, охватываетъ періодъ меньше 2¹/₂ тысячъ лѣтъ. Древнѣйшіе памятники Вавилона и Египта относятся приблизительно къ эпохѣ около 3000 г. до Р. Хр.,—и притомъ это не отдѣльные разрозненные памятники, а такіе, которые даютъ связныя извѣстія, и которые, увеличиваясь постоянно въ числѣ, даютъ намъ возможность возстановлять все болѣе и болѣе полную картину развитія древняго Востока. Слѣдовательно, благодаря этому удвоилъ ся тотъ періодъ времени, который заключается въ понятіи «исторія».

Если мы желаемъ уяснить себѣ, какое это имѣеть значеніе для всего нашего пониманія исторіи развитія человѣчества, то мы должны основательно продумать этотъ фактъ и его послѣдствія. Дѣло идетъ не столько о томъ, что у насъ теперь имѣется изобиліе новаго историческаго матеріала, относящагося къ отдаленному, считавшемуся раньше сказочнымъ, прошлому: количественный приростъ возбуждаетъ лишь дѣтское изумленіе передъ хаотической массой частныхъ. Главное послѣдствіе заключается въ томъ, какъ подъ вліяніемъ этихъ новыхъ свѣдѣній мѣняется все наше пониманіе исторіи человѣческой культуры. Одно тысячелѣтіе—это немного въ исторіи міра въ естественно-научномъ смыслѣ, въ процессѣ образованія нашей земли. Но это много, очень много въ развитіи человѣческой группы, народа или страны. Извѣстный раньше 2¹/₂ тысячелѣтній періодъ исторіи былъ свидѣтелемъ того, какъ, даже въ одной и той же странѣ, появлялись, возникали и исчезали многіе народы и государства. Въ сущности, каждая изъ извѣстныхъ намъ государственныхъ организацій существуетъ не болѣе нѣсколькихъ столѣтій, затѣмъ слѣдуетъ паденіе или переворотъ. То, что мы, напр., въ германской исторіи, обозначаемъ какъ переходъ императорской власти отъ франковъ къ династіямъ саксонской, салической, гогенштауфенской и т. д., есть возникновеніе и исчезновеніе различныхъ организацій и народныхъ группировокъ, идущія рука объ руку съ рѣзкими перемѣнами въ культурномъ развитіи. Большая ошибка думать, что Востокъ въ своемъ культурномъ развитіи былъ болѣе устойчивъ и менѣе подверженъ быстрымъ перемѣнамъ, чѣмъ Западная Европа. Съ меньшей быстротой, чѣмъ у насъ, и тамъ въ политической жизни смѣнялись «династіи» и государственныя формы, и въ совершенномъ подобіи съ исторіей нашей европейской культуры такія событія сопровождалась и тамъ великими потрясеніями въ народной жизни, и тамъ совпадали съ подраздѣленіемъ соотвѣтствующихъ періодовъ исторіи народнаго быта. Лишь изслѣдователь, созерцающій эту трехтысячелѣтнюю исторію Передней Азіи съ очень отдаленнаго по времени наблюдатель-

наго поста, можетъ воспринять ее какъ нѣкую однородную эпоху. При болѣе же близкомъ разсмотрѣннн обнаруживаются колебанія вверхъ и внизъ, появленіе и исчезновеніе народовъ и цѣлыхъ народныхъ группъ, колебанія, никогда не прекращавшіяся и получающія приблизительно каждыя 3—4 столѣтія новые толчки. И столь же часто подвергались различнымъ измѣненіямъ и внѣшнія формы культуры. Но одно, несомнѣнно, осталось, пережило древній Востокъ и продолжало проявлять свое дѣйствіе въ значительно болѣе позднія эпохи: это—самый духъ его культуры, могуче царящій съ древнѣйшихъ временъ, неизмѣнно утверждаясь изъ вѣка въ вѣкъ въ чредѣ смѣняющихся народовъ и народныхъ группъ, государствъ, правительствъ, религій и разноязычныхъ литературъ.

СИСТЕМА МИРОВОЗРѢНІЯ ВОСТОКА.

Самымъ характернымъ признакомъ культуры области Евфрата, накладывающимъ на нее свою печать, является ея письменность, клинообразное письмо. Его дешифрированіе снова открыло для насъ старую культуру. Клинообразное письмо сохранило тѣ свѣдѣнія, которыя одни только даютъ возможность проникнуть въ духъ этого древнѣйшаго культурнаго міра и раскрыть тѣ частности, которыя выступаютъ въ пестрой игрѣ тысячелѣтней исторіи. Клинообразныя письма употреблялись въ продолженіе извѣстныхъ намъ трехъ тысячелѣтій дохристіанскаго лѣтосчисленія и исчезли лишь около христіанской эры. Послѣдніе клинообразные памятники письменности, имѣющіеся у насъ, относятся къ послѣднему вѣку до Р. Хр.

Въ теченіе своего трехтысячелѣтняго развитія клинообразное письмо претерпѣло въ своемъ внѣшнемъ видѣ много измѣненій. Оно обнаруживаетъ различія также въ зависимости отъ мѣста, поскольку оно употреблялось и другими народами, кромѣ населявшихъ собственно область Евфрата и Тигра, и поскольку приспособлялось ими къ ихъ языкамъ. Но, несмотря на это, оно является однородной системой письменности, которая и у чужихъ народовъ сохраняетъ еще свою ясно сознанную связь съ ученіемъ своей родины. Правда, имѣющіеся у насъ теперь древнѣйшіе письменные памятники—относящіеся приблизительно къ 3000 г. до Р. Хр.—указываютъ намъ на другія формы письма, но система употребленія осталась за все это время одной и той же, хотя внѣшній видъ отдѣльныхъ знаковъ измѣнялся, какъ измѣнилась форма

буквъ отъ греческихъ прописныхъ буквъ до современныхъ печатныхъ литеръ.

Въ основѣ своей остался тѣмъ же и языкъ, на которомъ составлялись письменные памятники въ теченіе этого времени, даже и тогда, когда на немъ уже почти перестали говорить. Этотъ языкъ называютъ вавилонскимъ или ассирійскимъ, по имени обоихъ важнѣйшихъ народовъ или странъ, въ которыхъ онъ господствовалъ, и относятъ его къ группѣ такъ называемыхъ семитическихъ. Послѣднее названіе взято изъ библейскаго дѣленія человѣчества (Быт. 10) и подходитъ для этой группы языковъ, по крайней мѣрѣ, потому, что всѣ называемые потомками Сима народы говорили фактически на близкихъ родственныхъ нарѣчіяхъ. Вавилоно-ассирійское нарѣчіе относится сюда вмѣстѣ съ группой ханаанскихъ (еврейскій, финикійскій), арамейскихъ (сирійскій, ошибочно называемый «халдейскій»), арабскихъ и южно-арабскихъ (сабейско-хымьарскій, зѳіопскій). На этомъ основаніи, т.-е. исключительно исходя изъ дѣленія языку, данные народы называютъ семитами.*

Въ эпоху древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ надписей мы уже находимъ въ Вавилонѣ семитическое населеніе, и притомъ поселившееся тамъ, по всей вѣроятности, уже издавна. Это—то населеніе, языкъ котораго мы называемъ вавилоно-ассирійскимъ, и которое мы соотвѣтственно этому можемъ назвать вавилонскимъ и семитами. На ихъ языкѣ составлялись съ этихъ поръ надписи, и онъ, какъ выше упомянуто, вышелъ изъ употребленія лишь вмѣстѣ съ клинописью.

Но въ то же время первыя имѣющіяся у насъ надписи преимущественно составлены на другомъ языкѣ, который по строенію и запасу словъ совершенно отличается отъ семитическаго. Въ самихъ клинообразныхъ письменахъ онъ обозначается, какъ языкъ Сумера или Сумера и Аккада, и народъ, говорившій на немъ, называютъ сумерійцами или «сумерійцами и аккадянами» (при чемъ Сумерь—южная, Аккадъ—сѣверная Вавилонія). Этотъ языкъ уже въ древнѣйшихъ надписяхъ употребляется семитическимъ населеніемъ, а

говорившее на сумерійскомъ нарѣчїи населеніе въ то время—т.-е. около 3000 г.—давно уже, вѣроятно, вымерло или потеряло всякое значеніе подѣ давленіемъ господствующаго семитическаго населенія. Такимъ образомъ, у насъ нѣтъ ни одной надписи, составленной самими сумерійцами, и во всемъ, что мы встрѣчаемъ въ историческое время, мы находимъ столь же мало сумерійскаго, какъ въ германское средневѣковье старолатинскаго,—за исключеніемъ только языка.

Вначалѣ этотъ сумерійскій языкъ, особенно въ южной Вавилонїи, преобладаетъ еще въ надписяхъ; лишь въ теченіе того періода, который намъ извѣстенъ, онъ былъ вытѣсненъ изъ официальныхъ сношеній и уступилъ мѣсто вавилоно-ассирійскому. Но и послѣ этого онъ сохранился какъ языкъ ученыхъ и языкъ богослуженія—подобно латинскому языку, особенно въ католической церкви,—и также исчезъ лишь вмѣстѣ съ клинописью. Такимъ образомъ, онъ въ этой формѣ пережилъ себя на три тысячи слишкомъ лѣтъ.

Мы должны видѣть въ немъ языкъ первоначальнаго населенія Вавилона, которое, слѣдовательно, жило здѣсь до появленія семитовъ; поэтому, с у м е р і й ц ы являются для насъ тѣмъ населеніемъ, которое развило вавилонскую культуру и выработало самое цѣнное для насъ приобрѣтеніе ея, клинообразное письмо, служащее для передачи словъ и мыслей. Какъ народъ, слѣдовательно, они, съ нашей точки зрѣнія, существовали въ доисторическое время, т.-е. мы ничего не знаемъ объ ихъ исторїи, судьбѣ и дѣятельности, какъ народа. Мы ихъ знаемъ лишь по тому наслѣдїю, которое они оставили позднѣйшимъ вѣкамъ, а именно—по ихъ языку, значеніе котораго для позднѣйшаго времени доказываетъ прочность всего созданнаго ими, и, наконецъ, по всей ихъ культурѣ, особенно ея духовной сторонѣ, сущность и глубокое вліяніе которой намъ еще предстоитъ уяснить себѣ. Поэтому, если мы, пожалуй, никогда не узнаемъ ничего исторически опредѣленнаго о сумерійцахъ, то мы можемъ создать себѣ представленіе о нихъ на основанїи одного лишь того, что намъ показываетъ исторія въ другихъ случаяхъ, и того,

чему учить оставленное ими наслѣдіе. Это не можетъ уяснить намъ ихъ физическихъ особенностей. Попытка на основаніи языка установить ихъ связь съ другими извѣстными группами народовъ, доказать родство съ ними до сихъ поръ не удавалась, и она, повидимому, безнадежна. Приходится при этомъ считаться также съ возможностью, что вымерли цѣлыя группы народовъ, о которыхъ мы ничего не можемъ узнать. Поэтому, все, что мы можемъ сказать, это слѣдующее: они не семиты, а еще того менѣ индогерманцы. Нельзя также доказать, что они принадлежать къ какой-либо извѣстной группѣ. Ихъ языкъ, по своему строенію, сходенъ съ языками тюркскихъ народовъ,—но этимъ отнюдь не доказывается какое-либо родство. Мы должны, слѣдовательно, рѣшиться не связывать пока этого доисторическаго народа ни съ однимъ изъ живущихъ исторической жизнью. Нужно также имѣть въ виду, что и въ то доисторическое, «сумерійское», время разыгрывалась, вѣроятно, та же игра, которую мы видимъ въ историческое время, съ ея смѣной народовъ, вторженіями и завоеваніями. Такимъ образомъ, мы понятіемъ «сумерійцы» охватываемъ, быть можетъ, гораздо больше, чѣмъ одинъ народъ или одно государство съ однороднымъ характеромъ. И только благодаря отдаленности во времени, уничтожающей всѣ различія, «сумерійцы» выступаютъ передъ нами въ такомъ собирательномъ смыслѣ.

Однако, не родство по языку и по расѣ, и не политическія судьбы государственныхъ формъ съ неизмѣнно повторяющимся явленіемъ — подавленіемъ отжившихъ имущихъ слоевъ народа жизнеспособными, хищными, явленіемъ, которое мы видимъ на протяжении всей четырехтысячелѣтней исторіи Востока,—не эти интересные для специалиста вопросы служатъ основаніемъ для оцѣнки значенія «сумерійцевъ» въ исторіи развитія человѣчества,—нѣтъ, оно опредѣляется тѣмъ наслѣдіемъ, которое они послѣ себя оставили—вавилонской духовной культурой. Когда мы наглядно уяснимъ себѣ ея характеръ, мы увидимъ, что передъ нами раскрываются новыя, еще недостаточно оцѣненныя

современными воззрѣніями стороны организованныхъ формъ человѣческаго общежитія. Эта проблема тѣсно связана съ внутреннимъ развитіемъ народа или группы народовъ, которую мы называемъ сумерійцами, и, знакомясь съ міровоззрѣніемъ Вавилоніи или Древняго Востока, нашедшимъ свое отраженіе на всемъ земномъ шарѣ, мы должны тѣ загадочныя и современному представленію отчасти непонятныя черты, которыя это міровоззрѣніе обнаруживаетъ—какъ въ своей сущности, такъ и въ своемъ распространеніи,—считать доказательствомъ самобытности этого древнѣйшаго, доступнаго намъ по историческимъ воспоминаніямъ, человѣчества и сообразно съ этимъ измѣнить наше общее пониманіе исторіи человѣческаго развитія. Этимъ путемъ право «сумерійцевъ» на мѣсто въ исторіи утвердится въ большей степени, чѣмъ путемъ опредѣленія связи ихъ языка съ той или другой группой языковъ. Стоитъ только немного глубже заглянуть въ сущность культуры Древняго Востока, какъ передъ нами выступитъ цѣлый рядъ чертъ, которыя сбиваютъ насъ съ толку и способны во многомъ опрокинуть наши обычныя представленія о ходѣ развитія человѣчества.

Прежде всего, самое главное: все то, что мы склонны считать составными элементами ученій Вавилона и Древняго Востока, слѣдовательно, сущностью культуры и науки, уже въ началѣ нашего знакомства съ ними является въ готовомъ видѣ и объединеннымъ въ единую систему, которая кажется намъ столь непонятной. Что первыя надписи не относятся къ начальному періоду культуры, мы уже видѣли, да это само собой вытекаетъ изъ одного факта употребленія письменъ. Вѣдь послѣднее предполагаетъ долгое предшествующее культурное развитіе. Но мы имѣемъ уже вполне выработанную въ предшествующій, исторической періодъ единую систему знаній, основныя положенія которой утвердили свое господство такъ же, какъ и самое разительное ея приобрѣтеніе—клинообразное письмо,—и получили еще болѣе продолжительное и болѣе широкое вліяніе. Мы увидимъ, что

моментъ у с т а н о в л е н і я или возникновенія этой «системы міровоззрѣнія Древняго Востока» нужно отнести къ 5-му—6-му тысячелѣтіямъ до Р. Х., слѣдовательно, къ очень отдаленной доисторической эпохѣ. Сколь продолжительнымъ мы должны считать періодъ ея выработки или развитія, это является пока столь же неразрѣшеннымъ вопросомъ, какъ непривычны для насъ соотвѣтствующія формы организациі, какъ чужды для насъ предполагаемый этой системой строй мыслей и чувствъ. Единственно что мы можемъ да и должны прежде всего сдѣлать,—это понять эту систему въ ея сущности, такой, какъ оную мы ее встрѣчаемъ, и прослѣдить ея дѣйствіе на извѣстное намъ чело-вѣчество. Только послѣ этого можно будетъ подумать о тѣхъ послѣдствіяхъ для развитія чело-вѣчества и для умственной жизни, какія имѣла эпоха, являющаяся для насъ и по сіе время эпохой доисторической.

Но если моментъ формальнаго установленія этой системы, а еще болѣе моментъ ея возникновенія уведутъ насъ въ глубь сѣдой старины, то все же одно, по крайней мѣрѣ, намъ нетрудно уяснить, а именно: съ этой системой мы встрѣчаемся не только въ Вавилоніи, которая является собственно ея родиной, но и во всей Передней Азіи, и въ особенности въ другихъ большихъ культурныхъ странахъ со столь же древней культурой, напр. въ Египтѣ. Въ историческое время объ культуры различаются лишь языкомъ и внѣшней формой письма. Это различіе не большее, чѣмъ оно было бы между нѣмецкой и французской культурой, если бы онѣ пользовались еще различнымъ по начертанію алфавитомъ (можно даже нѣмецкій готическій считать таковымъ). Оно не больше, чѣмъ будетъ со временемъ различіе между культурой русской и западно-европейской, или чѣмъ оно было между римской и греческой. Передняя Азія однородна въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ объ однородности европейской культуры или, особенно, науки. Науки и ученія Вавилоніи и Египта, ихъ міровоззрѣніе въ основныхъ своихъ положеніяхъ и идеяхъ столь же однородны, какъ они однородны и теперь въ равныхъ по степени культуры странахъ; то,

что и с л а м ъ въ своемъ родѣ сдѣлалъ для Востока—отъ восточной Азіи до Атлантическаго океана—то же самое сдѣлали нѣкогда и предшествовавшія тысячелѣтія; мы не знаемъ ни ихъ и с т о р і и, ни отдѣльныхъ событий, поэтому намъ приходится для наглядности прибѣгать къ аналогіи съ исламомъ. Но сходство всѣхъ основныхъ ученій, открывающихся какъ изъ древне-вавилонскихъ, такъ и изъ древне-египетскихъ надписей, свидѣтельствуетъ о сходствѣ о с н о в н ы х ъ ч е р т ѣ исторіи этихъ тысячелѣтій съ исторіей позднѣйшаго времени. Тотъ же духъ и то же міровоззрѣніе, то же ученіе ярко выступаетъ передъ нами изъ надписей пирамидъ, какъ и изъ надписей древнѣйшихъ вавилонскихъ памятниковъ, и оба предполагаютъ одинаковыя основы, такъ же, какъ современный исламъ въ Египтѣ и въ Иракѣ (Вавилоніи).

Въ обѣихъ странахъ мы встрѣчаемся также съ одинаковыми явленіями съ самаго начала нашихъ историческихъ памятниковъ. Культурное состояніе обѣихъ предполагаетъ долгое предшествующее развитіе. Гигантскія пирамиды служатъ осязательными свидѣтельствами этого, потому что такія сооруженія не подъ силу простому первобытному искусству. Содержаніе текстовъ на пирамидахъ, современные имъ памятники искусства доказываютъ, что и здѣсь, какъ и въ Вавилонѣ, около 3000 г. до Р. Хр. существовала древняя развитая культура, которая все, что мы встрѣчаемъ въ это время, отлила въ твердыя формы, въ формы и правила, больше уже не подвергавшіяся высшему усовершенствованію; въ лучшемъ случаѣ, они сохранились, большею же частью подвергались порчѣ или окаменѣнію. Такимъ образомъ, классическій періодъ культуры древняго Востока относится къ началу нашего знакомства съ ней или даже къ еще болѣе раннему времени. Съ этого періода прогресса уже нѣтъ, есть регрессъ, упадокъ.

Итакъ, ученіе и весь характеръ мышленія тогда уже вылились въ прочно застывшія формы, не подвергаясь дальнѣйшему измѣненію. Предполагать это заставляютъ насъ уже самыя условія этихъ странъ. Въ древнѣйшую

эпоху мы встрѣчаемъ въ Египтѣ, какъ и въ Вавилонѣ, древнія мѣста культовъ, города съ ихъ святилищами, какъ центры государственнаго порядка. Въ обѣихъ странахъ Оивы и Мемфисъ, Уръ, Урукъ, Ниневія и Харранъ являются уже въ древнѣйшихъ надписяхъ столь же издревле чтимыми, такими же центрами религіозной, культурной и политической жизни, какъ и до самаго конца. Но уже таковыми они дошли до этого древнѣйшаго времени, для котораго они являются тѣмъ же, что для насъ Римъ или Афины. Эта эпоха чтитъ ихъ божества и тѣмъ самымъ исповѣдуетъ ученіе ихъ жрецовъ—въ смыслѣ регулирующей всю общественную жизнь религіи или ученія, какъ это намъ станетъ ясно изъ дальнѣйшаго,—она принимаетъ ихъ ученіе такъ, какъ мы принимаемъ все то, что дошло до насъ въ видѣ неотъемлемаго блага изъ духовныхъ приобрѣтеній классической древности.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ ПЕРЕДНЕЙ АЗІИ.

Хотя намъ приходится допустить единую основу и единый духъ культуры и ученія Древняго Востока, однако частности представляютъ большія различія. Какъ и въ странахъ европейской культуры, мы видѣли это и въ Вавилонѣ и Египтѣ, мы видимъ это и въ другихъ странахъ культурнаго района Передней Азіи, среди которыхъ мы можемъ особенно указать на восточнаго сосѣда Вавилоніи—Эламъ (область съ главнымъ городомъ Сузы), Малую Азію, населенную народомъ хатти, или хетты, а также Сирію—Палестину. И что вѣрно по отношенію къ мѣсту, столь же вѣрно и по отношенію ко времени. Если мы съ самаго начала установили, что Востокъ такъ же мало оставался въ состояніи покоя, какъ и Европа, то о внутренней организаціи приходится говорить то же самое, что и о политической. Рѣзкія перемѣны въ одной не происходятъ безъ переворотовъ въ другой. Поэтому, если мы допускаемъ единство основъ, оставшееся неизмѣннымъ во всѣ времена, то мы должны все-таки никоимъ образомъ не упускать изъ виду, что единичныя явленія измѣнялись вмѣстѣ съ теченіемъ времени. И древне-восточный періодъ культуры обнаруживаетъ такія же колебанія вверхъ и внизъ, какъ и періодъ культуры западно-европейской на протяженіи отъ «древняго времени» до «новаго».

Политическія потрясенія связаны съ такими же культурными—стоитъ только вспомнить о реформаціи, тридцатилѣтней войнѣ и ихъ послѣдствіяхъ для поли-

тического и культурнаго развитія Германіи. Вотъ почему, при изученіи вавилонской культуры приходится обратить вниманіе, по крайней мѣрѣ, на основныя черты исторіи Вавилоніи и Передней Азіи. Важнѣйшіе историческіе моменты должны отражаться и на культурномъ развитіи.

Древнѣйшая Вавилонія.

Древнѣйшія надписи рисуютъ намъ Вавилонію раздѣленною на маленькія государства. Города-царства, занимающіе сравнительно небольшія части страны, существуютъ другъ около друга, воюють между собой и взаимно подчиняють одинъ другому. Населеніе уже семитическое (см. стр. 8), но надписи составляются на сумерійскомъ языкѣ. Изъ городовъ-царствъ путемъ объединенія ихъ въ рукахъ одного завоевателя быстро возникаютъ большія государства, распространяющіяся далеко по Передней Азіи. Затѣмъ мы снова видимъ періодъ разложенія, за которымъ слѣдуетъ новое сляніе того, что уже было однажды единымъ. Подробныя явленія довольно часто повторяются въ теченіе позднѣйшей исторіи.

Первыя извѣстія идутъ изъ южной Вавилоніи, гдѣ утвердилось и господство сумерійскаго языка (какъ языка письменнаго). Но одновременно упрочивается въ сѣверной Вавилоніи семитическій языкъ, и, спустя нѣсколько столѣтій послѣ появленія нашихъ извѣстій, мы видимъ гегемонію сѣверной Вавилоніи надъ всей страной. Эта гегемонія связана съ именами двухъ царей: Саргона изъ Агадѣ и его сына Нарамсина (около 2800 года до Р. Хр.). Оба они завоевываютъ весь передне-азиатскій міръ, начиная съ приобрѣтенія всей Вавилоніи: сѣверныя страны Евфрата (Месопотамію), вплоть до Малой Азіи, гдѣ рѣка Галисъ обычно считается, повидимому, естественной границей съ запада; Сирію, Финикію и Палестину, гдѣ тогда еще не было финикійцевъ, а еще того меньше израильтянь, но гдѣ уже упоминаются портовые города, откуда начиналась

навигация по Средиземному морю. Они не называются по имени, но в одной надписи говорится о 31 городѣ на берегу моря, которые были завоеваны. Это—города, прославившіеся позднѣе, какъ мѣстожителство финикійцевъ (о нихъ мы снова, въ египетскихъ надписяхъ, услышимъ черезъ тысячу лѣтъ). Въ числѣ ихъ, нужно думать, были Тиръ и Сидонъ, а также Газа, Аскалонъ и др. Овладевъ ими, Саргонъ предпринимаетъ трехлѣтній «походъ по западному морю», неизвѣстно—куда. Но приходится думать лишь о греческихъ островахъ или о сѣверномъ берегѣ Африки, гдѣ «финикійскія колоніи» кареагенянъ образуютъ впоследствии провинцію, стоящую подъ непосредственнымъ вліяніемъ восточной культуры. Уже продолжительность этого предпріятія доказываетъ, что это не былъ обыкновенный разбойничій набѣгъ; ясно также сказано, что тамъ, на далекомъ западѣ, введена была прочная вавилонская система управленія, имѣвшая, слѣдовательно, въ виду длительную связь съ Вавилоніей. На сѣверѣ завоеванія распространились до горной области Арменіи, входившей въ то время,—равно какъ и раньше уже,—въ сферу господства вавилонской культуры. На востокъ Эламъ считался простой вавилонской провинціей, на югъ покорена была Аравія. Державу съ такими широкими границами и съ центромъ въ Вавилонѣ удалось создать снова лишь въ эпоху калифата. Въ особенности слѣдуетъ замѣтить, что владычество надъ Аравіей и Средиземнымъ моремъ никогда уже больше не имѣло мѣста, даже при персидскомъ господствѣ, которое зато, правда, распространилось дальшѣ на востокъ (до границъ Индіи). Достойно, однако, вниманія, что изъ круга этихъ завоеваній исключена была, по видимому, одна страна—Египетъ. Хотя, стало быть, ему тогда въ политическомъ отношеніи и пришлось удовольствоваться своими естественными границами, онъ по крайней мѣрѣ внутри нихъ, оставался независимымъ. Рѣчь здѣсь идетъ о періодѣ «древняго царства» египетской исторіи.

Такія завоеванія своимъ быстрымъ наступленіемъ движеніемъ, за которымъ слѣдуетъ столь же

быстрое попятное движеніе, доказываютъ, что они совершались по давно уже извѣданнымъ путямъ. Такимъ образомъ, и это обстоятельство подтверждаетъ сдѣланныя нами предположенія о древности культуры и ея прежнемъ распространеніи. Какъ ни мало знакомъ намъ этотъ міръ, о которомъ мы здѣсь впервые слышимъ въ такомъ объемѣ,—для Вавилоніи того времени онъ далеко уже не являлся новой частью свѣта, какъ и 3½ тысячи лѣтъ спустя, когда исламъ распространился подобнымъ же образомъ.

Итакъ, это—время наибольшаго распространенія могущества Вавилоніи, какое только мы знаемъ въ исторіи. Позднѣйшее ассирійское царство никогда не проникало такъ далеко, хотя въ послѣдній періодъ расцвѣта своей силы—при Ассаргадонѣ (681—668)—оно преслѣдовало тѣ же цѣли. Но именно стремленія этой позднѣйшей эпохи доказываютъ значеніе древнѣйшей. Ассаргадонъ сознательно связалъ себя съ традиціями послѣдней. Онъ хотѣлъ быть новымъ Саргономъ и снова осуществить старыя историческія притязанія. Та эпоха, эпоха Саргона I, постоянно являлась для позднѣйшей золотымъ вѣкомъ вавилонскаго могущества, Саргонъ и Нарамсинъ были въ глазахъ позднѣйшихъ вавилонянъ и ассирійцевъ приблизительно тѣмъ же, чѣмъ для насъ Карлъ Великій,—какъ и послѣдній, они были оцѣнены исторіей, прославлены и возвеличены легендой. Мы увидимъ дальше, какъ Саргонъ дѣлается излюбленнымъ героемъ вавилонскихъ историческихъ преданій—біографію его въ легендарной формѣ еще въ послѣдній періодъ ассирійскаго царства велѣлъ снова начертать для своей бібліотеки Ассурбанипаль; мы увидимъ, какъ отецъ послѣдняго, Ассаргадонъ, высоко цѣнилъ политическія традиціи того времени.

Если историческія событія когда-либо могли способствовать распространенію вавилонской культуры, то это, несомнѣнно, были событія разсматриваемой нами эпохи Саргона. Самымъ осязательнымъ образомъ это вліяніе выступаетъ тамъ, гдѣ оно подтверждается письменными документами. Если оставить въ сторонѣ Аравію,—являющуюся, по видимому, въ настоящее время

самой неизвѣстной и меньше всего изслѣдованной частью стараго культурнаго міра,—то мы можемъ доказать самое непосредственное вліяніе Вавилоніи на письменность, а слѣдовательно—и на духовную жизнь во всей области завоеваній Саргона и его сына. На востокѣ, въ Эламѣ, клинообразное письмо съ самаго начала является элементомъ предыдущей культуры, какъ и въ самой Вавилоніи. Недавно французскія раскопки въ Сузахъ открыли глиняныя таблички съ системой письма, которую приходится разсматривать, какъ древнѣйшую ступень клинописи. Здѣсь еще можно ясно различить первоначальную форму фигуръ, лежащихъ въ основѣ клинообразныхъ знаковъ, но для изображенія этихъ фигуръ уже употреблены клинообразные штрихи. Въ Палестинѣ и Сиріи, равно и въ Малой Азіи, клинообразное письмо во 2-мъ тысячелѣтіи является общеупотребительнымъ способомъ письменныхъ сношеній, при чемъ либо пользуются языкомъ вавилонскимъ, либо приспособляютъ клинопись къ туземнымъ языкамъ. Намъ извѣстенъ уже цѣлый рядъ различныхъ языковъ, которые пользовались клинообразнымъ письмомъ. То же самое было и въ странахъ къ сѣверу отъ Месопотаміи. Даже въ Египтѣ клинописью пользуются для сношеній съ заграницей. Недавнія раскопки на островѣ Критѣ особенно ясно доказываютъ намъ вліяніе древней Вавилоніи. Здѣсь найдены были многочисленныя глиняныя таблички съ письмомъ, являющимся уже письмомъ буквеннымъ. Но глиняная табличка, какъ матеріаль для письма, указываетъ на заимствование изъ Вавилона, потому что она совершенно непригодна къ буквенному письму, и характеръ исполненія письменныхъ знаковъ подтверждаетъ, что новая техника письма выработалась на непригодномъ для этого матеріалѣ. Глиняная табличка была предназначена для выдавливанія на ней клиньевъ, а не для начертанія кривыхъ линій. Такимъ образомъ, несоотвѣтствіе, существующее между письмомъ и матеріаломъ, доказываетъ, что употребленіе этого матеріала объясняется древними традиціями. Съ этой же точки зрѣнія придется разсма-

тривать найденные въ области Средиземнаго моря мелкіе покрытые клинообразными письменами (и притомъ— древнѣйшаго періода) предметы, печати въ формѣ цилиндровъ, которые въ Вавилоніи катали по глинѣ; однако, возможно, конечно, допустить и простое занесеніе этихъ предметовъ. Во всякомъ случаѣ, намъ приходится констатировать проникновеніе вавилонской культуры во всѣ области позднѣйшаго греческаго міра.

Восточный способъ мышленія, какъ мы еще это узнаемъ, способствовалъ тому, что великіе историческіе перевороты также отмѣчались его религиознымъ отпечаткомъ. Другими словами: всякая новая государственная организація считается установленіемъ божества и влечетъ поэтому за собой измѣненія въ культѣ, религіи, ученіи: основатель новаго государства дѣлается также и основателемъ новой религіи, если только, что часто бываетъ, основатель секты не вышается до роли политическаго властелина, какъ это, напр., сдѣлалъ Магометъ и многіе другіе его послѣдователи.

Великая монархія сѣверной Вавилоніи, повидимому, также создала себѣ новое божество, или, какъ мы увидимъ, новую форму почитанія божества. Это выразилось въ основаніи новой столицы монархіи, которая являлась не только царской резиденціей, но и съ полнымъ правомъ вступила въ ряды издревле признанныхъ священныхъ мѣстъ. Этимъ городомъ былъ Вавилонъ, основаніе котораго приписывается Саргону. Въ болѣе раннихъ надписяхъ онъ не упоминается, съ этого же времени онъ фактически дѣлается тѣмъ, что имѣлъ въ виду его основатель: признаннымъ центромъ передне-азиатскаго міра. Если дотолѣ болѣе древніе, въ различныя тысячелѣтія (съ которыми намъ приходится считаться!) различныя, священные города, какъ, напр., Эриду или Урь, играли руководящую роль въ культѣ и ученіи, то теперь духовнымъ центромъ вавилонскаго міра становится Вавилонъ, и его ученіе получаетъ преобладаніе надъ другими. Онъ играетъ такую же роль, какъ Римъ въ Средніе вѣка,—и въ ду-

ховномъ отношеніи, и по своимъ политическимъ притязаніямъ, которыя покоятся на той идеѣ, что свѣтская власть имѣетъ своимъ источникомъ божество. Богомъ Вавилона является Мардукъ,—онъ отнынѣ становится поэтому владыкой міра,—при чемъ для насъ остается еще нерѣшеннымъ вопросъ, существующія ли уже ученія нашли себѣ мѣстную форму выраженія въ новой столицѣ, или же, наоборотъ, политическія отношенія повліяли на выработку формы ученія. Достаточно установить, что дѣло Саргона выдержало испытаніе, и что древне-вавилонское ученіе, въ той формѣ, какую оно приобрѣло въ новой столицѣ монархій, въ новообразованномъ «центрѣ», господствовало отнынѣ надъ вавилонскимъ міромъ. Ученіе о Мардукѣ, богѣ весны и спасителѣ, затмеваетъ всѣ остальные, оно становится основнымъ для Востока, и даже тамъ, гдѣ оно выступаетъ подъ другими названіями, оно обнаруживаетъ тѣ же основныя черты. Дальнѣйшія взаимоотношенія выяснятся изъ удивительной структуры вавилонской системы міра.

И въ области искусства и техники это время является временемъ расцвѣта вавилонской мощи. Памятники этого столѣтія обнаруживаютъ такую смѣлость замысла и такое воспроизведеніе формъ, которыя напоминаютъ классическіе образцы. Правда, въ позднѣйшія времена техника исполненія во многомъ улучшилась, но дальнѣйшаго развитія вавилонское искусство не достигло. Какъ и египетское искусство, оно отъ свободнаго творчества перешло къ окончательнымъ традиционнымъ условностямъ (ср. стр. 13).

Широкому распространенію политическаго могущества, естественно, должно соответствовать такое же широкое развитіе сношеній, или, правильнѣе говоря, первое является предварительнымъ условіемъ для второго. Торговля сношенія совершались тогда во всей Передней Азіи столь безпрепятственно, какъ мы это позднѣе видимъ лишь во времена калифата. Яснѣ всего тогдашнее величіе Вавилоніи и ея позднѣйшее паденіе сказываются въ ея морскихъ сношеніяхъ. Въ то время непосредственныя торговля отношенія поддерживались

при помощи вавилонскихъ судовъ, которыя ходили отъ Персидскаго залива кругомъ Аравіи въ Красное море и, естественно, должны были захватывать и Индію и западную Африку. Торговья сношенія, которыя пытались завязать двѣ тысячи лѣтъ спустя Хирамъ изъ Тира и Соломонъ, должны были происходить этимъ же путемъ. Но съ теченіемъ времени Вавилонія дала себя отгѣснить отъ моря. Въ слѣдующемъ же періодѣ въ нижнемъ бассейнѣ рѣкъ и на берегахъ Персидскаго моря образовалось самостоятельное государство, отрѣзавшее отъ сообщенія съ моремъ «царство Вавилона»; только въ позднѣйшій періодъ ассирійскаго могущества это новое государство было покорено и вынуждено къ воссоединенію, но все же оно всегда оставалось самостоятельнымъ политическимъ организмомъ. Это—такъ называемая «Приморская страна», занятая въ эпоху расцвѣта ассирійскаго могущества халдейскимъ населеніемъ. И въ этомъ фактѣ сказывается упадокъ всей культуры.

Послѣ первоначальнаго, извѣстнаго намъ, сильнаго подъема сѣверной Вавилоніи съ ея опредѣленно семитическимъ характеромъ, политическій центръ тяжести еще разъ на нѣсколько столѣтій перемѣщается на югъ. Возникаетъ монархія, правители которой называютъ себя «царями Сумера и Аккада», а затѣмъ присоединяютъ еще, введенный уже Нарамсиномъ, титулъ «царей четырехъ странъ свѣта»; вначалѣ (около 2600 г.) центромъ ея былъ городъ Уръ, издревле чтимое мѣсто культа луннаго бога. Эта монархія, какъ титуломъ своихъ царей, такъ равно и языкомъ своей письменности, снова на нѣсколько столѣтій воскрешаетъ сумерійскія традиции—но въ послѣдній разъ. Два раза за время ея существованія мѣнялся политическій центръ: мѣсто Ура, какъ столицы, занялъ Исинъ, въ чемъ уже сказалось забвеніе старыхъ традицій, паденіе вновь воскресшаго въ послѣдній разъ сумерійскаго могущества. Исинъ уже не принадлежалъ къ старымъ священнымъ столицамъ. Затѣмъ его мѣсто занимаетъ южно-вавилонскій городъ солнечнаго культа—Ларса. Но господство династіи, имѣвшей резиденціей этотъ городъ (около

2300—2000 гг.), является лишь незначительнымъ эпилогомъ этого послѣдняго южно-вавилонскаго періода. Къ тому же она опиралась на чужія силы, на вторгшихся изъ Элама завоевателей. Такимъ образомъ, послѣдній періодъ уже ясно обнаруживаетъ слѣды разложенія тѣхъ отношеній, выразителемъ которыхъ являлось царство «Сумера и Аккада».

Вавилонъ.

Между тѣмъ, сѣверная Вавилонія снова возвысилась до руководящей роли. Цари обѣихъ южныхъ династій отчасти уже управляютъ вмѣстѣ съ самостоятельными царями сѣверной Вавилоніи, которые вышли изъ Сиппара (этотъ городъ занялъ мѣсто Агадѣ царя Саргона) и уже смотрѣли на Вавилонъ, какъ на резиденцію своей монархіи. Съ началомъ ихъ династіи (около 2400 г.) и начинается поэтому исторія «Вавилонскаго царства», которое отнынѣ играетъ главную роль въ вавилонской исторіи и, въ сущности, одно только признается настоящей политической организацией. Правда, цари Вавилона, а позднѣе ассирійскіе цари, еще носятъ болѣе ранніе царскіе титулы, но въ политическомъ отношеніи уже болѣе не существуетъ соответствующихъ этимъ титуламъ самостоятельныхъ государствъ. Исторія этого періода имѣла своимъ результатомъ уничтоженіе противоположности между сѣверной и южной Вавилоніей и перемѣщеніе центра тяжести навсегда въ сѣверную Вавилонію и ея столицу Вавилонъ, но, конечно, какъ мы видѣли, съ потерей господства надъ Персидскимъ моремъ.

Еще другой отличительный признакъ выступаетъ въ теченіе этого періода: Вавилонію занимаетъ новое населеніе, которое, очевидно, переселилось сюда въ предшествующій періодъ. Это такое же населеніе, которое мы знаемъ въ Ханаанѣ и Финикіи, слѣдовательно, также принадлежащее къ семитической группѣ, въ которой оно представляетъ новый, болѣе молодой слой, въ противоположность болѣе старому—«семитамъ вави-

лонскимъ». Такія переселенія говорятъ о завоеваніяхъ, о сильныхъ культурныхъ потрясеніяхъ и переворотахъ, какъ это доказываетъ великое переселеніе народовъ по отношенію къ римской культурѣ. Подобныя же явленія имѣютъ мѣсто и здѣсь. Когда политическое единство было возстановлено, и «царство Вавилона» стало господствовать надъ всѣмъ, основателю его прежде всего приходится подумать о томъ, чтобы залѣчить раны, полученныя страной въ періодъ безвременья, среди борьбы и «безпорядковъ». Старые города и святилища получаютъ обратно свои права и вновь расцвѣтаютъ; самое важное для Вавилоніи—сѣтъ каналовъ, которая является необходимымъ условіемъ для орошенія страны, и отъ которой зависитъ, быть ли странѣ садомъ или большимъ болотомъ,—эта сѣтъ каналовъ приводится въ прежнее состояніе, издаются новые учредительные акты и законы, и т. д. Однимъ словомъ, создается новая организація. Но она относится къ старой, какъ европейское средневѣковье къ Риму. Классической періодъ вавилонской культуры уже давно прошель.

Борьба, приведшая къ установленію такого порядка вещей, продолжалась въ теченіе правленія первыхъ пяти «царей Вавилона», приблизительно два столѣтія. При шестомъ сѣверная Вавилонія одержала окончательную побѣду и положила конецъ самостоятельности царей «Сумера и Аккада». Царемъ, которому во время его, болѣе чѣмъ 50-лѣтняго, правленія удалось одержать эту побѣду, былъ Хаммураби; поэтому онъ можетъ считаться основателемъ могущества Вавилона, какъ бы Карломъ Великимъ царства Вавилона, которое представляетъ намъ на почвѣ древне-вавилонской культуры дальнѣйшую, но не высшую, ступень развитія. Это—тотъ Хаммураби, въ царствованіе котораго страна получила новое устройство, при которомъ ученіе Мардука восторжествовало надъ другими ученіями, и который организоваль общественныя отношенія на новыхъ началахъ изданіемъ новаго законодательства—«Кодекса Хаммураби», начертаннаго на каменномъ столбѣ, попавшемъ въ послѣдствіи въ Сузы и тамъ открытомъ въ 1901—2 г.

Послѣ Хаммураби правили еще пять царей его династїи (приблизительно до 2100 или 2000 г.). Это—эпоха расцвѣта новаго царства В а в и л о н а, которое въ это время играетъ первую роль въ Передней Азіи и распространило свое владычество даже до Средиземнаго моря. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ великаго передвиженія народовъ, которое привело въ культурныя страны новыя элементы и вызвало новыя политическія организациі и другое распредѣленіе сферы господства. При этомъ Вавилонъ съ Вавилоніей все больше теряетъ свою руководящую политическую роль, но онъ сохраняетъ свое значеніе, какъ центръ религіознаго ученія,—совершенно такъ же, какъ Римъ въ Средне вѣка.

Паденіе Вавилонскаго царства; касситы, хетты.

Нѣсколько столѣтій спустя, около 18-го или 17-го вѣка до Р. Х., картина снова совершенно мѣняется. Бассейномъ Евфрата владѣютъ новыя народности, но приспособляющіяся къ старой культурѣ, и съ этого времени мы можемъ прослѣдить ихъ существованіе. Сама Вавилонія подверглась завоеванію народа, называвшаго себя касситами (К а с с у); уже въ послѣдній періодъ первой династїи они появляются на сценѣ, какъ безпокойные сосѣди на сѣверо-восточной границѣ, а также какъ наемники на вавилонской службѣ. Такимъ образомъ, они представляютъ собой такое же явленіе, какъ тюркскія племена въ исламѣ, и, вторгаясь, какъ и послѣдніе, все большими массами въ старую культурную страну, въ концѣ концовъ, они подчинили ее своему господству, чтобы потомъ, въ свою очередь, совершенно вавилонизироваться. Вѣроятно же всего, ихъ прародину нужно искать во внутренней Азіи, такъ что они фактически являются какъ бы предшественниками тюрковъ и монголовъ. Приблизительно съ 1700 г. до Р. Х., они—неограниченные властители Вавилонїи и примыкающихъ къ ней съ сѣвера и востока областей (Мидїи). Въ Вавилонѣ правятъ касситскіе цари, которые называютъ себя «царями Вавилона»; при этомъ можно ясно прослѣдить,

какъ ихъ старыя національныя черты постепенно стираются, такъ что, въ концѣ концовъ, эти цари вмѣстѣ съ пришедшимъ съ ними господствующимъ слоемъ населенія уже являются вполнѣ вавилонянами и чувствуютъ себя таковыми. Вавилонскіе царскіе списки перечисляютъ не менѣе 36-ти царей этой «династіи», и имъ приписывается болѣе, чѣмъ 500-лѣтнее существованіе, такъ что конецъ династіи совпадаетъ съ концомъ 12-го вѣка. Въ теченіе всего этого времени Вавилонія, правда, еще является одной изъ великихъ державъ Передней Азіи, но уже не единственной. Именно, въ это же время волна новыхъ завоевателей съ запада и сѣвера, черезъ Малую Азію и Арменію, быть можетъ, изъ европейскаго резервуара народовъ хлынула на лежащія выше по теченію рѣкъ области: Месопотамію и позднѣйшую Ассирію. То были народы, родственные господствовавшему тогда въ Малой Азіи населенію. Такъ какъ послѣднее образовало тамъ государство или державу хеттовъ (столица его находилась на мѣстѣ развалинъ теперешняго Богазкеоя, къ востоку отъ Галиса, въ Каппадокіи), то эти народы можно называть заимствованнымъ отъ него именемъ х е т т ы. Эти народности проникли до границъ Вавилоніи одновременно съ вторженіемъ касситовъ, и приблизительно съ 17-го столѣтія занимаютъ лежащія вверхъ по теченію области, вмѣстѣ съ Сиріей и сѣверной Палестиной. Онѣ являются, слѣдовательно, совершенно новымъ элементомъ внутри культурнаго міра Передней Азіи. Во время господства касситовъ въ Вавилоніи, онѣ изъ своего политическаго центра неоднократно надвигаются не только на Месопотамію, но также и на Сирію, которую онѣ прошли насквозь, а также и на Палестину.

Здѣсь эти народности сталкиваются съ другой великой культурной державой, которую мы въ это время впервые встрѣчаемъ внѣ ея узкихъ политическихъ границъ, именно съ Египтомъ. Когда Вавилонія перестала уже играть преобладающую роль, этотъ послѣдній тоже вступаетъ на путь завоеваній и (при царяхъ 18-й династіи) проникаетъ черезъ Палестину и Сирію до Евфрата. То были походы Тутмосисовъ и Аменофисовъ (Аменго-

теповъ), при которыхъ Египеть впервые выступаетъ, какъ государство-завоеватель, устремляющееся въ Переднюю Азію; отнынѣ это явленіе повторялось всякій разъ, когда Египеть оказывался подъ властью предприимчивой династїи, наступательныя движенія которой облегчались положеніемъ дѣлъ въ Сирїи. Такимъ образомъ, страна, лежавшая между тремя великими культурными государствами, подвергалась завоеванію всѣхъ ихъ трехъ и подпадала попеременно ихъ господству.

Ассирія.

Эта эпоха безпрестаннаго политическаго упадка Вавилонїи оставила намъ лучшее доказательство ея культурнаго значенія. Въ 15-мъ и 14-мъ вѣкахъ Египеть играетъ главную роль, и тамъ сходятся нити всей политики Передней Азіи. У насъ имѣется часть политическаго архива фараоновъ Аменофиса III и Аменофиса IV, найденнаго въ Среднемъ Египтѣ, въ Телль-Амарнѣ, гдѣ была столица Аменофиса IV. Этотъ архивъ заключаетъ въ себѣ письма царей передне-азиатскихъ государствъ: Вавилонїи, Ассирии, Месопотамїи (Митанни), царства хеттовъ, Аляшїи (Кипра) и сирійскихъ и палестинскихъ вассальныхъ князей къ «великому царю» Египта. Всѣ эти письма клинописныя и на вавилонскомъ языкѣ, который, конечно, обнаруживаетъ слѣды вліянія различныхъ мѣстныхъ нарѣчій. Самъ египетскій фараонъ пользуется этимъ же письмомъ, когда онъ пишетъ своимъ «слугамъ» въ Палестинѣ или своимъ «братьямъ», самостоятельнымъ царямъ. Позднѣе и въ самой Палестинѣ (въ Таанахѣ въ долинѣ Кисона, въ Лахишѣ въ Іудеѣ) найдены были письма туземныхъ правителей, относящіяся приблизительно къ тому же времени.

Такія событія обыкновенно сопровождаются также образованіемъ новыхъ государствъ или восстановленіемъ старыхъ подъ другими названіями. Помимо тѣхъ разнообразныхъ государствъ, которыя образовались въ области хеттскаго вліянія, и которыми пестритъ карта этой мѣстности, естественное соперничество между страной, лежащей по верхнему теченію Евфрата (Месопотамїя), и

страной, лежащей по нижнему (Вавилонія), привело къ развитію второй великой державы, соперничающей съ Вавилоніей и постепенно занявшей ея мѣсто. Такимъ образомъ, эта держава выступаетъ, какъ четвертая, рядомъ съ предыдущими тремя, и съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ господство надъ оспариваемыми каждой изъ нихъ странами.

Эта держава—царство Ассура, Ассирія. Столица его во времена Хаммураби упоминается еще на ряду съ остальными старыми вавилонскими городами и святилищами боговъ. Во время рѣзкаго измѣненія отношеній между народностями, оно добилось самостоятельности, распространило свое господство на область лѣваго берега Тигра и затѣмъ раздвинулось отъ этой «страны Ассура» далѣе—какъ къ Вавилону, такъ въ особенности къ Месопотаміи. Въ первыя столѣтія господства касситовъ въ Вавилоніи уже встрѣчаются «цари Ассура», которые сначала стоятъ въ ленной зависимости отъ Вавилоніи, а затѣмъ постепенно превращаются въ ея сюзереновъ. Таковъ былъ ходъ развитія въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, приведшій въ 13-мъ вѣкѣ къ передачѣ впервые въ руки новой державы господства надъ Вавилоніей. Тукултининибъ I, царь Ассура, присвоилъ себѣ старый вавилонскій титулъ «царя Сумера и Аккада» и т. д. и поставилъ въ Вавилонѣ,—право котораго, какъ «мірового центра» продолжало признаваться и теперь, какъ и позднѣе,—угоднаго себѣ царя. Это напоминаетъ аналогичное явленіе—возведеніе германскими императорами на папскій престолъ угодныхъ имъ людей.

Вверхъ по теченію и къ западу Ассирія сломила могущество хеттовъ и распространила свое вліяніе до западной Малой Азіи. Хеттское царство между тѣмъ вело долгую борьбу съ Египтомъ, именно за обладаніе Палестиной; наконецъ, при новомъ наступленіи египтянъ, при фараонахъ 19-й династіи, оно заключило съ ними договоръ, опредѣлявшій владѣнія обѣихъ сторонъ: съверъ Палестины былъ признанъ областью преимущественныхъ интересовъ хеттовъ, а югъ—египтянъ,—и это размежеваніе стороны взаимно гарантировали

другъ другу. Таково содержаніе договора между Рамзесомъ II и хеттскимъ царемъ Хатушилемъ; въ то же время они заключили между собой оборонительный и наступательный союзы. Затѣмъ, около XII столѣтія, хеттское царство пало подъ натискомъ новыхъ, вторгшихся изъ собственной родины хеттовъ, родственныхъ племенъ (особенно муски), которыя при первомъ вторженіи угрожали и Месопотаміи. Здѣсь они натолкнулись на ассирійцевъ и были ими отброшены. Въ 1100 году ассирійскій царь Тиглатпилесерь I, послѣ предыдущаго временнаго упадка ассирійскаго могущества, снова переходитъ къ завоевательной политикѣ, и ему удается также сломить могущество хеттовъ, которые отнынѣ перестаютъ существовать, какъ великая держава. Египетъ тотчасъ же призналъ его законнымъ наслѣдникомъ хеттовъ, т.-е. законнымъ верховнымъ владыкой Сиріи и сѣверной Палестины. Отсюда—то правовое притязаніе, которое Ассирія съ этого времени стала предъявлять на эти страны, и которое она впослѣдствіи осуществила. На немъ покоится постепенное поглощеніе одного за другимъ многочисленныхъ маленькихъ государствъ этихъ обѣихъ странъ; самымъ извѣстнымъ является завоеваніе израильскаго царства (Самарія) Саргономъ въ 722 году. Здѣсь мы уже встрѣчаемся съ общеизвѣстными событіями библейской исторіи.

Ассирійская гегемонія.

Тиглатпилесерь также господствовалъ надъ Вавилоніей, и только въ Вавилонѣ онъ поставилъ царя, находившагося подъ его покровительствомъ. Съ этого времени Ассирія становится руководящей силой въ Передней Азіи, переживая, правда, подчасъ моменты слабости и неудачъ. Особенно съ IX вѣка она начинаетъ завоевывать всѣ сосѣднія страны, такъ что скоро ассирійское государство становится равнозначущимъ передне-азиатскому. Въ VIII и VII столѣтіяхъ Ассирія уже является безспорной властительницей всей страны отъ Персидскаго залива до Средиземнаго моря и достигаетъ приблизительно границъ могущества старо-авилонскаго царства Саргона и Нарамсина. Быть можетъ, основатель

последней и самой могущественной эпохи династии Ассирии хотѣлъ подчеркнуть определенную политическую программу, принявъ имя древняго царя, давно уже признаннаго героемъ эпохи вавилонскаго величія: онъ также называлъ себя Саргономъ, а также Саргономъ В т о р ы м ъ, съ яснымъ намекомъ на того Саргона изъ Агадѣ, который жилъ не менѣе, какъ за два тысячелѣтія до него.

Внукъ Саргона Ассаргадонъ (ср. стр. 18) попытался воскресить снова традиціи того времени. При немъ ассирійское царство достигло наибольшихъ размѣровъ, потому что теперь (впервые въ историческое время, но мы не знаемъ, не имѣло ли это мѣсто и раньше!) страна Евфрата подчинила себѣ и Египеть. Этимъ положено было основаніе «міровой державѣ» Передней Азіи, и можно также признать, что наступательное движеніе въ глубь Аравіи было вызвано стремленіемъ непосредственно возобновить старо-давнія болѣе широкія торговыя сношенія. Въ довершеніе задумано было сдѣлать столицей новой міровой державы возстановленный міровой центръ—Вавилонъ. Незадолго до этого при одномъ возстаніи онъ былъ совершенно разрушенъ отцомъ Ассаргадона, Синахерибомъ, но Ассаргадонъ приказалъ во время своего 12-лѣтняго правленія вновь отстроить его и вернуть ему всѣ его привилегіи. Но когда это дѣло настолько подвинулось впередъ, что вновь отстроенный храмъ Мардука долженъ былъ уже быть освященъ, а Ассаргадонъ собирался провозгласить себя тамъ царемъ Вавилона, въ Ассирии вспыхнуло возстаніе, и ассирійское чиновничество и дворянство, привилегіямъ которыхъ угрожала эта вавилонская политика Ассаргадона, принудили царя отказаться отъ его плановъ и провозгласить своимъ преемникомъ своего сына Ассурбанипала, который гарантировалъ преобладающее вліяніе Ассирии надъ Вавилономъ. «Царство Вавилона» получило лишь отдѣльнаго царя, другаго сына Ассаргадона, но подъ ассирійскимъ протекторатомъ,—какъ это было и до сихъ поръ.

Съ правленіемъ Ассурбанипала начался послѣдній цвѣтушій періодъ Ассирии. Онъ продолжался болѣе

40 лѣтъ (668—626). Противорѣчіе, существовавшее между притязаніями Вавилоня и фактическими условіями господства Ассиріи, привело къ войнѣ, которая вызвала сильное потрясеніе внутри государства. Здѣсь тоже можно провести аналогію съ соперничествомъ между Римомъ и Германской имперіей. Вавилонъ организовалъ всеобщее возстаніе противъ Ассиріи. Хотя возстаніе было подавлено, и Вавилонъ снова очутился подъ жестокой властью Ассиріи, однако, его права все же были сохранены, по крайней мѣрѣ, формально. Но, вслѣдствіе вызванныхъ этимъ возстаніемъ войнъ, и остальная часть Передней Азіи была сильно потрясена; въ особенности уничтоженіе Элама,—который издавна составлялъ совершенно самостоятельное государство,—устранило тотъ буферъ, который могъ бы защитить на востокъ область Евфрата отъ становившагося съ нѣкотораго времени все болѣе энергичнымъ напора сосѣднихъ народовъ.

Индогермансксе вторженіе; паденіе Ассиріи.

Приблизительно съ IX, а еще яснѣе съ VIII и VII вв. можно точно установить, какъ новыя народныя массы опять устремляются въ богатую область Евфрата. Страны къ сѣверу, а также къ сѣверо-востоку постепенно захватываются новой народностью, отличающейся отъ всѣхъ тѣхъ, которыя, какъ можно установить, существовали уже здѣсь. Это—индогерманцы, главнымъ образомъ, та группа ихъ, которая называется иранской. Это—прежде всего мидяне, появившіеся въ странѣ, названной ихъ именемъ, затѣмъ далѣе къ сѣверу, у озера Урумій (Урміи), ашкузы (скиены), а къ западу отъ нихъ угрожавшіе Арменіи киммерійцы и треры. Во времена Ассаргадона мы много слышимъ объ этихъ сильныхъ народахъ, которые обложили границы ассирийскаго государства, какъ позднѣе германцы обложили [границы римской имперіи. Въ началѣ VII столѣтія началось великое передвиженіе киммерійцевъ, переселеніе народовъ, сходное съ передвиженіемъ кельтовъ (галловъ) и готовъ; эта волна за-

хлестнула всю Малую Азію, уничтожила остатки фригійской культуры, и почти такую же участь уготовила (около 660 г. до Р. Хр.) лидійскому государству, царь котораго Гигесь, повидимому, палъ въ этой борьбѣ.

Но киммерійцы въ своемъ движеніи смѣшались съ остальными народностями или были, въ концѣ концовъ, уничтожены; ашкузы примкнули къ Ассиріи, и одни лишь мидяне, повидимому, преслѣдовали самостоятельную политику. Они завязали сношенія съ Вавилоніей, и послѣ смерти Ассурбанипала они быстро довели господствующее государство до рокового конца. Въ 626 г. умеръ Ассурбанипаль; тотчасъ же Вавилонъ снова освободился отъ верховной власти Ассиріи и получилъ собственнаго царя (халдейскаго князя) Набопалассара, родоначальника новой и послѣдней династїи Вавилона. Набопалассаръ вмѣстѣ съ мидянами въ 20 лѣтъ завершилъ паденіе ассирійскаго царства, при чемъ самыя серіозныя удары были, повидимому, нанесены мидянами. Въ 606 г. пала Ниневія, и ассирійское царство исчезло, не сдѣлавъ уже больше ни одной попытки подняться. Палъ, въ сущности, лишь слой господъ, администрація, опирающаяся на наемниковъ,—ассирійскаго народа давно уже не существовало. Племенные отношенія за переходное время не разъ совершенно спутывались.

Мидяне и вавилоняне раздѣлили между собой ассирійское наслѣдство, послѣ того какъ Вавилонъ быстро отразилъ попытку Египта (608—605) снова осуществить свои старыя притязанія на Сирію. Вмѣстѣ съ вновь окрѣпшей Лидіей образовались теперь три великія державы Передней Азіи, совершенно такъ же, какъ и въ эпоху хеттскаго царства (стр. 26).

Ново-Вавилонское царство.

Благодаря вышеуказаннымъ событіямъ, еще разъ осуществилась старая грѣза славы Вавилона. Если Вавилонъ не сдѣлался господиномъ міра, то онъ все же опять былъ столицей большого культурнаго царства, .. которое простиралось отъ Персидскаго моря

до Средиземнаго и до границъ Египта и въ культурномъ отношеніи играло первую роль среди вновь возникшихъ великихъ державъ. Новый періодъ величія не надолго пережилъ царствованіе взошедшаго въ это время на престолъ Навуходоносора (605—562). Поэтому, съ его именемъ связана эта послѣдняя эпоха политическаго могущества Вавилона. Но онъ также приложилъ всѣ свои усилія, чтобы оказаться достойнымъ старыхъ преданій о вавилонскомъ величіи. Сокровища Передней Азіи, которыя опять стали стекаться въ Вавилонъ, были употреблены на то, чтобы совершенно заново отстроить Вавилонъ и снабдить его сильными укрѣпленіями; всюду въ странѣ устраивались также старые города и ихъ храмы, которые надѣлены были богатыми доходами. Казалось, опять наступило время Хаммураби, и въ письмѣ и языкѣ его времени подражали, какъ классическому образцу: какъ бы періодомъ вавилонскаго романтизма является періодъ этого нововавилонскаго царства, да оно и чувствовало себя такъ. Царскій домъ принадлежалъ къ халдейскому племени. Халдеи—народность также семитическаго происхожденія, переселившаяся изъ Аравіи. Ихъ проникновеніе въ Вавилонію можно наблюдать за нѣскольکو столѣтій раньше. Они сначала устраиваются на открытыяхъ мѣстахъ и образуютъ здѣсь маленькія государства, князья которыхъ подчиняются царямъ Вавилона или Ассиріи, смотря по соотношенію силъ послѣднихъ; но они постоянно подстерегаютъ моментъ, когда смогутъ овладѣть большими городами и самимъ Вавилономъ, чтобы, въ свою очередь, самимъ разыгрывать роль «великихъ царей». Такой случай представился имъ съ паденіемъ Ассиріи. Итакъ, ново-вавилонское царство—«халдейское», и въ это время оно такъ и называется. Мы знаемъ это изъ Библии; съ этого времени имя «халдеи» стало равнозначущимъ съ «вавилонянами».

П е р с ы .

Ново-вавилонское царство оставалось сильнымъ, пока жилъ разоритель Іерусалима, Навуходоносоръ. Но въ

царствѣ его союзниковъ, мидянъ, существовали менѣ прочныя отношенія. Такого рода государства новыхъ народовъ-переселенцевъ обыкновенно представляютъ пеструю и измѣнчивую картину, и отдѣльные племена, шедшія во время завоеванія вмѣстѣ, начинаютъ обычно оспаривать другъ у друга господство, какъ только они овладѣваютъ страной. Здѣсь совершался тотъ же процессъ, что и при нашествіи германцевъ. Лѣтъ черезъ десять послѣ смерти Навуходносора мидійскій царь Астиагъ былъ свергнутъ съ престола однимъ изъ своихъ «вассальныхъ князей», какъ называютъ его вавилонскія надписи. То былъ Киръ, князь Аншана, составлявшаго часть Элама, или области, сосѣдней съ мидянами. Отношеніе Кира къ иранской (персидской) народности не совсѣмъ ясно, но твердо установлено, что онъ, въ качествѣ предводителя персидскихъ племенъ, уничтожилъ господство мидянъ.

Признанный верховнымъ главою прежней страны Мидіи, Киръ прежде всего подчинилъ себѣ всю внѣ-вавилонскую область Передней Азіи. Главнымъ противникомъ его была Лидія, но послѣ побѣды надъ Крезомъ осталась одна только Вавилонія. При послѣднемъ царѣ Набонедѣ здѣсь начались внутреннія смуты, такъ что, когда Киръ послѣ долгихъ приготовленій перешелъ у Описа Тигръ и разбилъ вавилонское войско, находившееся подъ начальствомъ наслѣдника престола Валтасара, вся страна оказалась безъ защиты, и столица Вавилонъ безъ сопротивленія открыла ему ворота (539 до Р. Хр.). Киръ былъ повелителемъ большой монархіи, простиравшейся далеко на востокъ, а теперь завершилъ свое дѣло полученіемъ короны Мардука. Первый и главный его титулъ былъ титулъ «царя Вавилона», и этимъ онъ призналъ вновь завоеванный имъ городъ столицей своего царства.

Такое положеніе дѣлъ продолжалось еще и при его сынѣ Камбизѣ. Оба вмѣстѣ царствовали около 20-ти лѣтъ. Какъ это уже видно изъ признанія старыхъ правъ Вавилона, они въ своей внутренней политикѣ старались направить новыя иранскія племена на путь старой культуры и ея учрежденій. Эти племена должны

были стать вавилонянами, какъ и многія до нихъ. Осу-ществленіе этихъ плановъ совершалось не безъ проти-водѣйствія, которое, естественно, исходило изъ болѣе отдаленныхъ отъ центра провинцій монархіи, прости-равшейся теперъ отъ далекаго востока до Египта. Побѣдо-носный персидскій народъ не хотѣлъ поступиться своимъ главенствомъ и послѣ смерти Камбиза возсталъ во главѣ съ своей знатью противъ его преемника Бардія (Смерди-са), относительно котораго трудно сказать, былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ «мнимымъ» или дѣйствительнымъ бра-томъ Камбиза. Въ результатѣ этого возстанія ца-ремъ сдѣлался Дарій, а религія Ормузда, во имя которой было поднято знамя возстанія, стала господ-ствующей въ монархіи, тогда какъ Киръ, наоборотъ, считалъ всѣ религіи своей монархіи равноправными, т.-е. господствующими каждая въ своей области.

Греки; Александръ.

Благодаря всѣмъ этимъ событіямъ, индогерманская, или иранская, народность сдѣлалась господствующей въ Передней Азіи. Три столѣтія удерживала она это по-ложене. Сила великаго движенія сломилась вслѣдствіе противодѣйствія, оказаннаго ему другой силой, двигав-шейся въ противоположномъ направленіи,—именно род-ственными иранянамъ по происхожденію греками. Между тѣмъ какъ первое движеніе шло на древнія культурныя страны по направленію съ востока на западъ, греки, нао-оборотъ, устремились туда же по направленію съ запада на востокъ. На берегу Малой Азіи, естественной границѣ восточнаго и западнаго Средиземья, оба теченія встрѣ-тились. Первые рѣшительныя сраженія произошли при Мараѳонѣ и Саламинѣ, и ими было приостановлено наступательное движеніе персовъ. Цѣль скиѣскаго похода Дарія—установить господство надъ міромъ—потерпѣла полное крушеніе. Не Атлантическій океанъ, а Средиземное море стало границей персидскаго могу-щества. Міръ остался раздѣленнымъ на восточную и западную половины. Послѣдняя пошла собственнымъ

своимъ путемъ и въ энергичномъ греческомъ мѣрѣ осуществила начала новой западной культуры, которая, какъ мы увидимъ, завершила разрывъ съ Востокомъ и въ духовномъ отношеніи.

Такимъ образомъ, великая борьба греческаго міра, не прекращавшаяся во все время существованія персидской монархіи, создала условія для самостоятельнаго развитія Запада, а вмѣстѣ съ этимъ и нашей культуры. Въ особенности колыбель древне-восточной науки, Вавилонія, отнынѣ еще дальше, чѣмъ раньше, отодвинулась отъ вновь зарождающагося европейскаго міра. Вотъ почему, все то, что греческій мѣръ воспринялъ отъ древняго Востока, онъ получилъ черезъ Египетъ. Послѣдній также почти постоянно находился въ борьбѣ съ персами или, по крайней мѣрѣ, пытался освободиться отъ ихъ господства. При этомъ онъ большей частью пользовался помощью грековъ.

Борьба кончилась побѣдой болѣе сильнаго оружія. Греческое военное искусство въ лицѣ македонянъ одержало верхъ надъ персидской монархіей. Быстрымъ побѣднымъ шествіемъ Александръ низвергъ колосса на глиняныхъ ногахъ. Но и Востокъ побѣдилъ своимъ оружіемъ: Александръ тотчасъ же вернулся къ проекту мірового господства. Что не удалось Дарію, должно было удасться Александру, и резиденціей его міровой монархіи былъ избранъ Вавилонъ. Были предприняты широкія мѣры, чтобы дѣйствительно сдѣлать Вавилонъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть, согласно его ученію: «центромъ земли». Предполагалось снова использовать судоходство по обѣимъ рѣкамъ для цѣлей міровыхъ сношеній и возстановить морское сообщеніе съ Индіей и Аравіей. Подобно Саргону и Нарамсину и царямъ ихъ времени, Александръ велѣлъ объявить себя богомъ, что уже давно вышло изъ употребленія въ Вавилоніи. Старый мѣръ, казалось, нашелъ свое завершеніе, обѣ половины его были объединены въ одно цѣлое, что фактически осуществилъ долгожданный Богочеловѣкъ и Создатель новаго міра.

Эллинизмъ. Паряене.

Всѣ эти планы сошли въ могилу вмѣстѣ съ преждевременной смертью Александра, монархія его тотчасъ же распалась, и борьба его преемниковъ, «діадоховъ», составляетъ въ общей исторіи Востока такое же явленіе, какъ прежняя борьба различныхъ передне-азиатскихъ царствъ. Поэтому, въ общихъ чертахъ возникаетъ та же картина, что и раньше; формы этихъ государствъ были обусловлены природой ихъ страны и тысячелѣтнимъ культурнымъ развитіемъ. Изъ смутной эпохи борьбы діадоховъ вышли два главныхъ царства, которыя введеніемъ новаго лѣтосчисленія *) оба одновременно возвѣстили міру о своемъ возникновеніи, какъ о воскрешеніи обоихъ древнихъ культурныхъ государствъ: то были египетское царство Птолемеевъ и вавилонское Селевкидовъ. Если на ряду съ ними въ Малой Азіи существовало еще царство Пергамское, то въ этомъ сказывается не только сильная эллинизация этихъ областей, но также относительная самостоятельность болѣе древняго историческаго развитія этой страны, какъ она выступала передъ нами также и въ хеттскомъ царствѣ.

Главнымъ событіемъ было, однако, раздѣленіе обоихъ царствъ долины Нила и долины Евфрата. Последнее было самое обширное, такъ какъ охватывало всѣ страны до отдаленнаго Востока у границъ Индіи; другое лежало ближе къ источнику тѣхъ силъ, которыя создали новыя условія. У Египта были болѣе старыя и болѣе удобныя связи съ греческимъ міромъ и, прежде всего, съ далекимъ міромъ западнымъ.

Культуру, возникшую благодаря новымъ условіямъ, называютъ эллинистической. Она облекается въ греческую форму, художественныя и эстетическія ея произведенія доказываютъ своеобразную одаренность эллиновъ

*) Эра Птолемеевъ ведетъ свое начало отъ 312 г., эра Селевкидовъ отъ 311 г., соотвѣтственно различію времени начала года (осень и весна). Но обѣ начинаются въ одинъ и тотъ же годъ, т.-е. отъ ближайшаго новаго года послѣ введенія ихъ.

въ этомъ направленіи. Но этотъ эллинскій міръ былъ менѣе щедро надѣленъ въ другихъ отношеніяхъ: онъ не развилъ никакихъ государственныхъ формъ управленія (какъ позднѣе Римъ), которыя помогли бы ему и въ политическомъ отношеніи объединить покоренный оружіемъ міръ. Уже Александръ обращается снова къ старымъ представленіямъ и становится на сторону древне-восточнаго міровоззрѣнія, а не на сторону прокладывающаго себѣ дорогу эллинскаго духа. Такъ, древній Востокъ постепенно пробился и въ эллинское мышленіе. Древнія сокровища знанія все больше проникали въ греческій міръ и черезъ Египетъ проложили себѣ дорогу въ Римъ. Селевкидамъ вскорѣ пришлось перенести свой центръ изъ Вавилоніи въ Сирію, въ Антиохію. Имъ тоже пришлось придвинуться ближе къ западу. Центръ міровой исторіи постепенно перемѣщается. То, что должно было стать завершеніемъ мірового величія Вавилона, было его концомъ. Царство Селевкидовъ изъ вавилонскаго превращается въ сирійское. Скоро востокъ оказался совершенно для него потеряннымъ. Въ отдаленнѣйшихъ провинціяхъ образуется замѣчательное царство бактрійцевъ, долго сохранявшее воспоминанія о своемъ эллинистическомъ происхожденіи. Но затѣмъ эллинизмъ встрѣчаетъ отпоръ отъ тѣхъ народностей, которыя когда-то создали персидское царство. Иранскій народъ, паряне, родственныи древнимъ персамъ, съ конца III вѣка пріобрѣтаетъ себѣ въ персидскихъ областяхъ государства независимость отъ Селевкидовъ и основываетъ новое царство, которое является какъ бы продолженіемъ древне-персидскаго. Въ борьбѣ съ Селевкидами это царство все болѣе и болѣе расширялось. Уничтоженіе сирійскаго государства Римомъ и превращеніе Сиріи и Малой Азіи въ римскія провинціи сдѣлало его соудомъ римлянъ. Границей можно, въ общемъ, считать Евфратъ.

Паряне не были культурнымъ народомъ. Роль, которую они играли во всемірной исторіи, заключается лишь въ томъ, что они препятствовали наступательному движенію новой западной, отнынѣ ставшей римской,

культуры на востокъ, за линію Евфрата. Главнымъ образомъ соперничество между Римомъ и парянами по-мѣшало полному сліянію восточнаго и западнаго міровъ. При Харранѣ, гдѣ было уничтожено римское войско съ Крассомъ во главѣ, этотъ восточный міръ спасъ свою самобытность, какъ западный міръ свою при Саламинѣ, а позднѣе, въ борьбѣ противъ ислама, при Турѣ и Пуатье. И когда Цезарь былъ убитъ во время приготовленій къ большому походу на парянь, то съ нимъ, быть можетъ, сошла въ могилу новая эра въ развитіи Востока, эра, которая, пожалуй, привела бы отъ эллинизма къ господству римской культуры. Примѣръ Египта, конечно, показываетъ, что культурная миссія Рима лишена была глубины. Но такъ же, какъ и эллинизмъ, онъ съ своей стороны много получилъ отъ духовнаго богатства Востока.

Римъ и ново-персы. Византія.

Итакъ, разрывъ между восточнымъ и западнымъ мірами, вызванный сопротивленіемъ, оказаннымъ греками надвигающейся персидской державѣ, продолжалъ существовать. Но Римъ почувствовалъ могущество Востока. Онъ лежалъ слишкомъ далеко на западѣ, чтобы служить центромъ завоеваннаго имъ міра. Онъ долженъ былъ перенести свой центръ тяжести дальше на востокъ и выбралъ такое мѣсто, которое не только важно было своими связями съ Востокомъ, но и удовлетворяло стремленію распространить господство культурной державы и на сѣверныя области. Императоръ Константинъ нашелъ истинный центръ для скрещивающихся взаимоотношеній всѣхъ странъ древняго міра—**К о н с т а н т и н о п о л ь**. Благодаря этому, римская имперія стала восточно-римской, а затѣмъ **в и з а н т і й с к о й**, между тѣмъ какъ западная половина подпала вліянію народовъ великаго германскаго движенія, и Римъ сохранилъ лишь значеніе духовнаго центра (въ этомъ отношеніи мы опять указываемъ на его сходство съ Вавилономъ). Такимъ образомъ, переселеніе народовъ отодвинуло культурный центръ еще дальше на востокъ.

Римъ не проявилъ себя въ качествѣ колыбели культуры. Онъ не лежитъ ни на естественномъ узлѣ путей мірового обмѣна, ни въ странѣ, являющейся связующимъ звеномъ между многими другими.

Одновременно и Востокъ пережилъ политическій переворотъ, который, правда, не во многомъ измѣнилъ внѣшнія отношенія. Траянъ совершилъ еще одинъ побѣдоносный походъ противъ пареянъ и дошелъ при этомъ до Вавилоніи. Сто лѣтъ спустя господство пареянъ смѣнилось господствомъ ново-персовъ, которое, по имени царской династіи, извѣстно, какъ господство Сассанидовъ (съ 226 г. по Р. Хр.). Эти ново-персы—непосредственные потомки древнихъ и сознаютъ себя таковыми. По отношенію къ Риму, а затѣмъ и къ Византіи ихъ роль та же, что и пареянъ: они поддерживали соперничество между обѣими половинами древняго міра и успѣшно защищались, несмотря на наступательныя движенія Рима, при которыхъ римскія войска доходили до Вавилона (Юліанъ Отступникъ умеръ въ 363 г., во время персидскаго похода, приведшаго его до столицы Ктесифонъ). Евфратъ или выше Тигръ остался по существу границей обѣихъ монархій.

Исламъ.

Господство пареянъ, а затѣмъ Сассанидовъ свело на нѣтъ древній восточный культурный міръ, по крайней мѣрѣ, въ его внѣшней формѣ. Начало этого процесса относится къ моменту появленія древнихъ персовъ на сцену исторіи, но онъ продолжался около 500 лѣтъ. Незадолго до христіанской эры клинопись вышла изъ употребленія, ее перестали беречь и понимать. Ново-персы развили свои собственныя формы письма, искусства и культуры, что, правда, едва ли знаменовало собою прогрессъ. Какъ и Западъ, Востокъ переживалъ теперь періодъ упадка. Только Востокъ все же, въ соотвѣтствіи съ древней культурой, порождаетъ формы развитія, безконечно болѣе утонченныя, чѣмъ Западъ съ заполонившей его неукротимо грубой силой германскихъ народовъ.

Царство Сассанидовъ существовало рядомъ съ Византійской имперіей, въ то время какъ въ Западной Европѣ на развалинахъ римскаго правленія стали возникать новыя государственныя формы. Тогда на Востоку возникло сильное движеніе, которое въ послѣдній разъ заставляеть искать здѣсь ось всемірной исторіи. Около половины VII вѣка по Р. Хр., когда на далекомъ Западѣ начала играть главную роль Франція, на Востоке, гдѣ уже тысячу лѣтъ господствовали иранцы, еще разъ устремился потокъ семитическихъ народовъ. Исламъ, религія Магомета—вотъ то религіозное знамя, подъ которымъ объединились народы Аравіи, чтобы хлынуть на богатяя культурныя страны и начать здѣсь новый культурный періодъ подъ знакомъ господства семитическаго языка. Движеніе исходило изъ Аравіи (Медина, Мекка), но оно могло сохранить здѣсь свое положеніе лишь въ теченіе одного поколѣнія—при трехъ первыхъ калифахъ, Абу-Бекрѣ, Омарѣ, Отманѣ. Уже Омару подчинена была вся Передняя Азія, и лишь Малая Азія осталась за Византіей; Палестина, Сирія, Египеть, прибрежныя страны сѣверной Африки были у нея отняты. Послѣ краткаго перерыва, вызваннаго внутренними раздорами, опять началась завоевательная политика: на западѣ была завоевана Испанія, и лишь при Турѣ и Пуатье эта волна разбилась о сопротивленіе Франціи (ср. стр. 39). На Востоку все было покорено до сѣверной Индіи.

Такъ создалась держава, которая можетъ быть сравнена съ монархіей Александра, если при этомъ принять въ расчетъ, что не вошедшія въ нее греко-европейскія части были замѣщены сѣверо-африканскими. Сначала политическая организаціи держава калифовъ, охватила всѣ страны отъ Индіи до Атлантическаго океана. Затѣмъ, когда, спустя около двухсотъ лѣтъ, она опять распалась на свои составныя части, все же осталась общая связь, которая объединяеть и по настоящее время всѣ эти страны, и которая съ тѣхъ поръ успѣла распространиться на гораздо болѣе широкія области, до Китая на востокѣ, обнявъ большую часть Африки: этой связью былъ исламъ, религія, и понынѣ еще объединяющая всѣхъ

своихъ послѣдователей въ одно великое цѣлое, не смотря на ихъ политическую разрозненность (стр. 13).

Непосредственно послѣ смерти Магомета завоеванія ислама вышли за предѣлы Аравіи. Оба государства, противъ которыхъ направилось новое движеніе народовъ, были царство Сассанидовъ и византійское. Первое подверглось нападенію въ области древней Вавилоніи, въ Иракѣ, какъ она называется по-арабски, гдѣ была ея столица Ктесифонъ, второе—въ Палестинѣ и Сиріи. Персидское царство цѣликомъ сдѣлалось добычей побѣдителей, Византія же сохранила Малую Азію и соотвѣтственную пограничную линію въ прилегающихъ къ востоку областяхъ. Многократныя попытки калифата пробиться дальше разбивались постоянно о стѣны Константинополя. Лишь вмѣстѣ съ турками проникъ исламъ въ эти страны.

Страны, наводненныя новыми завоевателями, были прежнія древнія культурныя области, которыя начали теперь оказывать свое вліяніе на новыхъ пришельцевъ, какъ и раньше на всѣхъ ихъ предшественниковъ. Арабы дѣлались цивилизованными, исламъ въ этихъ культурныхъ странахъ получилъ свое окончательное развитіе. Вновь образовавшаяся монархія могла подвергаться отнынѣ вліянію двухъ теченій, которыя господствовали въ обѣихъ культурныхъ странахъ: византійско-римскаго съ его западной, государственной организаціей, и восточнаго, духъ котораго, съ преобладающей въ немъ религіозной формой организаціи, легъ въ ея основу. Только проникаясь послѣднимъ, указанная монархія могла сохранить свою сущность.

Калифатъ въ Сиріи и Иракѣ.

Сначала проявилось чисто политическое значеніе этихъ двухъ культурныхъ странъ: послѣ убійства третьяго калифа Отмана намѣстникъ Сиріи, Моавія, объявилъ себя мстителемъ за него, понятно, лишь съ цѣлью стать его преемникомъ. Калифомъ былъ избранъ Али, зять пророка. Этотъ увидѣлъ себя вынужденнымъ перенести резиденцію изъ Аравіи (изъ Медины) въ Иракъ. Такимъ

образомъ, новая монархія раздѣлилась на двѣ половины: в о с т о ч н у ю—иракско-арабскую, и з а п а д н у ю—сирийско-средиземную. Область съ болѣе прочной организаціей осталась побѣдительницей, Моавія сдѣлался въ концѣ концовъ калифомъ всей монархіи, а Д а м а с к ъ—ея резиденціей. Это господство О м а й я д о в ъ продолжалось почти сто лѣтъ, и въ это время боролись между собой оба вліянія—вліяніе западной и восточной культуры. Побѣдилъ Востокъ. Омайяды были вытѣснены А б а с с и д а м и, и вслѣдствіе этого побѣда осталась на сторонѣ того направленія въ исламѣ, которое одно лишь могло сохранить его восточный характеръ. Этимъ центръ тяжести былъ перенесенъ на Востокъ, и, естественно, новая столица калифата должна была находиться тамъ, откуда постоянно исходило сопротивление Омайядамъ: въ Иракѣ, въ древней Вавилоніи. Скоро былъ основанъ Багдадъ; онъ долженъ былъ являться для ислама тѣмъ, чѣмъ былъ Вавилонъ для древняго міра. Въ арабской географіи онъ точно также обозначается какъ «центръ» («пупъ») міра». Этотъ багдадскій калифатъ также процвѣталъ около столѣтія, въ то время, когда на Западѣ существовала монархія франкскихъ и саксонскихъ императоровъ (9-ое—10-ое столѣтія). Затѣмъ онъ постепенно началъ распадаться на свои составныя части.

Турки. Монголы.

Указанный распадъ совершился, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ новаго передвиженія народовъ, происхождение которыхъ изъ Средней Азіи можно на сей разъ ясно прослѣдить исторически (ср. стр. 25.) Это—турецкіе народы, которыхъ раньше удерживала на востокѣ монархія Сассанидовъ, и которые теперь,—сначала пригласенные въ качествѣ наемниковъ на службу калифата, а затѣмъ уже явившіеся сами, какъ завоеватели,—прокладываютъ себѣ дорогу и, въ концѣ концовъ, уничтожаютъ арабское господство. Приблизительно съ XII вѣка въ Передней Азіи господствуютъ турецкіе народы, и багдадскій калифъ въ политиче-

скомъ отношеніи играетъ роль, не бѣольшую, чѣмъ папа, будучи вынужденъ передать защищающему его «султану» свѣтскую власть вмѣстѣ съ ея религіозны м ъ оправданіемъ.

Турки разлились по Передней Азіи рядомъ послѣдовательныхъ волнъ. Первая изъ нихъ, бѣольшая—сельджуки, послѣдняя—османы. Уже первые прочно осѣли въ Малой Азіи и большей частью вытѣснили отсюда Византію. Между тѣмъ, Европа предприняла натискъ на Востокъ, своими Крестовыми походами далеко не доказавъ, впрочемъ, превосходства своей культуры надъ послѣднимъ. Одного она, конечно, при этомъ достигла—она уничтожила бастионъ западной культуры, византійскую имперію (четвертый крестовый походъ 1204 г.). Правда, Византія еще разъ оправилась и просуществовала болѣе двухсотъ лѣтъ, но ударъ, нанесенный ей франкскимъ рыцарствомъ съ его жадностью и феодальнымъ партикуляризмомъ, приготовилъ почву для оттоманскаго завоеванія.

Мало-по-малу эта послѣдняя волна турокъ продвигалась впередъ и завоевывала Малую Азію (XIII—XIV вѣка). Но какъ европейско-германское передвиженіе народовъ скрещивалось съ передвиженіемъ другихъ народовъ—гунновъ, или славянское—съ мадыарскимъ, точно такъ же подвигающіеся впередъ турки сталкивались съ другимъ сильнымъ народнымъ передвиженіемъ. Монголы подчинили себѣ весь дальній Востокъ, нынѣшній Китай съ его древней культурой, и въ своемъ неудержимомъ побѣдоносномъ шествіи устремились на Западъ, ниспровергая всѣ переднеазиатскія государства,—по большей части, слѣдовательно, государства турецкаго происхожденія (Чингисъ-ханъ, XIII вѣкъ). Они положили также конецъ Багдадскому калифату (1258 г.), наводнили Переднюю Азію и юго-восточную Европу. Потокъ ихъ разбился о сопротивленіе польскаго и восточно-германскаго рыцарства (битва при Лигницѣ 1241 г.).

Послѣ отлива начался второй приливъ монголовъ, связанный съ именемъ Тимур а (Тамерлана) (около 1400 г.). Этотъ уже натолкнулся на прочно организо-

ванное государство оттомановъ, обнимавшее Малую и Переднюю Азію далеко на востокъ и уже утвердившееся на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ оно облегло Византію, какъ вѣрную добычу. Баязеть былъ взятъ въ плѣнъ въ битвѣ при А н г о р ѣ (1402 г.), и турецкая имперія попала подъ власть монголовъ. Но со смертью Тимура распалась его міровая монархія, которая во второй разъ угрожала восточно-азиатскимъ господствомъ всему передне-азиатскому, а за нимъ и европейскому міру. Оттоманская имперія быстро оправилась, и судьба Византіи была рѣшена. Послѣ того, какъ весь Балканскій полуостровъ до границы Дуная давно уже сталъ турецкимъ, палъ Константинополь (1453 г.). Одна лишь Генуя оказала дѣйствительную поддержку форпосту Европы. Обращенія къ германской имперіи, и устные и письменныя, оказались тщетными. Экономическія и политическія условія Европы не благоприятствовали направленію силъ на востокъ.

Такимъ образомъ, представитель передне-азиатскаго міра прочно утвердился въ Европѣ, въ пунктѣ, самомъ благоприятномъ (стр. 39) для возникновенія міровой столицы. Султанъ оттомановъ заставилъ потомковъ багдадскихъ калифовъ передать ему духовное достоинство, калифатъ, и такимъ образомъ сдѣлался, опираясь на религію Передней Азіи, правомочнымъ претендентомъ на міровое господство: в а в и л о н с к а я идея побѣдила р и м с к у ю,—въ послѣдній разъ во всемірной исторіи.

Еще два столѣтія турки угрожали западному міру, и исламъ, въ его болѣе грубой турецкой формѣ, пытался, соотвѣтственно своему новому центру, распространить свое господство надъ Европой. Послѣдній рѣшительный ударъ этой политикѣ нанесла неудачная осада Вѣны (1683 г.), въ такое время, когда, повидимому, внутренняя сила оттомановъ уже была на исходѣ. Тогда предводитель турецкихъ войскъ могъ еще мечтать стать вице-королемъ (вали) Г е р м а н і и, вассальнаго турецкаго государства! Съ этого времени начинается безостановочный отливъ. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ снятія осады съ Вѣны былъ освобожденъ Офенъ

(Буда-Пешть). Заслуга Австрій,—въ поддержкѣ которой почти одна «Германская имперія» сознательно и цѣлесообразно проявила свою дѣятельность, — заключается въ томъ, что она несла здѣсь сторожевую службу и защитила Европу. Франція (уже въ эпоху борьбы Франциска I противъ Карла V, а затѣмъ при Людовикѣ XIV) оказывала туркамъ всякое содѣйствіе.

Современный Востокъ.

Прошло едва триста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Передняя Азія такъ угрожала развитію Европы. Современное положеніе дѣлъ не даетъ основанія думать, что Востокъ скоро будетъ способенъ вновь играть роль во всемірной исторіи. Этому мѣшаетъ господство стараго, древне-восточнаго міровоззрѣнія, которое онъ снова насадилъ на европейской почвѣ, и которое, какъ мы увидимъ, противорѣчитъ современному міровоззрѣнію, въ лицѣ Европы завоевавшему міръ. Скорѣе, повидимому, дальне-восточная Азія призвана, воспринявъ европейскую культуру, играть новую роль во всемірной исторіи. Быть можетъ, лишь тогда лежащая между этими обѣими культурными областями Передняя Азія проснется къ новой жизни.

Пока одна часть ея уже поставлена въ непосредственныя отношенія къ Европѣ. Оставивъ въ сторонѣ находящіяся подъ французскимъ господствомъ части Сѣверной Африки, которыя не могутъ играть никакой рѣшительной роли во всемірной исторіи, мы видимъ, что Египетъ подъ англійскимъ господствомъ быстро расцвѣтаетъ и принимаетъ все болѣе и болѣе европейскій характеръ. Это одна изъ двухъ большихъ дорогъ, по которымъ происходятъ сношенія между восточной и западной половинами «стараго міра». Одна ведетъ черезъ Аравію или вокругъ нея, по Красному морю и Египту, другая—по Персидскому морю и долинѣ Евфрата къ финикійскимъ гаванямъ. Со времени вторженія монголовъ и основанія турецкаго господства стали пользоваться больше всего первой дорогой, хотя она, повидимому, представляетъ менѣе благоприятныя условія. Дорога

по долинѣ Евфрата оказалась закрытой въ силу политическихъ условій и остается таковой и понынѣ. До прорытія Суэцкаго канала Англія думала снова воспользоваться ею для сношеній съ Индіей; но благодаря каналу оказалось на первое время возможнымъ обойтись безъ нея. Можно прослѣдить во всемирной исторіи, какъ закрытіе одного пути всегда ведетъ къ развитію другого: государства долинъ Евфрата и Нила постоянно смѣняютъ другъ друга въ господствѣ надъ Передней Азіей, но Египетъ, вслѣдствіе своего изолированнаго положенія, не былъ предназначенъ служить пунктомъ распространенія культуры или центромъ государственной организаціи, надолго утвердившейся внѣ своихъ собственныхъ границъ. Онъ отдѣленъ отъ лежащаго позади него континента пустынями, и такимъ образомъ у него нѣтъ необходимой для колонизаціи земли. Долина Евфрата теперь опустошена, она совершенная пустыня или топь. Турецкое господство, благодаря своему соперничеству съ Западной Европой, отрѣзало ее отъ міровыхъ сношеній. Когда и Египетъ находился въ турецкихъ рукахъ, то закрытіе и этого торговаго пути послужило причиной поисковъ новаго: морского пути вокругъ Африки. Открытіе его рѣшило судьбу Турціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ ея плодороднѣйшей области. Положеніе міровой державы, которое могла занять турецкая имперія, если бы она господствовала надъ путями сообщенія между Востокомъ и Западомъ и сумѣла бы ими воспользоваться, было расшатано ея поведеніемъ гораздо болѣе, чѣмъ военными неудачами. Какъ и другія страны Средиземнаго моря, Италія и Германія, она также потеряла свое руководящее положеніе во всемирной исторіи вслѣдствіе открытія морскихъ сношеній съ Востокомъ. Но послѣдствія отразились, главнымъ образомъ, на странѣ, наиболѣе призванной служить посредницей въ сношеніяхъ съ Востокомъ,—именно, на долинѣ Евфрата. Предназначенная природой быть, какъ Египетъ, страной садовъ, по свидѣтельству древнихъ, даже еще болѣе богатая, эта плодороднѣйшая на землѣ страна до сихъ поръ еще не открыта вновь для человѣчества.

РЕЛИГИЯ, КАКЪ МИРОВОЗЗРѢНІЕ: АСТРОЛОГИЯ, КАКЪ УЧЕНІЕ О МІРѢ И БОЖЕСТВѢ.

Съ Востокомъ связана, по никогда незабываемой и вполне сознающей свое происхождение традиціи, одна сила, прочно вліяющая на нашу духовную и общественную жизнь,—р е л и г і я. Вотъ почему интересъ къ библейской древности былъ причиной того, что Востокъ никогда не былъ совершенно забытъ исторіей, какъ это случилось бы, если бы въ основѣ лежала одна только греческая традиція. Роль, которую играли Ассуръ и Вавилонъ въ жизни народа библейской религіи, народа израильскаго, помѣшала полному забвенію ихъ именъ и снова вызвала къ нимъ интересъ при первыхъ раскопкахъ на почвѣ Ассиріи и Вавилона.

Мы еще увидимъ, что на библейскую религію нельзя, какъ это было до сихъ поръ, смотрѣть, какъ на исключительное духовное достояніе народа израильскаго, но что и она въ с в о е й самобытности столь же была обусловлена окружающимъ міромъ древняго Востока, какъ и всякое культурное пріобрѣтеніе. Уже по этому одному религія іудейства и связанная съ ней христіанская,—которая именно въ п р о т и в о в ѣ с ѣ іудейству снова въ нѣкоторой степени восприняла изъ древняго Востока то, что іудейство отвергло,—составляли бы предметъ, достойный изученія въ его отношеніяхъ къ древне-восточному культурному міру. Пока библейскія воззрѣнія не только вліяютъ на мышленіе отдѣльной личности, но и играютъ опредѣленную роль въ нашемъ законодательствѣ и регулируютъ нашу мораль, до тѣхъ поръ ясное сознаніе ея источниковъ и

предпосылокъ является необходимымъ требованіемъ для оцѣнки ея внутренней законмѣрности и доказательствомъ того, какія духовныя нити связываютъ насъ съ древне-восточнымъ міромъ.

Наше современное міропониманіе раздѣляетъ религію и міръ. Оно удалило религію исключительно въ область духа, да и здѣсь предоставило ей лишь нормировать отношенія между человѣкомъ и божествомъ. Всѣ другія духовныя проявленія относятся къ сферѣ свѣтской науки, и такимъ образомъ допускается противорѣчіе между системой вещей человѣческихъ, или мірскихъ, временно переходящихъ, съ одной стороны, и неземныхъ, божественныхъ, вѣчныхъ—съ другой. Извѣстно и явствуетъ изъ каждой страницы исторіи, что это пониманіе—результатъ движенія, достигшаго своего апогея во французской революціи. Средніе вѣка еще всецѣло находились подъ вліяніемъ воззрѣнія,—по крайней мѣрѣ, въ теоріи, противъ которой, конечно, довольно часто возставала практика,—что религія должна охватывать и опредѣлять всю человѣческую жизнь: церкви надлежитъ издавать высшіе руководящіе законы, императоръ долженъ получить свое достоинство отъ папы, чело-вѣческое право должно вытекать изъ права божественнаго и имъ поэтому опредѣляться.

Это пониманіе—древне-восточное и вмѣстѣ съ религіей пришло въ Римъ и Западную Европу въ то время, когда христіанская религія подчинила себѣ Римскую имперію съ ея законодательствомъ. Но именно въ противоположности этихъ двухъ концепцій уже дано то, что отличаетъ современную жизнь отъ древне-восточной. Для послѣдней не существуетъ противоположности между божественной и мірской сущностями, но, какъ мы увидимъ, одна есть лишь истеченіе, форма проявленія другой, и все своеобразіе первой, законы, опредѣляющіе ее, могутъ быть выведены и познаны лишь изъ сущности второй. Между ними не существуетъ никакой противоположности, но онѣ равны: божество есть міръ, т.-е. оно непосредственно даетъ себя ощущать во всѣхъ явленіяхъ этого міра и проникаетъ ихъ. Нѣтъ и н ч е г о на землѣ, что не было бы связано съ божествомъ, и

могло бы поэтому быть опредѣляемо внѣ этой связи. Все существующее имѣетъ непосредственно божественное происхождение и потому можетъ и должно занимать мѣсто въ общей жизни человѣчества и міра лишь соотвѣтственно своему отношенію къ божеству. Религія же есть знаніе о божествѣ, самимъ божествомъ открываемое человѣку. Каждая религія имѣетъ притязаніе быть такимъ откровеніемъ, и, лишь благодаря этому, она становится таковой въ противоположность человѣческой науцѣ, которая свое пониманіе сущности вещей приобретаетъ путемъ собиранія и сравненія данныхъ человѣческаго опыта. И изъ этого притязанія религіи вытекаетъ естественно также ея притязаніе на превосходство надъ всѣмъ человѣческимъ знаніемъ или, вѣрнѣе, претензія на право направлять и обосновывать его, разъ божество и міръ нераздѣльны, разъ міръ во всемъ его объемѣ есть истеченіе божества.

Всюду, гдѣ только на землѣ мы находимъ культуру, поднимающую человѣка съ низшей ступени, всюду, гдѣ человѣкъ, не довольствуясь удовлетвореніемъ самыхъ непосредственныхъ жизненныхъ своихъ потребностей, начинаетъ отдавать себѣ отчетъ въ «происхожденіи» и «цѣли» своего собственнаго бытія и бытія окружающаго его міра,—тамъ мы находимъ религію, т.-е. данное въ откровеніи знаніе божественнаго происхожденія, дающее ему отвѣтъ на это. Не человѣческое, изъ единичнаго опыта собранное знаніе, какъ у современнаго человѣка, а объясняющая всѣ явленія изъ великаго божественнаго знанія религія,—вотъ даваемый на это отвѣтъ. Всюду, гдѣ мы находимъ народъ съ организованной въ извѣстной степени культурной жизнью, всюду, гдѣ люди соединились для совмѣстной жизни въ организованномъ общежитіи, слѣдовательно всюду въ исторіи, и всюду, гдѣ мы вообще можемъ говорить о развитіи человѣчества, мы встрѣчаемъ этотъ отвѣтъ: мы встрѣчаемъ религію, которая образуетъ всеопредѣляющія основы общественной жизни, поскольку ее можно вообще урегулировать духовно, и поскольку она на практикѣ не

сбрасываетъ съ себя то, что считается закономъ и правомъ, и не разрываетъ свои оковы подъ давленіемъ фактовъ.

Слѣдующее, тотчасъ бросающееся въ глаза современному человѣку, явленіе—это огромное, глубокое вліяніе, которое обыкновенно оказываетъ на человѣчество религія. Ея всерегулирующій порядокъ чувствуется не какъ гнетъ: ему подчиняются охотно и добровольно. Современный гражданскій порядокъ господствуетъ при помощи насилія и принужденія, и ему часто человѣкъ подчиняется не безъ внутренняго сопротивленія даже и въ томъ случаѣ, когда признаетъ его необходимость; совершенно другое мы встрѣчаемъ въ области религіи: ея организаціи народы подчиняются по самому глубокому убѣжденію или, вѣрнѣе, чувствуя, что иначе быть не можетъ, и всѣ тѣ, которые, по нашему мнѣнію, угнетаются и презираются ею, въ крайнемъ случаѣ готовы умереть за нее всѣ до послѣдняго. Эту преданность религіи можно объяснить лишь тѣмъ, что догматы ея перешли всецѣло въ плоть и кровь ея послѣдователей, такъ что фактически стали опредѣлять собой всѣ мысли и чувства. А чтобы оказывать такое дѣйствіе, они должны находиться въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что человѣкъ можетъ наблюдать. Другими словами: не должно быть никакого противорѣчія между религіей, ученіемъ о мірѣ, какъ божественномъ истеченіи, и тѣмъ, что человѣкъ самъ воспринимаетъ, познаетъ какъ факты этого міра. Такое пониманіе міра, поскольку оно поднимается надъ простѣйшими вещами и старается привести наблюдаемое во внутреннюю связь взаимной обусловленности, мы называемъ міровоззрѣніемъ, ибо оно образуется изъ суммы опыта и знаній человѣка о связи окружающаго міра.

Современному культурному человѣку достаточно подумать одно мгновеніе, чтобы сказать себѣ, что онъ не въ состояніи, исходя изъ единой точки зрѣнія, подвести общій итогъ своего знанія, и что, слѣдовательно, у него нѣтъ единаго міровоззрѣнія. Современная наука вполне сознаетъ это; она рѣшительно отказывается познать первое начало всѣхъ вещей, довольствуется

познаніемъ единичныхъ фактовъ, а въ лучшемъ случаѣ приведеніемъ въ связь лишь близкихъ другъ къ другу явленій. Въ этомъ и состоитъ то отличіе отъ религіознаго міровоззрѣнія, которое мы научно называемъ различіемъ между дедуктивнымъ и индуктивнымъ мышленіемъ: религіозное міровоззрѣніе выводитъ единичныя явленія изъ познанія основного начала всѣхъ вещей, изъ божества и его сущности и сообразно съ этимъ объясняетъ ихъ; современное же міровоззрѣніе собираетъ единичныя явленія и пытается по нимъ найти законы и то же основное начало, какъ конечную цѣль. Оно сознаетъ, что безконечно далеко отъ своей цѣли. Этотъ способъ познания міра восходитъ къ греческой философіи, онъ начинается съ Платона и Аристотеля и ведетъ къ современной индуктивной наукѣ. Противоположностью является древне-восточное религіозное мышленіе, которое, какъ мы замѣтили выше (стр.11), уже въ древнѣйшее историческое время являлось замкнутымъ въ себѣ самомъ. Если, слѣдовательно, религіозное міровоззрѣніе оказываетъ на своихъ приверженцевъ такое вліяніе, которое далеко превосходитъ вліяніе современнаго міровоззрѣнія, то причину этого можно найти какъ въ его законченности, такъ и въ умѣннн дѣлать его яснымъ и для простого ума,— опять-таки въ противоположность современному міровоззрѣнію, которое должно отказываться отъ всего наиболѣе цѣннаго для простого человѣка, оставляя въ то же время для него недоступнымъ свои собственныя наиболѣе цѣнныя пріобрѣтенія.

Мы увидимъ, какъ эта цѣль достигается благодаря удивительно выработанной системѣ міровоззрѣнія, и какими средствами она все же оказывается ясной для непосвященнаго. Однако, прежде еще необходимо установить нашу точку зрѣнія по отношенію къ существовавшему до сихъ поръ воззрѣнію на эти предметы; оно для современнаго образованнаго человѣка, даже и не занимавшагося этимъ вопросомъ, является все-таки настолько само собой понятнымъ, что обсужденіе его на основаніи новыхъ фактовъ познанія можетъ поразить его.

Начиная съ первой половины XIX вѣка думали, что можно узнать характеръ мышленія и первобытное состояніе народовъ при помощи сравнительнаго языковѣдѣнія. Установленіе связи, «родства» большихъ группъ языковъ между собою, а именно индогерманскихъ и семитическихъ (стр. 8), и приобрѣтенное благодаря этому пониманіе процесса образованія языковъ привели къ различенію нѣкотораго числа группъ народовъ, которые представлялись развивающимися изъ различныхъ корней независимо и обособленно другъ отъ друга. Тогда еще не имѣли никакого представленія о древности культурнаго развитія, которое теперь можно исторически прослѣдить, и находились подъ впечатлѣніемъ, что древнія культуры были ограничены каждая своей страной. Поэтому развитіе всей духовной и культурной жизни представляли себѣ такимъ образомъ, что каждая отдѣльная группа народовъ въ своихъ границахъ начинала его сызнова, и считалось недопустимымъ сравнивать между собой отдѣльныя группы потому, что—ихъ языки не родственны между собой. Эта точка зрѣнія все еще отстаивается возрѣніемъ, опирающимся на изслѣдованіе исторіи языковъ. Ошибка его заключается прежде всего въ допущеніи взаимной самодовлѣмости различныхъ группъ, между тѣмъ какъ исторія всюду учить насъ обратному и знаетъ лишь постоянное смѣшеніе народовъ и расъ; затѣмъ оно не менѣе ошибочно принимаетъ, что граница языка образуетъ и границу культуры и идей, что сношенія, обмѣнъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ останавливается на границѣ языка, слѣдовательно—опять-таки на границѣ страны въ узкомъ смыслѣ. И въ этомъ отношеніи исторія показываетъ намъ совершенно обратное; на всѣхъ ступеняхъ культуры мы видимъ сношенія и обмѣнъ всякими благами, не боящіеся никакой дали и никакихъ трудностей. Конечно, современный европеецъ не можетъ представить себѣ преодолѣнія большихъ пространствъ безъ имѣющихся у него вспомогательныхъ средствъ; но и безъ пара и безъ большихъ морскихъ судовъ цѣлыя народности распространились по далеко другъ отъ друга лежащимъ группамъ острововъ южнаго моря, и люди проникли на лежащіе между двумя мате-

риками острова Австралиі. Если мы видимъ, какъ въ эпоху Рима и ислама сношенія происходили съ дальнимъ Востокомъ, съ Китаемъ, если христіанство изъ Передней Азіи распространило до самаго Китая не только свое ученіе, но и свой языкъ (надпись въ Синганфу, на китайскомъ и сирійскомъ языкахъ 781-го года по Р. Хр.), то это является чѣмъ-то удивительнымъ лишь для того, кто все еще держится ошибочнаго мнѣнія, будто установленныя европейцемъ міровыя сношенія и исторія этихъ сношеній образуютъ первую эпоху чело-вѣчества, создавшую единственно истинную культуру. Мы знаемъ, что тѣ культурныя эпохи (Римъ и исламъ) отнюдь не самыя высоко стоящія, и поэтому мы безъ труда можемъ себѣ представить нѣчто подобное и для болѣе раннихъ, отчасти достигшихъ болѣе высокой степени культуры. Разъ мы находимъ людей и вполне сходные между собою результаты ихъ дѣятельности на далеко другъ отъ друга отстоящихъ пунктахъ земли то намъ приходится изъ этого заключить, что они туда переселились. Знаемъ ли мы, какъ и когда, это не важно для признанія самаго факта.

У другой науки былъ болѣе широкій кругозоръ. Этнологія, эта младшая дочь XIX вѣка, обращала вниманіе не на форму языка, а на содержаніе. Отъ нея не могло ускользнуть, что на всемъ земномъ шарѣ, у самыхъ различныхъ лингвистическихъ группъ и расъ, встрѣчаются тѣ же самыя представленія, именно о божественныхъ явленіяхъ и объ отношеніи ко все-ленной чело-вѣка со всѣмъ непосредственно его окружающимъ; и притомъ не только представленія, содержащія какія-нибудь общія идеи, но и такія представленія, которыя выработаны до мельчайшихъ подробностей и часто совпадаютъ даже въ способѣ изложенія мысли, какъ бы удивительно и въ высшей степени своеобразно оно ни было. Адольфъ Бастіанъ посвятилъ свою долгую трудовую жизнь этимъ наблюденіямъ, и именно онъ далъ то объясненіе, которое, какъ и вообще этнологія, долго являлось духовнымъ достояніемъ лишь немногихъ, чтобы получить всеобщее распространеніе теперь, когда оно,—по крайней мѣрѣ

по отношенію интересующихъ насъ здѣсь явленій,— должно быть признано отсталымъ. Его объясненіе, которое онъ называлъ «идеей народовъ», заключалось въ слѣдующемъ: человѣкъ всюду носить въ себѣ одни и тѣ же зародыши дальнѣйшаго развитія, и подъ влияніемъ одинаковыхъ потребностей, при соответственныхъ условіяхъ, эти зародыши должны были развиваться одинаковымъ образомъ. Несомнѣнно, до извѣстной степени приходится признать, что, несмотря на всѣ индивидуальныя и расовыя различія, человѣкъ всегда остается человекомъ, и что, сообразно своей внутренней сущности, онъ будетъ всегда создавать одинаковыя формы для извѣстныхъ способностей или проявленій своего внутреннего міра, что, слѣдовательно, онъ всюду и вездѣ будетъ одинаково реагировать на внѣшній міръ (выраженія горя и удовольствія, удовлетвореніе жизненныхъ потребностей и т. д.). Но это неприложимо къ міру его наблюдений и къ научной постановкѣ имъ высшихъ проблемъ и не объясняетъ образованія одинаковыхъ воззрѣній на вопросы, которые даже для современной науки имѣютъ значеніе высшихъ и конечныхъ.

Такіе вопросы вообще не составляютъ предмета размышленія для низшей стадіи культуры, и когда мы проникаемъ въ ихъ глубину и въ ихъ удивительную структуру, то поистинѣ достаточно удивительнымъ является, что они вообще возникли на землѣ. Но совершенно невозможно, чтобы они снова возникали всюду и вездѣ съ точно совпадающей закономѣрностью, такъ что на самыхъ различныхъ пунктахъ земли они захватываютъ другъ друга, какъ колесики часового механизма. Такимъ образомъ, единственное мыслимое объясненіе слѣдующее: возникновеніе въ одномъ пунктѣ и распространеніе отъ него, слѣдовательно, заимствованіе, передвиженіе. Отсюда возникла новая серьезная проблема, которая должна столь же кореннымъ образомъ измѣнить наши представленія о доисторической эпохѣ человѣчества, какъ измѣнилось наше понятіе о древности (стр. 4). Мы должны допустить распространеніе этихъ идей не только

въ частностяхъ, но и въ самой ихъ сущности, и притомъ съ почти непонятнымъ для насъ воздѣйствіемъ на все человѣческое мышленіе и чувствованіе, распространеніе, которому соотвѣтствуетъ лишь распространеніе новой европейской культуры по всему земному шару. Древневосточная культура уже раньше завоевала его,—европейская культура и міровоззрѣніе повторяетъ лишь то, что та уже однажды сдѣлала, въ тѣ времена и тѣми путями, которые лежатъ во мракѣ доисторической эпохи отдѣльныхъ народовъ.

Но если мы принимаемъ одинъ исходный пунктъ для этого всюду встрѣчающагося міровоззрѣнія со всѣми его частичными проявленіями, то мы, естественно, будемъ его искать тамъ, гдѣ существованіе этого міровоззрѣнія прежде всего можемъ твердо установить, и гдѣ его сущность выражена въ самомъ чистомъ и ясномъ видѣ; и то и другое имѣетъ мѣсто въ Передней Азіи и въ особенности опять-таки въ Вавилоніи. Но при этомъ намъ приходится допустить однородность еще большей области распространенія (стр. 13), куда входитъ и остальная Передняя Азія.

Всюду на землѣ духовнымъ совѣтникомъ человѣка является клиръ. Тотъ, кто знаетъ сущность божества, располагаетъ также знаніемъ сущности всѣхъ вещей. Всюду, слѣдовательно, наука, т.-е. все, что можетъ считаться системой опыта и знанія, проникновениемъ въ связь вещей, поставлена въ зависимость отъ религіи и божества. Такимъ образомъ, религія является м і р о в о з з р ѣ н і е мъ (стр. 51). Объясненіе этому, исходя изъ нашихъ предпосылокъ, мы должны найти въ характерѣ вавилонской религіи или ученія о богахъ. Если сущность этой религіи дастъ ключъ къ пониманію нашей проблемы и поможетъ объяснить отдѣльныя явленія, то, значить, мы нашли колыбель всего ученія.

Основная идея вавилонскаго ученія слѣдующая: во всей вселенной господствуетъ одинъ законъ. Вселенная—истеченіе или матеріализація божества (стр. 49). Законъ этотъ и всякое знаніе, изъ него слѣдующее, открыты человѣчеству богомъ и изложены въ книгахъ. Этотъ законъ, покоящійся на сущности

божества, проникает все, что существует, в се существующее есть, слѣдовательно, матеріализованное божество. Такъ какъ все возникло по одному и тому же закону, и, сообразно съ этимъ, тѣмъ же закономъ опредѣляется бытіе всего, то все должно быть также приведено въ одну систему, выражено въ одной формулѣ, все должно отражать тѣ же основныя явленія, будь то божество или различныя формы его проявленія. Божество одно, но оно обнаруживается въ различныхъ видахъ. Точно также и явленія въ мірѣ суть или подобія всего божества или его отдѣльныхъ формъ. Все, что на землѣ и во вселенной, отъ самаго великаго до самаго малаго, есть подобіе божества—или его частичныхъ проявленій. Такимъ образомъ, все отражаетъ одно другое, или во всемъ дана, матеріализована та же основная идея, тотъ же законъ. Но этотъ законъ есть сущность божества. Все—отъ самаго великаго до самаго малаго, т.-е. сама вселенная съ ея великими и малыми явленіями, съ міровымъ пространствомъ, небомъ и его частями, небесными тѣлами. Земля, какъ цѣлое и въ ея частяхъ и что на ней: человѣкъ, животныя, растенія, металлы, минералы. Божество проявляется не въ одной, а въ нѣсколькихъ или во многихъ формахъ. Такова идея п о л и т е и з м а. Эти формы въ низшихъ явленіяхъ земной жизни обыкновенно понимаются такимъ образомъ, что данныя животныя, вещества и т. д. «посвящены» данному божеству; по идеѣ они формы проявленія, и этимъ опредѣляется ихъ сила. Кто ѣсть ихъ, тотъ воспринимаетъ въ себя частицу божества. Наука о травахъ и цѣлебное дѣйствіе растеній покоится на этомъ, равно какъ и присущая металламъ (золоту, серебру, мѣди) сила, также и свойства минераловъ. Наука о различныхъ камняхъ и ихъ силѣ включена въ великую систему, и кто носить на себѣ одинъ изъ драгоценныхъ камней, находится подъ покровительствомъ соотвѣтствующаго «бога» (талисманъ). Это распространяется и на самыя ничтожныя мелочи: каждое живое существо имѣетъ свое мѣсто, полезныя—какъ принадлежащія добрымъ свѣтлымъ богамъ, вредныя—какъ принадлежащія богамъ подземнымъ. Вошь,

блоха и всякіе паразиты размѣщены по мѣстамъ точно такъ же, какъ быкъ, овца и осель, левъ, волкъ и собака, орель, ворона и голубь. «Господинъ крысь, клоповъ, вшей» (Мефистофель), какъ представитель подземнаго міра, занимаетъ опредѣленное мѣсто въ ученіи о богахъ.

Прежде чѣмъ заняться дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ, мы должны, во избѣжаніе недоразумѣній, установить здѣсь разъ навсегда слѣдующее: всю систему этого міровоззрѣнія мы разсматриваемъ, какъ нѣчто готовое (стр. 11), возникновенія котораго мы не можемъ прослѣдить въ историческое время. Но мы не желаемъ изслѣдовать, какъ она образовалась, а еще менѣе, насколько она смѣшиваетъ вѣрное съ ложнымъ, т.-е. насколько она «истинна». Въ этомъ отношеніи будущія поколѣнія иначе, чѣмъ мы, будутъ судить о признанныхъ нынѣ «истинахъ». Намъ нужно лишь установить, что подразумевало подъ этой системой то человѣчество, которое въ нее вѣрило, и какъ, съ другой стороны, она проявлялась по вѣсѣмъ направленіямъ. Неизмѣнный настоятельный вопросъ: «какъ она могла возникнуть» ставитъ новую большую проблему передъ исторіей развитія человѣчества, передъ философій исторіи и, пожалуй, также передъ исторіей религіи. Но чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно прежде всего уяснить себѣ предметъ, т.-е. систему какъ законченное цѣлое, въ томъ видѣ, какъ она уже существовала въ эпоху, предшествующую началу историческихъ источниковъ. Поэтому мы отказываемся установить предыдущія стадіи, изъ которыхъ она могла развиваться: включеніе въ нее животныхъ въ формѣ тотемизма, подземныхъ духовъ—въ видѣ культа мертвыхъ, и всевозможные прочіе предполагаемые начатки первобытныхъ религій. Все это, какъ и остальное, включено въ систему, и вопросъ о нихъ можно съ полнымъ правомъ поставить и такимъ образомъ: насколько подобныя явленія у низко стоящихъ народовъ суть остатки искаженной системы.

Такимъ образомъ, обнаружившаяся въ откровеніи сущность божества, отражающаяся во всемъ, является, по этой системѣ, основаніемъ для пониманія всѣхъ

вещей, для всего, что есть, и для всего, что совершается на землѣ и во вселенной. Вавилонское ученіе о богахъ также ясно и опредѣленно говоритъ намъ, откуда берется пониманіе сущности божества, гдѣ оно яснѣе всего обнаруживается, и этимъ фактически даетъ также основу своей науки, своей системы.

Характерная черта вавилонской религіи та, что она есть религія не б е с н ы х ъ с в ѣ т и л ъ; но стоитъ немного глубже всмотрѣться, чтобы увидѣть, что въ сущности она является таковой не болѣе, чѣмъ всякая другая. Вѣдь и она также охватываетъ и остальные явленія природы; она только отличается тѣмъ, что ясно и опредѣленно отмѣчаетъ небесныя свѣтила, какъ главныя божества, тогда какъ въ другихъ религіяхъ это иногда окутано нѣкоторымъ туманомъ. Когда мы говоримъ г л а в н ы я б о ж е с т в а, то, согласно вышеизложенному (стр. 57), мы подразумѣваемъ преимущественную форму самопроявленія одного великаго божества, рядомъ съ которымъ находятся безконечно разнообразныя другія формы. Лишь на первомъ планѣ, яснѣе всего, божественное провидѣніе выражается въ движеніи созвѣздій, эти же послѣднія сами по себѣ столь же мало являются богами, какъ и священныя животныя или камни. Божество управляетъ и оказываетъ свое воздѣйствіе на остальной міръ лишь въ тѣлесномъ своемъ воплощеніи.

Эта основная идея, которую нужно себѣ усвоить желающему понять сокровенный смыслъ древне-восточнаго ученія, ясно выражается въ одномъ вавилонскомъ астрологическомъ объясненіи, которое говоритъ объ освобожденіи божества отъ тѣлесности и этимъ даетъ основную идею дальнѣйшаго развитія этого ученія:

«Когда звѣзда Мардука (планета Юпитеръ) находится въ восхожденіи (т.-е. стоитъ низко надъ горизонтомъ), она—Нэбо (Меркурій); если она стоитъ на высотѣ (*число на дощечкѣ отломано*) двойныхъ часовъ («часовыхъ дугъ»), она—Мардукъ (Юпитеръ); когда она стоитъ посрединѣ неба («кульминируетъ»), она—Нибиру (т.-е. прохожденіе, богъ, проходящій черезъ зенитъ, верховный, всѣмъ управляющій богъ; каждая планета становится имъ при кульминаціи)».

Этотъ текстъ, надъ пониманіемъ котораго тщетно бились въ теченіе долгаго времени, становится яснымъ, лишь только усвоишь основную идею, что божество не есть само свѣтило, но что оно стоитъ позади него. Въ этомъ же текстѣ заключается, далѣе, основная идея всякой астрологіи, что всякая звѣзда, а прежде всего, слѣдовательно, звѣзда подвижная, планета, получаетъ свое вліяніе,—т.-е. свою божественную силу, свою способность воздѣйствія на міръ,—отъ своего положенія. Правда, различаются роковыя и счастливыя созвѣздія, но общее воздѣйствіе получается въ зависимости отъ ихъ положенія другъ къ другу и къ небу неподвижныхъ звѣздъ. Иными словами, планета Юпитеръ на незначительной высотѣ надъ горизонтомъ есть то же самое, что планета Меркурій, т.-е. онъ оказываетъ такое же вліяніе, какъ и послѣдній, когда занимаетъ его мѣсто. (Меркурій всегда видимъ лишь на незначительной высотѣ надъ горизонтомъ). Онъ становится Юпитеромъ, когда онъ занимаетъ подобающее ему мѣсто на небѣ и т. д. Каждая планета (въ томъ числѣ и луна и солнце) оказываетъ такое же вліяніе, какъ и другая, въ зависимости отъ занимаемаго ею мѣста. Эту важную идею можно уяснить себѣ изъ простой человѣческой дѣятельности, которая, по нашей системѣ, понимается, какъ отраженія небесной (и наоборотъ, напр.: семья боговъ): дѣйствіе человѣка опредѣляется всякій разъ его отношеніемъ къ другимъ—по отношенію къ женѣ онъ супругъ, къ дѣтямъ—отецъ, на рынкѣ купецъ или чиновникъ и т. д., и тамъ, гдѣ онъ выступаетъ въ повседневной жизни, онъ дѣйствуетъ сообразно съ мѣстомъ. Эта параллель—основная идея всей религіи небесныхъ свѣтилъ, и ее нужно уяснить себѣ, если желаютъ понять систему этой религіи.

Свѣтила, видимыя при самомъ простомъ наблюденіи, суть, кромѣ луны и солнца (которыя въ дальнѣйшемъ тоже отнесены сюда), планеты, изъ которыхъ въ древности знали только пять наблюдаемыхъ безъ телескопа: Меркурія, Венеру, Марса, Юпитера, Сатурна. Поэтому-то они, и по сохранившейся до греко-римскаго времени (у Діодора Сицилійскаго II, 30) традиціи, признаются

толмачами и возвѣстителями божественной воли, но это то же самое, что мы назвали «преимущественной формой самопроявленія божества». Своимъ движеніемъ и своимъ положеніемъ они возвѣщаютъ, что совершается на небѣ, и что, слѣдовательно, должно произойти на землѣ, какъ его отраженіи. Это—астрологія, и древне-вавилонское міровоззрѣніе можно поэтому называть астрологическимъ. Вавилонія была извѣстна, какъ родина астрологіи, римляне называли астролога «халдеемъ», т.-е. вавилоняниномъ.

Для древняго воззрѣнія не существуетъ никакой существенной разницы между астрономіей и астрологіей, послѣдняя есть только приложенная къ практической жизни астрономія, или наука о звѣздахъ, и, слѣдовательно, стоитъ къ ней въ такомъ же отношеніи, какъ исторія медицины къ практическому искусству врачеванія. Вавилонія считалась поэтому въ глазахъ древнихъ родиной науки о звѣздахъ, и оттуда всегда получали точныя наблюденія. Греческая, а съ нею и римская и позднѣе средневѣковая, особенно арабская наука о звѣздахъ восходитъ къ древнимъ вавилонскимъ наблюденіямъ. Благодаря завоеваніямъ Александра (стр. 36), вавилонская наука стала доступной для греческаго міра, и эллинистическая эпоха могла поэтому воспользоваться вавилонской наукой о звѣздахъ, чтобы, съ своей стороны, заняться дальнѣйшей самостоятельной ея разработкой. Главнымъ центромъ эллинистической науки сдѣлалась Александрія, и здѣсь дѣйствовали также астрономы, которые дальше развили науку о звѣздахъ на основаніи новыхъ открытій въ этой области. Особенно разработана она въ великомъ астрономическомъ сочиненіи Птолемея, которое въ своей арабской традиціи (Альмагестъ) въ теченіе всего средневѣковья считалось каноническимъ. При установленіи своего счисленія Птолемей воспользовался вавилонскимъ счисленіемъ, и поэтому эру, или лѣтосчисленіе, начинается введенной въ его время въ Вавилонѣ «эрой Набонассара» (стр. 97). Лишь съ началомъ царствованія Птолемея онъ переходитъ къ счету по египетскимъ царскимъ династіямъ.

Итакъ, люди античной древности вполне еще отчетливо представляли себѣ происхождение ихъ науки о звѣздахъ. На возрождающемся Западѣ, подъ вліяніемъ греческой философіи, перестала уже быть общимъ достояніемъ знанія мысль, что наука о звѣздахъ давала также ключъ ко всей наукѣ о мірѣ, но на Востокѣ этой науки никогда не забывали совершенно.

МѢРЫ, ДѢЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ, КАЛЕНДАРЬ, МАТЕМАТИКА.

Планеты легче всего поддаются наблюдению, и ихъ движеніе является первымъ предметомъ науки о звѣздахъ. Но ихъ движеніе можно установить лишь благодаря ежедневно мѣняющемуся ихъ положенію относительно неподвижныхъ звѣздъ. Такимъ образомъ, послѣднія являются тѣми основными точками, которыя даютъ возможность измѣрять и узнавать движеніе. Поэтому приходится тотчасъ же принять во вниманіе также и небо неподвижныхъ звѣздъ, которое даетъ основаніе для дѣленія пути звѣздъ подвижныхъ. Понятно, на первомъ планѣ здѣсь стоитъ та часть неба, въ которой планеты остаются всегда, такъ называемый з о д і а к ъ. Это—поясъ, который пересѣкаетъ экваторъ подъ угломъ въ $23\frac{1}{2}$ градуса, слѣдовательно, лежитъ наполовину къ сѣверу, наполовину къ югу отъ него. Его ось—путь движенія земли—называется эклиптикой. Имя свое (зодіакъ значитъ кругъ животныхъ) онъ получилъ отъ 12-ти фигуръ животныхъ, на которыя онъ раздѣленъ, и въ каждой изъ которыхъ солнце (видимо) стоитъ по мѣсяцу. Это дѣленіе,—происхожденіе котораго мы пока не можемъ сдѣлать предметомъ изслѣдованія (стр. 58)—древне-вавилонское наслѣдіе, оно уже существуетъ здѣсь съ самаго начала, и поэтому является основой всѣхъ небесныхъ наблюденій. Эти 12 знаковъ суть:

Овнъ, Телець, Близнецы, Ракъ, Левъ, Дѣва, Вѣсы, Скорпіонъ, Стрѣлецъ, Козерогъ, Водолей, Рыбы.

Это тотъ порядокъ ихъ, который былъ установленъ въ Вавилонѣ въ VIII вѣкѣ. Онъ начинается съ вѣсеннимъ равноденствіемъ, съ вавилонскимъ Н о в ы м ь г о д о м ь.

По этому зодіаку пробѣгаютъ Луна, Солнце *) и 5 планетъ въ свои различные періоды обращенія: Луна въ мѣсяцъ (точно 27 дней 5 часовъ), Меркурій въ 88, Венера въ 225, Солнце (т.-е. Земля!) въ $365\frac{1}{4}$ дня = 1 годъ, Марсъ въ 1 годъ 322 дня, Юпитеръ въ 11 лѣтъ 315 дней, Сатурнъ въ 28 лѣтъ 167 дней. Изъ двухъ послѣднихъ Юпитеръ пребываетъ приблизительно 1 годъ, а Сатурнъ $2\frac{1}{2}$ года въ каждомъ знакѣ зодіака.

Наблюденіе этихъ періодовъ обращенія служить мѣриломъ времени, особенно такимъ мѣриломъ являются луна и солнце, опредѣляющія смѣну и продолжительность дня, мѣсяца и года. Установленіе этого опредѣленія времени называютъ к а л е н д а р е м ь, и въ этой наукѣ, составляющей первую практическую задачу астрономіи, Вавилонія была учительницей всего міра. Не только старый міръ, но и древнія американскія культуры невѣдомыми путями получили оттуда свое знаніе.

Установленіе періодовъ времени при помощи наблюденія надъ поступательнымъ движеніемъ звѣздъ на небѣ обуславливается установленіемъ пройденныхъ разстояній. Время, слѣдовательно, измѣряется пройденнымъ п р о с т р а н с т в о м ь, и оба мѣрила получаютъ въ результатъ наблюденія надъ небомъ. Такъ вавилонская наука развила систему измѣренія времени и пространства, взятую отъ неба и вездѣ кладущую въ основу однѣ и тѣ же совершенно однородныя единицы. Итакъ, то, чего мы стараемся достигнуть путемъ установленія научно опредѣленной величины (метръ) и дѣленія по десятичной системѣ, древняя Вавилонія совершенно ясно провела астрономическимъ путемъ, и не только для мѣр и вѣсовъ, но и для в р е м е н и,

*) Здѣсь мы все время говоримъ съ точки зрѣнія стараго воззрѣнія, по которому луна, какъ и солнце, вращаются вокругъ земли. Поэтому мы будемъ опускать необходимую оговорку «видимо».

и притомъ гораздо болѣе совершеннымъ образомъ, чѣмъ мы, такъ какъ она установила величину единицы не произвольно, а также взяла отъ неба и въ соотвѣтствіи съ этимъ развила также свою систему ч и с е л ь, или с ч и с л е н і я, лежащую въ основѣ ея математики. Иными словами: и число, математика, вычитано изъ книги неба. Въ этой великой небесной книгѣ открывается также в с е знаніе.

Все это выведено однороднымъ образомъ и образуетъ замкнутую въ себѣ систему. Можно подойти къ ней въ любой изъ точекъ, чтобы вывести изъ нея все остальное; но, какъ и въ замкнутомъ кругѣ, нельзя опредѣлить, какая изъ нихъ является дѣйствительно исходной точкой развитія. Мы и не беремъ на себя задачи устанавливать ея.

Великія мѣрила времени, т.-е. божества, которыя творятъ время, даютъ откровеніе о немъ, суть луна и солнце. Преданіе гласитъ (у Ахилла Таціуса): «Халдеи первые установили дѣленіе круга суточного обращенія солнца и дѣленіе часовъ, раздѣливъ «часъ» (т.-е. двойной часъ, см. ниже) во время равенства на 30 частей и принявъ эту тридцатую часть за единицу измѣренія круга солнечнаго обращенія во время равенства. Они предположили также, что солнце движется со скоростью нормальнаго человѣка, и что его путь въ часъ (т.-е. въ двойной часъ) составляетъ 30 такихъ единицъ». Согласно съ этимъ, эта единая еди-

ница измѣренія составляетъ $\frac{1}{12 \times 30} = 1/360$ суточного оборота солнца, она, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ пути, пройденному солнцемъ въ 2 минуты ($24 \times 60 = 720$ минутъ=дневное кругообращеніе). Соотвѣтствующая мѣра длины однородна съ греческимъ стадіемъ, но она только двойной длины. Точно также тридцатикратный итогъ этой единицы измѣренія имѣетъ двойную продолжительность сравнительно съ длиной позднѣе принятой единицы времени: онъ обнимаетъ два часа и есть к а с п у или двойной часъ, на который вавилоняне подраздѣляли сутки, имѣвшія такимъ образомъ 12 такихъ частей.

Тридцатикратный же итогъ единицъ длины дожилъ и до насъ въ видѣ м и л и, двухчасового пути.

Этимъ, конечно, создана была однородная мѣра времени и длины, но идея, положенная въ основу раздѣленія суточного круга солнца, указываетъ на стремленіе установить ея подобіе и съ годовымъ кругомъ. Именно, обычно годъ считался въ 360 дней, между тѣмъ какъ лишніе $5\frac{1}{4}$ дня засчитывались инымъ способомъ. Тогда получается: годъ въ 12 мѣсяцевъ изъ 30-ти дней=дню изъ 12 каспу въ 30 единицъ. Такимъ образомъ великое есть отраженіе малаго. Принятое и понынѣ географическое дѣленіе на градусы покоится на этой идеѣ. Годъ опредѣляется обращеніемъ луны (12 разъ) и солнца, уравненіе разницы (354 и 365) между обоими и есть календарный годъ. Поэтому всюду при выводахъ такого рода имѣется въ виду доказать, что оба показателя времени сдѣлаются одинъ съ другимъ. Это достигается тѣмъ, что въ основаніе кладется число 12. Далѣе путь обращенія луны отъ одного новолунія до другого разлагается на 480 градусовъ, и принимается схематически, что въ этомъ своемъ кругообращеніи (синодическомъ мѣсяцѣ) она каждый день проходитъ 12 солнечныхъ градусовъ (въ мѣсяцѣ 30 дней). Ея собственный кругъ подраздѣляется при этомъ на части въ 5 дней, изъ которыхъ каждая, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ 60-ти солнечнымъ градусамъ, и которыхъ въ каждомъ кругообращеніи 6. Получается, такимъ образомъ, что 5×12 солнечныхъ градусовъ=одной пятеркѣ кругообращенія луны, 6 такихъ пятерокъ=мѣсяцу или 1 пятерка= $\frac{1}{6}$ кругообращенія луны.

То же самое примѣняется и къ солнцу путемъ подраздѣленія его годового круга на 6, такъ что получаютъ единицы изъ 60-ти солнечныхъ градусовъ. Сообразно съ этимъ выдѣляются двойные мѣсяцы (соотвѣтствующіе нашимъ временамъ года), представляющіе каждый $\frac{1}{6}$ года. Существованіе ихъ у вавилонянъ еще до сихъ поръ не доказано, но они въ употребленіи у индусовъ и арабовъ. Они подразумѣваются и въ римскомъ названіи мѣсяцевъ, потому что лишь для мѣсяцевъ отъ января по іюнь мы здѣсь имѣемъ отдѣльныя

имена для каждого, а дальше идетъ лишь простой с ч е т ъ (июль: *quinctilis*, августъ: *sextilis*, сентябрь по декабрь). Такимъ образомъ римляне пользовались лишь 6-ю именами, которыя первоначально должны были соотвѣтствовать двойнымъ мѣсяцамъ.

То же подраздѣленіе примѣняется далѣе и ко дню: и онъ подраздѣляется на 6 частей, которыя различаются, какъ утро, полдень, вечеръ и три ночныя стражи (каждая въ четыре часа или два двойныхъ часа).

Такъ выводятся основныя числа вавилонской системы счисления или, правильнѣе, ариѳметики. Ибо хотя въ языкѣ имѣется десятичная система, какъ у насъ, однако счетъ ведется не по ней, а по ш е с т и д е с я т е р и ч н о й системѣ, т.-е. въ качествѣ основной единицы берется 60.

Основныя числа этой системы суть 1, 60, $60 \times 60 = 3600$, вмѣсто 1, 10, 100. Каждое изъ основныхъ чиселъ имѣеть особое названіе. Эта система представляетъ при счетѣ большія преимущества въ сравненіи съ десятичной системой, такъ какъ 60 дѣлится на всѣ числа, удобства же системы десятиричной весьма невелики, если не имѣть въ виду счета на бумагѣ.

Названіе для единицы въ 60—*suss*, т.-е. $\frac{1}{6}$. Это указываетъ, что она взята какъ $\frac{1}{6}$ круга въ 360 градусовъ, или что она соотвѣтствуетъ двойному мѣсяцу или пяти днямъ мѣсяца. Но эти 5 составляютъ $\frac{1}{12}$ отъ 60, слѣдовательно, 5 и 12, какъ два основныхъ числа системы, заимствованы изъ обращенія луны и солнца. Подобнымъ же образомъ могутъ быть выведены и другія числа изъ откровеній небесной книги: 5—это число пяти планетъ безъ луны и солнца, 2—число этихъ послѣднихъ, съ 3-мя мы познакомимся еще, какъ съ числомъ трехъ большихъ звѣздъ, 6 также уже получено, 7—это число луны, солнца и пяти планетъ и т. д. Въ астрономіи представлены всѣ эти числа, и каждому календарю предоставляется на выборъ практически воспользоваться какими угодно изъ нихъ. Мы еще увидимъ, что это повторится и съ другими числами, кромѣ тѣхъ, которыя предпочтеніе отдавали вавилоняне.

Раздѣленіе описываемой движущимся тѣломъ окруж-

ности на 12 частей, каждая въ $\frac{5}{60}$ цѣлаго, мы еще и теперь носимъ въ карманѣ: циферблатъ нашихъ часовъ есть полная окружность, рассчитанная, слѣдовательно, первоначально на двойные (суточные) часы и являющаяся копией подраздѣленія кругового движенія луны въ цѣломъ суточномъ кругѣ обращенія солнца. Этотъ дневной кругъ, въ свою очередь, соответствуетъ годовому кругу съ его 12-ю мѣсяцами. Помимо дѣленія на 12 знаковъ зодіака, годовой кругъ раздѣляется еще на 24 части (которыя, разумѣется покрываются 12 знаками), и онѣ принадлежать не солнцу, а лунѣ, онѣ называются лунными станціями. Каждая изъ нихъ, слѣдовательно, соответствуетъ половинѣ знака зодіака или 15-ти градусамъ. Это же подраздѣленіе въ примѣненіи къ дневному кругу даетъ наше дѣленіе на 24 часа. Но мы считаемъ ихъ въ два пріема, двумя половинами, кладя въ основу раздѣленную на 12 частей окружность или циферблатъ. Такимъ образомъ каждый часъ есть половина каспу, каждая минута—половина одной ея шестидесятой части, двойной минуты. Тридцатая часть часа была принята за мѣру пути и соответствуетъ тому, что греки называютъ стадій (стр. 65). Однако греческій стадій составляетъ лишь половину вавилонскаго, т.-е. онъ покоится также на дѣленіи на 24.

Вавилонскія единицы шестидесятеричной системы употребительны до нашихъ дней, и лишь новая десятичная система мѣръ и вѣсовъ начинаетъ ихъ сильно вытѣснять. Мы не знаемъ, какими путями онѣ до насъ дошли, но здѣсь мы имѣемъ связь съ до-греческой и до-римской эпохой, такъ какъ въ классической древности ихъ не существуетъ. Подраздѣленіе на 12 есть дюжина, употребляющаяся, напр., въ дѣленіи стараго нѣмецкаго гроша на 12 фениговъ (какъ годъ на 12 мѣсяцевъ) или англійскаго шиллинга на 12 пенсовъ. 60 это копа, 12×12 —гроссъ. Съ другой стороны, дѣленіе 60-ти на 4 ($4 \times 15 = 60$) даетъ нѣмецкую единицу «Mandel» (полтора десятка). Еще и понынѣ арабъ привѣтствуетъ пожеланіемъ прожить еще «60 лѣтъ». Связь 60-ти съ большей единицей десятичной си-

стемы (10) даетъ въ результатѣ 600. И это послѣднее число считается вавилонянами единицей (называемой *per*), она составляетъ $\frac{1}{6}$ слѣдующей высшей, 3600 (*sar*)! Извѣстно, что римлянинъ для обозначенія вообще большого числа говорилъ «600», гдѣ мы бы сказали 1000. Это можно объяснить заимствованіемъ изъ вавилонской системы, но невозможно вывести изъ десятичной.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ успѣховъ человѣка въ области ариѳметики было изобрѣтеніе нуля, лишь благодаря которому десятичная система получила свое истинное значеніе при письменныхъ вычисленіяхъ. Изобрѣтеніе его приписывается индусамъ, отъ которыхъ, повидимому, переняли его арабы. Но уже вавилонская система цифръ употребляетъ его, хотя только въ одномъ случаѣ, при обозначеніи *per*, потому что послѣдній пишется какъ число 60 съ надписаннымъ надъ нимъ числомъ 10. Вавилонское искусство счисленія могло отказаться отъ практическаго пользованія нулемъ, такъ какъ оно имѣло шестидесятичную систему, въ которой нуль не игралъ никакой роли, и которая, благодаря большому количеству дѣлителей, представляла для счета гораздо больше преимуществъ, чѣмъ нуль десятичной системы.

Такимъ образомъ, числа считались откровеніемъ неба, и на этомъ основана была цѣлая наука, устанавливающая тѣсную связь между астрономіей и математикой. Количество примѣровъ можетъ быть увеличено до безконечности, можно привести множество ихъ, которые одновременно дѣлаютъ нагляднымъ сущность календарной науки и показываютъ, какъ въ основѣ цѣлага лежитъ мысль доказать принципъ гармоніи и вселенной, слѣдовательно, тѣсной связи ея отдѣльных частей и явленій. Извѣстно, что въ періодъ младенчества греческой философіи въ ней существовала секта, вся наука которой покоилась на символикѣ чиселъ и на ученіи о гармоніи. Пифагорейцы, уже вслѣдствіе формы своей организаціи—секты, основывающей государство,—являются чуждымъ наростомъ на греческой почвѣ; на Востокѣ

же подобныя явленія составляютъ нѣчто обыкновенное. Ихъ ученіе, оказывавшее сильное вліяніе еще на Платона, дѣлается нагляднымъ благодаря приведеннымъ ниже сопоставленіямъ и все больше и больше находитъ объясненіе въ вавилонской наукѣ. Болѣе чѣмъ достаточно доказано, что Пифагоръ взялъ основы своего ученія на Востокѣ.

Календарь вызывается прежде всего необходимостью урегулированія года, т.-е. уравненія періодовъ обращенія луны и солнца. Въ теченіе одного года это невозможно. У насъ есть четырехлѣтній високосный періодъ, дополняемый еще такимъ же періодомъ въ нѣсколько столѣтій. Возможны еще много другихъ способовъ такого уравненія, и отдѣльные календари пользовались тѣмъ или инымъ, каждый согласно своей системѣ. И не только луна и солнце, но и остальные планеты и, наконецъ, другія явленія небснаго круговращенія являются мѣрилами времени («періодами», т.-е. кругообращеніями!), которыми нельзя было пренебречь, преслѣдуя идею доказать однородность всѣхъ явленій.

Въ системѣ, имѣющей дѣло съ лунными мѣсяцами въ 29 и 30 дней и вводящей необходимые добавочные мѣсяцы, подобное уравненіе можетъ повторяться каждыя 19 лѣтъ. Этотъ періодъ уравненія введенъ былъ въ Афинахъ въ 432 году и называется метоническимъ, по имени введшаго его архонта Метона. Существованіе этого цикла въ Вавилоніи засвидѣтельствовано уже въ началѣ 3-го тысячелѣтія до Р. Хр.— значитъ, онъ долженъ былъ быть извѣстенъ еще ранѣе. Метонъ ввелъ его какъ одинъ изъ многихъ возможныхъ; онъ его не «установилъ», не изобрѣлъ, хотя это и обезсмертило его имя.

Въ Египтѣ (а также, согласно нѣкоторымъ даннымъ, и въ Персіи) считали по такъ называемымъ періодамъ Сириуса. Здѣсь годъ состоитъ изъ 12 мѣсяцевъ по 30 дней каждый, а въ концѣ прибавляются 5 праздничныхъ дней, такъ называемые эпагомены. При этомъ $\frac{1}{4}$ дня не принимается въ расчетъ, что въ 4 года составляетъ 1 день. Въ $4 \times 365 = 1460$ лѣтъ это соста-

вляеть 1 годъ, или 1460 солнечныхъ лѣтъ=1461 такому году. Это называется періодомъ Сириуса, потому что его опредѣляли по перемѣщенію восхода с а м о й с в ѣ т л о й неподвижной звѣзды,—Сириуса или созвѣздія Пса. Этотъ періодъ обозначается такъ же, какъ «великій» годъ или годъ созвѣздія Большого Пса (annus canicularis), потому что онъ копія $4 \times 365 = 1460$ д н е й, въ теченіе которыхъ разница получается въ одинъ д е н ь. Такимъ образомъ здѣсь лежитъ мысль о днѣ, какъ подобіи года. Такой періодъ называется въ римскомъ календарѣ *lustrum*. То же самое представляютъ греческія о л и м п і а д ы (вмѣсто которыхъ Аѣины ввели въ 432 году счетъ времени по циклу Метона). Далѣе, наша недѣля состоитъ изъ 7 дней. Мы видѣли, что періодъ обращенія луны былъ раздѣленъ на 5-тидневныя единицы (стр. 66), и имѣются свидѣтельства, что въ странахъ вавилонской культуры счетъ велся по 5-тидневнымъ недѣлямъ. Такихъ въ году (изъ 360 дней) 72, эпагомены являются въ такомъ случаѣ лишней недѣлей. $72 = 6(!) \times 12$. 60 какъ единица этихъ пятидневныхъ недѣль (т.-е. 5×12) даетъ періодъ времени въ 10 мѣсяцевъ. Считать его «годомъ» намъ представляется невозможнымъ. Несмотря на это, существованіе его въ древнемъ Римѣ, а также въ греческомъ мірѣ (въ послѣднемъ какъ хозяйственный годъ въ отношеніяхъ найма и т. д.) засвидѣтельствовано. Объяснить это можно лишь происхожденіемъ изъ шестидесятеричной системы, притомъ чрезвычайно просто—ея счетной единицей. Орбита луны подраздѣляется на 480 градусовъ. Тогда на половину, т.-е. на п о л н о л у н і е приходится 240. Но $5 (!) \times 240 = 4 \times 300$. Слѣдовательно, въ теченіе данныхъ періодовъ времени происходитъ уравниваніе. Впрочемъ, возможно, что здѣсь принимается въ соображеніе еще уравниваніе съ періодами обращенія третьей большой звѣзды, Венеры. (Время между двумя прохожденіями Венеры черезъ одинъ и тотъ же пунктъ равняется приблизительно 10 синодическимъ мѣсяцамъ).

Древній римскій годъ въ 300 дней въ сущности состоитъ изъ 304, т.-е. съ лишними 4-мя, соответствующими 5-ти эпагоменамъ года въ 365 дней. Итакъ, мы

имѣемъ отношеніе 360:300:240, каждый членъ котораго меньше на двойной мѣсяць (на $\frac{1}{6}$), или 365:304, третьимъ членомъ котораго было бы 243. Это—сумма лѣтъ царствованія 7-ми (миѳическихъ) римскихъ царей (753—510 гг.), которыхъ, судя по всему, что о нихъ разсказывается, можно признать представителями 7-ми планетъ (7-ми дней недѣли). Здѣсь ясно сказывается счетъ времени, въ смыслѣ представленія о небесныхъ циклахъ, и сущность исторической легенды (стр. 118).

$5 \times 72 = 1$ году; двойной годъ, какъ параллель къ двойному мѣсяцу (стр. 66), имѣетъ, слѣдовательно, 144 пятидневныхъ недѣль, т.-е. 12×12 , гроссъ (стр. 68). Этотъ двойной годъ $= 2 \times 360 = 3 \times 240 = 720$ днямъ (о 720 см. стр. 65!).

Въ астрономическихъ памятникахъ стараго міра мы не имѣемъ свидѣтельства о пользованіи Венерой для календаря, т.-е. для установленія цикловъ, хотя она по праву занимаетъ мѣсто рядомъ съ «великими» божествами, какъ третье изъ нихъ. Наоборотъ, мексиканскій счетъ времени—установленіе котораго составляетъ содержаніе дошедшихъ до насъ большихъ кодексовъ—покоится исключительно на ней. Стоить только всмотрѣться въ эту систему, чтобы увидѣть, что она покоится на подобныхъ же принципахъ и является поэтому составнымъ элементомъ древне-восточной, недостающія части которой она дополняетъ.

Тамъ считаютъ по періодамъ обращенія Венеры въ 584 дня, но наряду съ нимъ извѣстенъ также солнечный годъ. Однако основой, «годомъ» служить не онъ, а періодъ времени въ 260 дней!

Послѣдній объясняется, если разложить его на 13×20 единицъ, которыя можно сравнить съ нашими недѣлями и мѣсяцами. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза примѣненіе числа 13. Это—запретное въ старомъ мірѣ, несчастное число, потому что оно является числомъ добавочнымъ (високосный годъ метонова цикла имѣетъ 13 мѣсяцевъ). Но число 20 указываетъ на связь съ вавилонскимъ луннымъ строемъ. Луна проходитъ до полнолунія 240, слѣдовательно, ежедневно 20 изъ 480 градусовъ, на которые дѣлится орбита луны (стр. 66),

но это составляет 12×20 , т.-е. счет вавилонянь подчеркивает свое число м ъ с я ц е в ъ—12, между тѣмъ какъ мексиканцы подчеркиваютъ запретное на востокѣ число 13, точно такъ же какъ они выдвигаютъ на первый планъ отодвинутую тамъ въ сторону несчастную звѣзду, Венеру (Lucifer¹)

Но

$5 \times 72 = 360$; (пятидневныя недѣли!);

7×52 ; (семидневныя недѣли)=солнечному году;

$5 \times 52 = 260$!

Это значить: мексиканская система связываетъ обѣ въ лунно-солнечной системѣ принятыя системы календаря. Число же 260, относящееся къ мексиканской системѣ, является, повидимому, и основнымъ числомъ, по которому считались библейскія доисторическія времена, а именно времена патріарховъ (Бытія, V, 11)!

Далѣе:

5 періодовъ Венеры (въ 584 дня)=8 солнечнымъ годамъ.

13×5 періодовъ Венеры= $13 \times 8 = 2 \times 52$ солнечнымъ годамъ.

Такимъ образомъ, въ основу здѣсь положено то же число (52), какъ и при «недѣляхъ». Число же 8 играетъ роль въ обращеніи Венеры: послѣ одного прохожденія слѣдующее повторяется черезъ 8 лѣтъ, затѣмъ иногда не имѣетъ мѣста въ теченіе 100 лѣтъ, и каждая 8 лѣтъ она достигаетъ самаго яркаго блеска. Обычно также ее представляютъ какъ восмилучевую звѣзду.

Безъ сомнѣнія, и другія планеты были включены въ систему, хотя мы и не имѣемъ никакихъ доказательствъ этого. Время обращенія Юпитера въ 12 лѣтъ прежде всего заставляеть это предполагать. Далѣе, тридцатилѣтній почти періодъ обращенія Сатурна имѣетъ свою аналогію въ числѣ подраздѣленій 12-ти частей

¹) Число 20 можно указать и у германцевъ, у которыхъ вмѣсто священныхъ 12 ночей въ концѣ года (разница между луннымъ и солнечнымъ годомъ) ихъ считалось также и 20.

или двойныхъ часовъ обращенія солнца, которые разлагаются на 30 двойныхъ минутъ (стадій) (стр. 65).

Подобнымъ же образомъ можно сколько угодно продолжить примѣры или указать безконечное количество иныхъ числовыхъ отношеній. Изъ каждой точки системы можно всегда притти къ другой. Укажемъ еще только на одно. Лунный годъ въ 354 дня имѣеть 50 недѣль (и 4 лишннихъ дня). Число Сириуса или *Iustum'a*—1460 (стр. 62). Отсюда:

$1460:52=29,2$, т.-е. число дней обращенія луны.

Періодъ Меркурія составляетъ 116 дней; $5(!) \times 116 = 580$ —періоду Венеры+4 лишннихъ дня (эпагомены), какъ при лунномъ годѣ въ 354 дня или при годѣ въ 304 дня.

Всюду существуютъ небольшія неточности, совершенно такъ же какъ и при солнечномъ годѣ, которыя нужно уравнивать при помощи установленія большихъ цикловъ. Въ этомъ-то и заключается задача календарной науки. Каждой странѣ, каждому законодательству предоставлено высказаться за тотъ или другой пріемъ, и отдѣльные законодательства поступаютъ такъ сообразно съ своими особенными потребностями или также—сообразно ученымъ причудамъ ихъ творцовъ. Но всюду, въ многокрасочной пестротѣ выступающей такимъ образомъ картины, въ основѣ лежитъ та же система, и всюду можно замѣтить также ту идею, что принятый календарный счетъ стоитъ въ органической связи, въ согласіи съ культомъ боговъ: гдѣ господствуетъ культъ Венеры, тамъ и счетъ по Венерѣ, при культѣ луны—счетъ по лунѣ и при культѣ солнца—счетъ по солнцу. Но при всемъ томъ, ни одинъ счетъ не обходится безъ другого, совершенно такъ же, какъ ни одна звѣзда не совершаетъ одиноко свой путь по небу.

Этого достаточно для уясненія сущности предмета. Теперь онъ не потребуетъ дальнѣйшихъ разъясненій, если даже у различныхъ народовъ счетъ и ведется иными числами. Такъ, греки имѣютъ недѣли въ 10 (3×10 -мѣсяць) дней, декады. Соотвѣтственно этому они считаютъ 3 времени года, совершенно такъ же, какъ

другіе народы съ пятидневными недѣлями и 6 временами года. Иные, далѣе, считаютъ 3×9 (сидерической мѣсяць въ 27 дней)+3 дня. Идея отраженія божества какъ въ маломъ, такъ и въ большемъ обусловливаетъ, что начало дня считается соотвѣтственно началу года: полночь и зимнее солнцестояніе (Римъ, у насъ), утро и весна (Вавилонъ), осень и вечеръ (у древнихъ евреевъ; также и день магометанскаго календаря начинается съ закатомъ солнца).

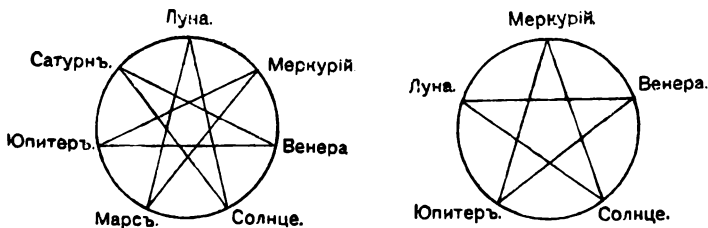
Мы уже познакомились съ числами 5 и 7 въ ихъ различномъ значеніи, между прочимъ и какъ обозначающими число дней въ наиболѣе принятомъ счетѣ недѣль. Семидневная недѣля дошла до насъ какъ благодаря римскому календарю, такъ и благодаря ея значенію въ Библии. Повидимому, она была вообще самой распространенной въ старомъ мірѣ. Мы еще ознакомимся съ ея отношеніемъ къ солнечному году, и счетъ по солнечнымъ годамъ вполнѣ объяснить предпочтеніе, отдаваемое этой недѣлѣ. До насъ дошло ясное преданіе о связи ея съ 7-ью планетами, и общеизвестно, что дни недѣли получили названія по нимъ, что особенно еще явствуетъ изъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ наименованій: воскресенье (Sunday, день солнца), понедѣльникъ (Monday, Lundi, день луны), вторникъ (Ziu, Dienstag, Mars, Mardi), среда (Merkur, Mercredi), четвергъ (Donar, Donnerstag, Jupiter, Jeudi-Iovis dies), пятница (Freia-Венера, Freitag, Vendredi), суббота (Saturn, Saturday).

До насъ дошло и основаніе для этого наименованія. Каждый часъ дня «принадлежитъ» одной изъ семи планетъ, которая «управляетъ» имъ. При этомъ счетъ, ведется по ихъ «удаленности отъ земли», стало быть, по періоду ихъ обращенія: начинается онъ Сатурномъ, какъ самымъ отдаленнымъ, кончается луной, какъ самой близкой. Если считать такъ, то 1-ый часъ при, надлежитъ Сатурну, 2-ой—Юпитеру и т. д., 7-ой лунѣ—8-ой—снова Сатурну, 14-ый—лунѣ, 15-ый—Сатурну и т. д. троекратно до 24; этотъ послѣдній часъ принадлежитъ Марсу, 25-ый—солнцу. Каждый день называется по той планетѣ, которой принадлежитъ его

первый часть, за днем Сатурна (субботой) слѣдуетъ день солнца, потому что 25-ый часть, первый часть второго дня, принадлежит солнцу; затѣмъ идетъ день луны, на которую приходится первый часть третьяго дня, и т. д.

Это можно также изобразить окружностью, раздѣливъ ее на 7 частей и приписавъ каждый отрѣзокъ одной планетѣ, а затѣмъ такимъ же образомъ отсчитывая по ней. Если затѣмъ послѣдовательно соединить соотвѣтствующія днямъ недѣли точки, то получится 7-лучевая звѣзда, линіи соединенія которой перескакиваютъ черезъ 2 точки дѣленія каждая. Это г е п т а г р а м м а, линейное изображеніе цѣлаго (кругъ и звѣзда!), которое встрѣчается уже намъ на одной вавилонской глиняной табличкѣ.

Если примѣнить то же самое къ 5 планетамъ (изъ которыхъ Марсь совпадетъ съ луной и Сатурнъ съ солнцемъ, такъ что они какъ бы будутъ содержаться въ обоихъ послѣднихъ), то получится послѣдовательный рядъ дней пятидневной недѣли. Получающаяся отсюда фигура (съ перескакиваніемъ соединяющихъ линій черезъ одну только точку, дѣленія) есть п е н т а г р а м м а. 5 это число луны, 7—число солнца,

или, какъ мы увидимъ, оба числа соотвѣтствуютъ небесному и подземному міру. «Съ пентаграммой мнѣ мученье»—говоритъ Мефистофель, когда онъ не можетъ переступить черезъ порогъ,—подземная сила (дьяволъ) не можетъ перешагнуть черезъ символъ, изображеніе

небесной силы. И другіе вписанные многоугольники имѣють соотвѣтствующія происхождение и значеніе (гексаграмма, два взаимно пересѣкающихся трехугольника, есть знакъ к а б б а л ы); особенно принимають ихъ всѣ въ соображеніе китайское ученіе. И здѣсь вновь ясная связь между математикой и астрономіей (вспомнимъ опять пифагорейцевъ).

Та же самая мысль лежитъ въ основѣ идеи, по привычкѣ внесенной и въ наши календари—идеи «вѣка». Подобно днямъ, каждый годъ также приписывается одной изъ семи планетъ (день какъ параллель года!), такъ что получается 7 годовыхъ недѣль=49 лѣтъ. Библейское ученіе о Ю б и л е й н о м ъ г о д ѣ (пятидесятый годъ священенъ; Левить. 25) показываетъ, что годъ этотъ былъ добавочный, такъ что при двукратномъ повтореніи получается столѣтній циклъ. Такъ какъ каждый «правитель» времени управляетъ одинаковымъ образомъ, и положеніе его по отношенію къ остальнымъ также принимается неизмѣннымъ, то въ равной мѣрѣ должна повторяться даже и погода. Съ другой стороны, примѣненіе при этомъ числа 50 опять указываетъ на соотвѣтствіе съ числомъ недѣль луннаго года ($7 \times 50 = 350$; 4 лишнихъ дня).

Особенно важна эта идея въ томъ отношеніи, что примѣненіе ея въ древнемексиканскомъ календарѣ доказываетъ общее происхождение этихъ обоихъ случаевъ ея употребленія. Тамъ «годъ» состоитъ изъ $13 \times 20 = 260$ дней. Они также посвящены 13 главнымъ божествамъ и притомъ по тому же точно принципу: 14-й день опять принадлежитъ первому богу и т. д. всѣ 13×20 , такъ что съ 21-мъ, который приходится на 8-ое божество, начинается новый рядъ двадцатокъ и т. д.—Едва ли нужно говорить, что въ вавилонскомъ календарѣ и мѣсяцы распределены между 12 (!) великими божествами; римское обозначеніе первоначальныхъ 6-ти двойныхъ мѣсяцевъ (стр. 67) также покоится на этомъ, и такимъ образомъ во всѣхъ календаряхъ имѣются соотвѣтствующія явленія. Особенно характерны въ этомъ отношеніи восточно-азиатскіе (китайскій и другіе).

ОБРАЩЕНИЕ СВѢТИЛЬ, КАКЪ ОСНОВА МИЕОЛОГИИ.

Можно сдѣлать одно постоянно подтверждающееся наблюдение, что во всѣхъ миеологіяхъ или ученіяхъ о богахъ луна занимаетъ главное мѣсто. Если въ календарѣ можно скорѣе понять это предпочтении, потому что луна является тѣмъ мѣриломъ времени, которое проще всего можно наблюдать, то въ миеологіи должно все-таки поражать, что болѣе важное братское свѣтило—солнце, занимаетъ менѣе видное по сравненіи съ нею мѣсто. Большинство миеовъ о солнцѣ перенесены на него отъ луны и притомъ даже у народовъ или въ ученіяхъ, опредѣленно выдвигающихъ на первый планъ солнце, у «солнцепоклонниковъ»! Обычно думаютъ, что это признакъ самаго первоначальнаго, простѣйшаго наблюденія звѣздъ: луну вѣдь можетъ легко наблюдать и первобытный народъ. Но именно первобытный народъ, какъ этому учить и наше собственное естественное чувство, поставилъ бы на первый планъ всепобѣдную силу солнца, уже помимо того, что ему гораздо ближе окружающій его земной міръ, нежели небесный. Наоборотъ, мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ астрономически продуманнымъ ученіемъ, разъ луна является высшимъ и господствующимъ правителемъ, «отцомъ боговъ», и по являемымъ ею формамъ главнымъ образомъ выводятся заключенія о подобныхъ же измѣненіяхъ другихъ свѣтилъ. Это воззрѣніе астрономическое, слѣдовательно, научное, и стоитъ въ противорѣчьи съ естественнымъ чувствомъ; поэтому оно является воззрѣніемъ культурнаго народа, астрономической наукой,—и именно оно

и составляет основную идею вавилонскаго учения о звѣздахъ. Особенно это ясно выступаетъ, когда лунѣ приписываются явленія, относящіяся къ солнцу. Таковъ, напр., часто встрѣчающійся взглядъ, который приписываетъ лунѣ вліяніе на ростъ растений. Здѣсь-то во всякомъ случаѣ обнаруживается ученіе, которое во вращеніи обоихъ свѣтилъ находитъ проявленіе одной и той же дѣятельной силы. Дѣйствительно, солнце вызываетъ ростъ растений, но луна обнаруживаетъ ихъ рожденіе и исчезновеніе и воскрешеніе ихъ снова изъ мрака подземнаго міра. По вавилонскому ученію, она «растеніе, растущее само изъ себя», образъ непреходящаго міра. Поэтому ея цвѣтъ — з е л е н ы й цвѣтъ растительности и жизни (стр. 94).

Луна и солнце суть прот и в о п о л о ж н о с т и: они противостоятъ другъ другу въ своей законченной формѣ, т.-е. когда луна находится въ фазѣ п о л н о л у н і я¹⁾). По мѣрѣ приближенія къ солнцу она теряетъ все больше и больше въ своемъ блескѣ, пока она, въ фазѣ н о в о л у н і я, не встрѣтится съ нимъ и не сдѣлается совсѣмъ невидимой²⁾), чтобы потомъ опять начать удаляться отъ него и увеличиваться. Ярче всего, слѣдовательно, она свѣтитъ, когда противостоитъ солнцу, а именно, когда занимаетъ высшее положеніе на небѣ. Но это бываетъ въ полночь, когда она «кульминируетъ». Такимъ образомъ, если искать основное положеніе для обоихъ, твердую позицію, въ которой ихъ сущность сильнѣе всего выражается, «дѣйствуетъ», то это будетъ полуночное положеніе, когда кульминируетъ полная луна. Солнцу принадлежитъ тогда самый противоположный пунктъ, т.-е. оно находится въ полуночномъ положеніи. Оно невидимо, оно въ подземномъ мірѣ.

Итакъ, согласно этому взгляду, лунѣ принадлежитъ небесный міръ, солнцу—подземный, что находится

¹⁾ Полная луна восходитъ, когда солнце заходитъ; въ полночь, когда солнце занимаетъ самое низкое положеніе, она занимаетъ самое высокое и заходитъ при восходѣ солнца.

²⁾ Т.-е. она восходитъ и заходитъ вмѣстѣ съ нимъ и поэтому она днемъ невидима.

въ полномъ противорѣчїи съ нашимъ непосредственнымъ воспрїятїемъ, но астрономически правильн о. Ибо звѣзды видимы лишь ночью; ихъ свѣтъ, свѣтъ боговъ свѣтитъ, боги показываются и говорятъ только ночью. И именно солнце есть та сила, которая затемняетъ ихъ, которая обрекаетъ ихъ на молчаніе. Поэтому оно является силой тьмы, подземнаго міра. Ибо подобно тому, какъ луна дѣлается невидимой вслѣдствіе того, что она приближается къ солнцу, вступаетъ въ него, погружается, слѣдовательно, въ подземный міръ, «умираетъ», то же самое случается съ остальными планетами, а также съ неподвижными звѣздами ¹⁾).

Луна умираетъ и снова воскресаетъ, она—образъ непреходящей жизни, солнце же приноситъ смерть. Эта непосредственно изъ астрономїи почерпнутая мысль—основная идея вавилонскаго ученія, которое поэтому-то и выдвигаетъ на первый планъ луну, въ противоположность, напр., ученію Египта, гдѣ выдвигается культъ солнца, обнаруживающій, однако, при этомъ всѣ признаки заимствованія отъ луны.

Для звѣзднаго міра существуетъ два основныхъ положенія: равноденствія и солнцестоянія. При первомъ положенїи одна половина зодіака видима, другая—невидима; ему соотвѣтствуетъ дѣленіе года на двѣ половины въ 6 мѣсяцевъ каждая (лѣтнее и зимнее полугодїя). Это—обычное для насъ дѣленіе, которое кладется въ основу въ многихъ другихъ случаяхъ. Счетъ по равноденствїямъ, какъ мы увидимъ, происходитъ изъ Вавилона, слѣдовательно, это болѣе молодой счетъ, въ противоположность болѣе старому. При счетѣ по солнцестоянїямъ обнаруживается разница между «дневной дугой» и «ночной», т.-е. видимой и невидимой частью зодіака, когда день и ночь самые длинные или самые короткіе. Отношеніе разницы между обоими опредѣляется

¹⁾ Тѣмъ, что солнце вступаетъ въ нихъ, покрываетъ ихъ. Данныя звѣзды въ такомъ случаѣ бываютъ съ солнцемъ,—слѣдовательно, днемъ,—надъ горизонтомъ, т.-е. невидимы, а ночью, когда онѣ свѣтятъ,—подъ горизонтомъ, въ «подземномъ мірѣ».

географическимъ положеніемъ каждой мѣстности; чѣмъ она удаленнѣе отъ экватора, тѣмъ день становится длиннѣе; у насъ лѣтній день значительно длиннѣе, чѣмъ на югѣ, а на Нордкапѣ уже можно видѣть полуночное солнце.

Для градуса широты южной Вавилоніи, гдѣ лежалъ древній (стр. 14) городъ культа луны, это отношеніе составляетъ 5:7, т.-е. при лѣтнемъ солнцестояніи 5 знаковъ зодіака видимы, 7 невидимы. Но это опять-таки оба числа луны и солнца, оба относятся другъ къ другу какъ 5:7. Это принципъ астрономіи. Замѣчательна основная мысль всякой астрономіи, которую Шиллеръ въ «Валленштейнѣ» вкладываетъ въ уста Сени: «Двѣнадцать знаковъ имѣетъ зодіакъ, пять и семь; с в я щ е н н ы я ч и с л а заключаются въ двѣнадцати». Покоящееся на этомъ дѣленіе года могло, понятно, возникнуть лишь подъ этой широтой (она же и широта Хеліополиса въ Египтѣ), потому что во всякомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ мы находимъ это дѣленіе, оно не подходитъ, а слѣдовательно, оно заимствовано оттуда. Законъ Хаммураби (стр. 24) считаетъ при наймѣ слугъ лѣтнюю часть года въ 5 мѣсяцевъ, зимнюю въ 7. Тотъ же способъ счета употребляется еще и понынѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи (въ Ансбахѣ, Мекленбургѣ), онъ во всякомъ случаѣ документально доказанъ для среднихъ вѣковъ, поскольку налоги (Beden) въ нѣкоторыхъ областяхъ взимались 1-го мая и 1-го октября. Такимъ образомъ это дѣленіе, которое также стоитъ въ противорѣчьи съ употребительнымъ у насъ дѣленіемъ года (дѣленіемъ равноденствія въ 6+6 мѣсяцевъ), какъ съ нашимъ географическимъ положеніемъ. Поэтому оно, должно быть, дошло до насъ другимъ путемъ, чѣмъ нашъ календарь, и въ болѣе раннюю эпоху, при чемъ занесено въ видѣ ученія иной страны, гдѣ оно соотвѣтствовало дѣйствительности.

Связь 1-го мая, какъ начала лѣта, съ «полетомъ вѣдьмъ» на Брокенъ получаетъ объясненіе изъ одного вавилонскаго документа. Въ немъ сказано,—при этомъ берется въ основаніе счетъ по полугодіямъ: «начиная съ лѣтняго солнцестоянія ночи становятся

длиннѣе, дочери небеснаго міра (т.е. свѣтлыя часы, соотвѣтствующіе небесныя градусы) направляются въ подземный міръ. Начиная съ зимняго солнцестоянія дни становятся длиннѣе; дочери подземнаго міра направляются въ небесный міръ». То, что мы здѣсь переводимъ какъ «небесный» и «подземный міръ», служитъ также названіемъ для храмовъ обоихъ божествъ двойного города — Вавилона и Бороппы, соотвѣтствующихъ обѣимъ половинамъ года. 1-ое мая, какъ начало лѣта, является и въ другомъ дѣленіи, которое замѣнило счетъ по солнцестоянію счетомъ по равноденствію. Германской мифологіи извѣстно то же возрѣніе; божества свѣта, возвращающіяся въ царство Всеобщаго Отца, христіанское возрѣніе, какъ извѣстно, превратило въ послѣдствіи въ вѣдьмъ, которыя отправляются въ Вальпургіеву ночь на Брокенъ (гора, какъ мѣстопробываніе божества подземнаго міра, — міровая гора, см. стр. 102).

Признаніе пяти за число небеснаго міра и семи за число подземнаго міра объясняетъ, почему послѣднее было «дурнымъ» числомъ. Идея, которая встрѣчается, какъ извѣстно, на всемъ земномъ шарѣ, находитъ такимъ образомъ свое естественное объясненіе. При такомъ взаимоотношеніи идей само собою становится понятнымъ, что и, наоборотъ, «дурное» число легко дѣлается хорошимъ, «священнымъ». Это прежде всего должно случиться тамъ, гдѣ солнце играетъ главную роль, слѣдовательно, въ календарѣ, выдвигающемъ впередъ число семь. Это, какъ извѣстно, имѣетъ мѣсто въ нашей недѣлѣ, потому что она приурочена къ солнечному году, между тѣмъ какъ противоположная система должна была предпочитать пятидневную недѣлю (стр. 75). Можно было бы установить какъ основную мысль, что ученіе по лунѣ будетъ признавать число семь за дурное, а ученіе по солнцу — за благопріятное.

Въ Вавилоніи перевѣсъ беретъ счетъ по лунѣ, поэтому оттуда и могло, пожалуй, выйти представленіе о дурныхъ свойствахъ числа семи. Оно играетъ

большую роль и въ вавилонскомъ ученіи о богахъ. У насъ имѣются отрывки обширнаго произведенія, содержащаго формулы заклинаній, слѣдовательно, относящагося по существу къ области теологической медицины. Оно изучаетъ дѣятельность «семи злыхъ духовъ» и даетъ формулы, которыми можно предотвратить ихъ вліяніе. Такъ, все дурное, что можетъ случиться съ человѣкомъ, приписывается ихъ дѣйствію, они представители подземной силы, злого начала. Болѣзни и всякое несчастье происходятъ отъ нихъ, равно и бѣдствія въ природѣ. Такъ одинъ подробный отрывокъ рисуетъ ихъ вліяніе на небѣ и при этомъ даетъ цѣлый миѣ о мрачной дѣятельности этихъ силъ во время небеснаго бѣга звѣздъ. И опять-таки яснѣе всѣхъ указываетъ на ихъ дѣятельность луна, потому что она ежемѣсячно подвергается помраченію. Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ миѣ о померкнувшей и снова засіявшей лунѣ, освободившейся отъ власти мрака, побѣдившей эту власть, однимъ словомъ, о новолуніи. Событія эти совершаются каждый мѣсяцъ, но особенно торжественно празднуется появленіе новогодней луны, т.-е. весеннее новолуніе. И здѣсь, слѣдовательно, также играетъ роль представленіе о единствѣ обоихъ великихъ свѣтилъ, поскольку весна празднуется какъ начало новаго движенія солнца.

Этотъ миѣ можетъ уяснить представленіе о безтѣлесности божественныхъ силъ. Чтобы вполне понять его, нужно только вполне представлять себѣ эту мысль, а также знать при этомъ, какія явленія звѣзднаго неба соотвѣтствуютъ отдѣльнымъ силамъ. Луна и солнце суть свѣтъ и тѣма, небесный и подземный миръ; имъ присуща, а слѣдовательно, они и сами суть, та божественная сила, которая дѣйствуетъ въ пяти верхнихъ (лѣто) и семи нижнихъ (зима) знакахъ зодіака. Точно также та же сила дѣйствуетъ и въ каждомъ отдѣльномъ знакѣ зодіака, всякій изъ которыхъ образуетъ изъ себя одно цѣлое (двѣнадцать = годъ, каждый отдѣльный = мѣсяцъ, стало быть одну единицу!). Знакомъ начала года, по ученію Вавилона, съ

которымъ мы здѣсь и имѣемъ дѣло, былъ Телець (ср. ниже, стр. 97). И въ немъ—какъ и въ предѣлахъ каждаго круга, объгаемаго луной—дѣйствуютъ обѣ великія противоположныя силы, и поэтому и въ этомъ главенствующемъ изъ знаковъ зодіака находимъ мы ихъ представленными особо. Такъ, созвѣздіе Тельца распадается на двѣ главныя группы звѣздъ, ясно отдѣляющіяся другъ отъ друга, на Гіады и Плеяды. Изъ нихъ первыя лежатъ выше (слѣдовательно, по направленію къ Близнацамъ), вторыя ниже, слѣдовательно, по направленію къ Овну. Такимъ образомъ луна должна сначала пройти мимо Плеядъ, а потомъ мимо Гіадъ. Гіады—группа изъ пяти, а Плеяды—изъ семи звѣздъ; в е р х н я я изъ обѣихъ группъ имѣетъ, стало быть, число небснаго міра, н и ж н я я—число міра подземнаго, а обѣ вмѣстѣ составляютъ двѣнадцать. Такимъ образомъ каждый отдѣльный знакъ зодіака является копіей всего зодіака, какъ мѣсяць—копией года. Если же предположить встрѣчу луны и солнца въ началѣ знака зодіака,—что, слѣдовательно, образовало бы основное положеніе,—то луна окажется невидимой, и это будетъ имѣть мѣсто какъ разъ тогда, когда оба свѣтила стоятъ въ Плеядахъ. Затѣмъ она становится опять видимой, когда она двинется до Гіадъ. Такъ получается дальнѣйшая параллель: луна затемняется солнцемъ, какъ и Плеядами, они и являются подземной силой (т.-е. именно с и л о й затемняющей); она становится видимой въ Гіадахъ,—о н ѣ с у т ь свѣтлая сила. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если въ миѣѣ солнце, т.-е. затемняющее свѣтило, по преимуществу, выступаетъ еще особо рядомъ съ «семью», а эти послѣднія въ то же время являются уже семью знаками зодіака и т. д.

Начало миѣа отломано на глиняной таблицѣ. По-видимому, тамъ рассказывалось, что «семь злыхъ духовъ» возстали противъ правящихъ боговъ, особенно противъ Б е л а. Извѣстіе объ этомъ ему приносить гонецъ, который и говоритъ сначала, описывая ихъ и ихъ дѣяніе:

«То зимніе дни ¹⁾, то злые боги.
Неодолимые боги, родившіеся на небесной плотинѣ ²⁾.
Они-то приносятъ болѣзни,
Поддерживая зло, каждодневно злобно (замышляютъ, стараются)
Забросить петлю³⁾.
Изъ семи одинъ бурный (вихрь)...
Второй чудовище..., котораго никто (не можетъ побѣдить).
Третій пантера...
(Четвертый з)мѣя...
Пятый яростный А б б у...
Шестой бушующій..., который (яростно восстаетъ) противъ бога
и царя.

Седьмой злой вихрь, который...
Семеро ихъ, вѣстниковъ Ану, ихъ царя.
Во всѣ человѣческія жилища приносятъ они смятеніе.
Они—роковое облако, грозно движущееся по небу.
Они—шкваль разражающагося вѣтра, который въ яркій день
приноситъ мглу.

Съ непогодой, злымъ вѣтромъ, они являются.
Они—грозовой ливень Адада, великое опустошеніе войны.
Они выступаютъ съ правой стороны Адада,
Въ глубинѣ неба они сверкаютъ, какъ молнія.
Чтобы бросить петлю, выступаютъ они впередъ.
На широкомъ небѣ, обители царя Ану, стоятъ они враждебно,
никто не можетъ устоять передъ ними.

Когда Бель услышалъ это извѣстіе, то онъ размыслилъ про себя,
Съ За, великимъ совѣтникомъ боговъ, держалъ онъ совѣтъ.
Сина, Шамаша и Иштаръ ⁴⁾ они назначили управлять небесной
плотиной, вмѣстѣ съ Ану онъ поручилъ имъ господство
надъ всѣмъ небомъ, имъ, богамъ, своимъ дѣтямъ.

Отправлять тамъ службу неустанно день и ночь онъ повелѣлъ
имъ.

Когда же семеро, злые боги вступили на небесную плотину, они
съ насиліемъ стали впереди «свѣтила» Сина ⁵⁾.

Героя Шамаша, воителя Адада, сдѣлали они своими союзниками.
Иштаръ заняла свое великолѣпное жилище у царя Ану и помышляла стать царицей неба ⁶⁾.

¹⁾ Зимнее время = господство семи нижнихъ знаковъ зодіака.

²⁾ = зодіакъ; Плеяды относятся къ зодіаку — тоже семь знаковъ.

³⁾ = оплести болѣзнию.

⁴⁾ Ср. стр. 87.

⁵⁾ Т.-е. они затемняютъ луну, — какъ черныя стекла, поставленныя передъ нею.

⁶⁾ Ср. стр. 89.

Здѣсь недостаетъ 4-хъ стиховъ.

Когда же семеро...

Вначаль...

Навѣки его великолѣпныя уста...

Синь... родъ людской...

Дѣятельность страны... была опустошена, повергнута въ скорбь¹).

Свѣтъ его былъ омраченъ, на своемъ царскомъ сидѣньи онъ не сидѣлъ.

Злые боги, вѣстники царя Ану,

Которые поддерживаютъ зло... они угрожаютъ, зло замышляютъ.

Съ неба, какъ бурный вихрь, устрѣмляются они на страну.

Бель увидѣлъ затемненіе героя Сина,

Господь сказалъ своему слугѣ Нуску:

«Слуга мой Нуску, отнеси посланіе къ Океану²), извѣстіе о
сынѣ моемъ Синѣ, который одинокій затемненъ на небѣ,
сообщи это Эа въ Океанъ».

Нуску внялъ слову своего господина,

Къ Эа въ Океанъ отправился онъ.

Къ государю, великому совѣтнику, господину Эа понесъ Нуску
слово своего господина.

Эа въ Океанѣ услышалъ извѣстіе:

Губы свои закусили онъ, полною воплей былъ его ротъ.

Онъ сказалъ своему сыну Мардуку³) и далъ ему внять

слѣдующее слово: «Иди, сынъ мой, Мардукъ,

Къ государеву сыну «Свѣтилу» Сину, который одинокій затемненъ
на небѣ;

Его затменіе преврати въ свѣтъ.

Семеро, злые боги, непокорные,

Семеро, злые боги, которые являются какъ потокъ⁴), посѣщаютъ
страну

Передъ «Свѣтиломъ» Сина стали они съ насиліемъ,

Героя Шамаша и Адада храброго сдѣлали они своими союзниками.

Конецъ также отломанъ, тамъ сообщалось объ освобожденіи затемненной луны «спасителемъ» Мардукомъ. Цѣлое представляетъ собою часть заклинанія, которое должно устранить причиненное этими «семеро» несчастіе,—во всякомъ случаѣ болѣзнь высокопоставленной особы, какъ, напр. царя⁵).

¹) Миѣю о солнцѣ перенесенъ на луну: зимой природа мертва.

²) Къ Эа.

³) Онъ обычно является помощникомъ или спасителемъ (стр. 21). Онъ побѣдоносная сила свѣта, которая съ серповиднымъ мечомъ—вновь дѣлающейся видимой новой (вновь родившейся!) луной—умерщвляетъ мрачную силу, погубившую старую луну.

⁴) Господство «Семерыхъ» въ году заканчивается дождливое время, въ мировомъ круговоротѣ оно приноситъ потопъ (стр. 105, 113).

⁵) Царь, такимъ образомъ, являлся какъ бы въ видѣ угнетенной луны, которую нужно освободить.

ПЛАНЕТЫ—ПРАВИТЕЛИ.

Что солнце и луна являются главными объектами религии звѣздъ, это легко понятно. Но древне-восточное учение ставитъ рядомъ съ ними на равныхъ правахъ еще третій, планету Венеру. Она всегда изображается рядомъ съ ними, и указанный миеъ ясно гласитъ, что луна, солнце и Иштаръ (т.-е. Венера) поставлены были «управлять небесной плотиною¹⁾ (т.-е. зодіакомъ)». Основаніе для этого кроется, быть можетъ, въ томъ, что у Венеры (какъ внутренней, т.-е. лежащей ближе къ солнцу, чѣмъ земля, планеты) наблюдали тѣ же явленія, какъ и у луны, т.-е. четыре четверти. Поэтому эти три свѣтила суть три главные божества, изъ которыхъ каждое образуетъ въ себѣ цѣлое и каждое представляетъ цѣлое само по себѣ, — божество въ с о в е р ш е н н о й, хотя и различной формѣ проявленія. Они образуютъ тріединство, каждый членъ котораго представляетъ всевозможныя формы проявленія, цѣлую замкнутую сферу, становленіе изъ себя самого и возвращеніе въ себя для новаго возникновенія.

Это представленіе главнымъ образомъ взято отъ луны, увеличеніе и уменьшеніе которой до полного исчезновенія легко можно наблюдать. То же самое относится къ Венерѣ, по отношенію къ которой при болѣе тщательномъ наблюденіи это можно установить въ яс-

¹⁾ Выраженіе плотина обозначаетъ, какъ въ сѣверно-германской низменности, дорогу, которую прокладываютъ при помощи ея по болотистымъ мѣстностямъ. Въ Вавилонской низменности, плодородныя мѣста которой должны покрываться водой, дорогу можно строить лишь въ видѣ плотинъ. Часто для этого служатъ плотины каналовъ (которыя лежатъ в ы ш е, чѣмъ остальная страна).

номъ климатъ¹⁾. На солнце это переносится лишь при помощи основной идеи схемы, поскольку каждая сфера должна быть копией другой. Роль четырехъ четвертей здѣсь играютъ четыре положенія солнца въ различныя четверти года, начиная отъ зимняго стоянія: весеннее равноденствіе, лѣтнее солнцестояніе, осеннее равноденствіе, зимнее солнцестояніе. Солнце по существу никогда не «умираетъ»²⁾, такъ какъ оно всегда остается видимымъ. Лишь по аналогіи съ двумя другими, можно смотрѣть какъ на «смерть» на періодъ его самой слабой силы, когда оно пребываетъ въ тѣхъ знакахъ зодіака, которые представляютъ собою подземный міръ. Во всякомъ случаѣ это—ослабленіе его силы.

Вавилонская схема рассматриваетъ эти три свѣтила, какъ Луну—Отца, Солнце—Сына, Иштаръ—дочь и супругу, женское божество; и притомъ она является супругой какъ отца, такъ и сына (ср. стр. 104!).

Но въ отдѣльныхъ миѳологическихъ системахъ они могутъ мѣняться ролями, такъ какъ они всѣ однородны. Поэтому каждое изъ трехъ свѣтилъ можетъ выступать въ роли другого, но всюду они будутъ тогда играть соотвѣтствующія роли, такъ что всюду въ основаніи лежитъ та же с х е м а. Такъ, арабы и мексиканцы ставятъ во главѣ Венеру,—у нихъ поэтому солнце-женскій элементъ и т. д., и это можно легко найти въ миѳологіи всѣхъ народовъ.

Наряду съ этимъ,—какъ это дѣлаетъ библейское ученіе, не упоминаящее Венеры (лишь луна и солнце у п р а в л я ю т ъ смѣной дня и ночи),—Венера трактуется какъ простая планета. Такъ, напр., въ одномъ ассирійскомъ спискѣ планетъ она просто приводится на своемъ мѣстѣ послѣ Меркурія въ ряду другихъ пяти.

Такимъ образомъ, эти три свѣтила представляютъ три великихъ единства. Мы уже видѣли, что въ общемъ кругѣ лунѣ принадлежитъ точка Сѣвера или небснаго

¹⁾ Въ Месопотаміи 8 мѣсяцевъ въ году небо сплошь безоблачно.

Прим. перев.

²⁾ Sol invictus, непобѣдимое солнце называется оно въ культѣ Митры. Оно торжествуетъ надъ всѣми другими созвѣдіями.

міра, солнцу—точка Юга или подземнаго міра. Въ видѣ дополненія здѣсь выступаютъ четыре остальныхъ планеты, каждой изъ которыхъ принадлежитъ одна изъ четырехъ точекъ, или частей свѣта:

Сѣверъ, Марсъ.
Западъ, Юпитеръ. Востокъ, Меркурій.
Югъ, Сатурнъ.

Это болѣе древнее ученіе. Оно является какъ самое первоначальное, такъ какъ оно создано по однородному принципу. Четыре планеты слѣдуютъ,—начиная съ востока,—одна за другой по времени ихъ обращенія: начиная съ Меркурія, какъ ближайшаго къ солнцу (землѣ), и кончая Сатурномъ, какъ наиболее удаленнымъ. Само имя Меркурія, Нэбо, т.-е. Набу, «пророкъ», т.-е. провозвѣстникъ божественной воли, слѣдовательно, собственно «провозгласитель» или планета, указываетъ ему основное восточное положеніе, и многочисленныя указанія мифологіи доказываютъ правильность этого. Но ученіе Вавилона, болѣе молодое (стр. 20), перевернуло востокъ и западъ, и отводитъ своему главному богу Мардуку, какъ богу планеты Юпитеръ, основное восточное мѣсто, Меркурію же—западъ. Съ побѣдоноснымъ ученіемъ Вавилона это раздѣленіе проложило себѣ дорогу въ міръ¹⁾. На ряду съ вытѣсненнымъ болѣе древнимъ ученіемъ о главенствующемъ и направляющемъ положеніи точки сѣвера или юга, что и астрономически является болѣе вѣрнымъ, уже въ библейской древности сѣверъ представлялся лѣвой, а югъ—правой стороной, и слѣдовательно, основной направляющей точкой являлся востокъ, что удержалось и до нашего времени: наше выраженіе *о р і е н т и р о в а т ь с я* и выражаетъ—устанавливать направленіе, взявъ исходной точкой востокъ.

¹⁾ Сюда относится, напр., выступленіе Гермеса (соответствующій также образъ имѣется уже у египтянъ) въ качествѣ проводника мертвыхъ, отводящихъ души умершихъ въ подземный міръ. Онъ западное (осеннее) солнце и убывающая луна; онъ же Меркурій, вечерняя звѣзда, слѣдовательно, противоположность своему (древнѣйшему!) вавилонскому имени.

Въ виду этого вплоть до средних вѣковъ колебались между новымъ годомъ римскаго календаря и весеннiе новымъ годомъ (Пасхой). Точно такъ же, какъ дѣленiе года на 5 и 7 (стр. 81), и это счисленiе должно было явиться въ наши края другимъ болѣе древнимъ путемъ, чѣмъ счисленiе по римскому и христіанскому календарю. Напротивъ, нѣкоторые календари придерживались не направленiя на востокъ, а брали исходной точкой Набу-Меркурія и съ перемѣщенiемъ его на западъ перемѣстили также и направленiе, т.-е. приняли не «оріентировку», а «окцидентировку». Этому соотвѣтствуетъ въ такомъ случаѣ начало года осенью, какъ въ еврейскомъ календарѣ до плѣна, и начало дня вечеромъ (вмѣсто утра, какъ въ Вавилонѣ), какъ то принято у евреевъ и въ исламѣ и понынѣ (стр. 70).

Такъ какъ сѣверной и южной точкѣ принадлежатъ также луна и солнце, то они оба совпадаютъ съ Марсомъ и Сатурномъ. Вавилонское объясненiе ясно гласитъ: «Сатурнъ—солнечная планета», Марсъ, слѣдовательно, лунная планета.

Это объясняетъ основное воззрѣнiе астрологiи: Марсъ и Сатурнъ—несчастныя планеты, и притомъ Сатурнъ—худшая изъ обѣихъ. Марсъ=луна, т.-е. полная луна, при полнолунии же можетъ быть затменiе луны, а это обозначаетъ несчастиe. Сатурнъ=солнце или, такъ какъ не само небесное тѣло, а лишь его положенiе даетъ силу,=луна въ положенiи солнца, т.-е. новолунiе. При новолунiи можетъ быть затменiе солнца, и притомъ передъ омраченнымъ солнцемъ показывается омраченная (черная) луна, слѣдовательно, двойное несчастиe. Поэтому у Сатурнъ самый опасный. Такъ обѣ планеты выступаютъ въ роли, перенесенной на нихъ отъ обѣихъ великихъ звѣздъ, которымъ онѣ соотвѣтствуютъ. И какъ тѣ выбыли изъ строя вслѣдствiе затменiя, то и эти обѣ вычеркнуты въ пятеркѣ божествъ п е н т а г р а м м ы (стр. 76).

Возникаетъ, пожалуй, затрудненiе, какое мѣсто отвести при этомъ распредѣленiи самой яркой планетѣ, Венерѣ. Мексиканская астрономiя даетъ намъ отвѣтъ

и объясняетъ намъ при этомъ цѣлый рядъ свойствъ, приписываемыхъ Венерѣ въ мифологии Востока. Ей принадлежитъ пятое направление, т.-е. «верхъ». Это можетъ быть зенитъ, но такъ какъ онъ не имѣетъ въ астрономіи никакого значенія, то это объ «верхній» точки, играющія роль въ звѣздномъ небѣ: сѣверный полюсъ, на которомъ божество, верховный богъ, слѣдовательно, «богъ» вообще, имѣетъ свой тронъ, и соотвѣтствующая точка зодіака, сѣверный полюсъ эклиптики или точка лѣтняго солнцестоянія. Если въ основу берется счисленіе по Близнацамъ (стр. 98), то солнце при солнцестояніи вступаетъ въ знакъ Дѣвы. Это знакъ зодіака Иштаръ или Венеры. Такъ какъ она здѣсь ближе всего къ сѣверному полюсу, т.-е. къ мѣстопробыванію небснаго царя, то она является въ качествѣ «небснаго царицы»¹⁾, а также какъ не в ѣ с т а н е б а. Солнцестояніе—это праздникъ обрученія (стр. 99).

Зодіакъ—д о р о г а, по которой странствуютъ семь планетъ (стр. 87). Свой путь онъ совершаютъ семью кругами или семью различными уступами, образующими какъ бы конусъ или гору. Низшій, самый большой уступъ—это путь Сатурна, верхній, самый низкій—луны. Всѣ науки взяты отъ неба. Подраздѣленіе наукъ, которое удерживалось въ теченіе всего средневѣковья, это—подраздѣленіе на тривіумъ, т.-е. на т р е х п у т ь е, заключающее въ себѣ основныя, элементарныя знанія, и квадживіумъ, или ч е т ы р е х п у т ь е, представляющее высшія науки. Такимъ образомъ, это обозначеніе есть воспроизведеніе древняго воззрѣнія на зодіакъ, какъ на дорогу, и каждая наука приписывается одной изъ планетъ, такъ же, какъ дни недѣли.

Двѣ послѣднихъ или высшихъ науки въ квадживіумѣ, это—музыка и астрономія. Ученіе древности о «гармоніи сферъ» ясно указываетъ, на чѣмъ основана была теорія музыки, по которой нѣсколько тысячелѣтій слагалась поэзія звуковъ. Сферы—это семь путей планетъ, которыя при своемъ движеніи по зо-

¹⁾ Ср. мифъ на стр. 85: Иштаръ у него (у Ану, «небснаго царя») помышляла стать царицей неба.

діаку издають звуки. Семизвучная гамма восходить къ этому ученію ¹⁾). Пять полутоновъ, какъ извѣстно, прибавлены были лишь в послѣдствіи. Но при этомъ старая теорія сохраняла еще свою жизненность, такъ какъ въ основу положена была символика зодіака съ ея 5+7 (стр. 81). Крестъ (діэзъ), какъ знакъ повышенія является также воспоминаніемъ о его старомъ миеологическомъ или космологическомъ значеніи, покоющемся на движеніи звѣздъ. Въ миеологическомъ условномъ языкѣ онъ всегда является какъ знакъ «возвышенія», такъ что даже о казни говорится какъ о «поднятій на крестъ». То же выраженіе встрѣчается въ сказкахъ Гримма. Извѣстно также, какъ въ исторіи о Иосифѣ это выраженіе обращено въ и гру словъ (излюбленный въ восточномъ повѣствованіи литературный оборотъ): «Фараонъ подниметъ твою голову надъ тобой ²⁾» (т.-е. выше, чѣмъ ты былъ) и повѣситъ тебя на древо». Древнее вавилонское звѣздное небо опять предлагаетъ намъ астральное объясненіе. Въ то время, когда равноденствіе приходилось въ созвѣздіи Близначевъ (стр. 98), самое яркое созвѣздіе южнаго неба, Крестъ, видимо было на вавилонскомъ небѣ, а ко времени солнцестоянія оно заходило. Солнцестояніе и новолуніе суть завершеніе пути. Поэтому и крестъ является знакомъ законченности. Въ древнихъ документахъ его ставили вмѣсто имени, чтобы показать, что сочиненіе закончено. Письменный знакъ, послѣдній въ письменной азбукѣ, есть крестъ и называется «окончаніе, конецъ», т.-е. там, или въ вавилонскомъ произношеніи (принятомъ также и у евреевъ) taw. Съ этимъ связано то, что въ миеѣ богъ

¹⁾ Напоминаемъ снова, что мы представляемъ лишь систематизированіе этихъ воззрѣній, а не изслѣдуемъ истинности ихъ содержанія. Какую большую роль играетъ въ музыкѣ привычка, т.-е. то, что воспитано теоріями и ихъ выполненіемъ, извѣстно всякому, знакомому съ исторіей новѣйшей музыки, и особенно тому, кто слышалъ музыку другихъ культуръ, чѣмъ наша, напр., различныхъ восточныхъ. Объ эти музыки столь же понятны другъ другу, какъ два различныхъ языка.

²⁾ У Лютера правильно переведено; новые толкователи дѣлаютъ изъ этого «отсѣченіе главы».

года въ концѣ своего пути оказывается «повѣщеннымъ на крестъ».

Если взглянуть на наименованіе музыкальныхъ тоновъ, то мы увидимъ, что этимъ музыкальнымъ обозначеніямъ знакомо было еще одно явленіе, которое встрѣчается намъ и въ наименованіи мѣсяцевъ и которое вытекаетъ изъ различныхъ календарныхъ численной «космическаго вѣка»:

c d e f g a h; между a и h лежитъ b.

b—знакъ пониженія, поэтому оно поставлено на полтона ниже. Такимъ образомъ собственно получился бы такой рядъ:

c d e f g a b.

Тогда получается: a b перешли на конецъ, между тѣмъ какъ они должны были стоять въ началѣ и вмѣсто b поставлено слѣдующее за g въ современномъ порядкѣ буквъ h. Всѣ двѣнадцать тоновъ вмѣстѣ даютъ картину зодіака. Мы увидимъ, что тамъ оба послѣднихъ знака зодіака заняли въ годовомъ кругѣ первое мѣсто, между тѣмъ, какъ при счисленіи по космическимъ вѣкамъ наблюдается обратное (стр. 98).

Слѣдуетъ также замѣтить, что пять полутоновъ относительно семи низшихъ лежатъ наверху,—дуга небснаго міра составляетъ 5 (стр. 82). Примѣръ для наблюденія астральной теоріи: до реформы Палестрины употребленіе септими (=тона Венеры, какъ пятница—день Венеры!) въ церковной музыкѣ было запрещено!

И живопись, какъ и музыка, строитъ свою теорію на семи планетахъ. Каждая имѣетъ своей цвѣтъ, взятый не отъ ея вѣшняго вида, но приписываемый ей на основаніи ея «божественнаго» дѣйствія. Онѣ переданы намъ въ различныхъ преданіяхъ: Сатурнъ—черный, Юпитеръ—желтый, Марсъ—красный, Солнце—пурпуровое (?; нѣтъ указаній; но—какъ металлъ: золото), Венера—бѣлая, Меркурій—синій, Луна—зеленая (металлъ: серебро).

Относительно нѣкоторыхъ можно указать и основаніе или одно изъ основаній опредѣленія цвѣтовъ:

Сатурнъ—черный, потому что онъ солнечная планета, т.-е. затмевающее созвѣздіе, ему принадлежитъ полуночное положеніе; луна въ положеніи Сатурна (у солнца) есть новолуніе, т.-е. черная. Луна—образъ жизни природы, замирающаго и вѣчно возобновляющагося роста растений, поэтому она зеленая.

Не менѣе руководящую роль, чѣмъ въ области слуха и музыки, играетъ также и въ области зрѣнія, т.-е. въ живописи, привычка видѣть. Если въ вавилонскомъ искусствѣ бороды изображались синими, то это покоилось на теоріяхъ. Рыцарь Синяя борода тоже восходитъ къ этому же возрѣнію, и сказка въ своихъ различныхъ развѣтвленіяхъ даетъ возможность ясно замѣтить мистическія черты, объясняющія это. Сказка основывается на мифѣ о лунѣ, а лунный богъ имѣетъ у вавилонянъ бороду изъ ляписъ-лазури, т.-е. онъ изображается съ таковою!—Современный человѣкъ при классификаціи цвѣтовъ по планетамъ и ихъ отношенію къ семи уступамъ зодіака невольно думаетъ о спектральномъ анализѣ или же о... радугѣ. На самомъ дѣлѣ, послѣдняя кажется древнему Востоку, отраженіемъ зодіака, какъ бы зодіакомъ въ краскахъ, поэтому они оба при случаѣ мѣняются ролями.

Такъ, послѣ потопа радуга была поставлена на облакахъ, какъ знакъ, что не будетъ больше новаго потопа. При сотвореніи же міра былъ воздвигнутъ зодіакъ, чтобы раздѣлить верхнюю и нижнюю половину разсѣченного хаоса и помѣщать воссоединенію ихъ водъ. Онъ—твердая дорога, насыпь, ведущая черезъ болото (стр. 87)—и тѣмъ самымъ онъ мѣшаетъ новому господству первобытнаго потопа. Радуга, какъ его подобіе, напоминаніе лишь о его назначеніи, поэтому она поставлена «для напоминанія». По зодіаку боги странствуютъ до верхней части неба, до сѣвернаго неба, гдѣ обитель боговъ. И германскіе боги идутъ въ Валгаллу по мосту Бифростъ, который представляется въ видѣ радуги: вторая же часть его имени (Rost=рѣшетка) служитъ выраженіемъ для способа постройки вавилонской «плотины» или дороги, такъ какъ она дѣ-

лалась изъ камышей («бревень» вѣдь не имѣлось въ бѣдной лѣсомъ странѣ) и земли.

Употребленіе опредѣленныхъ цвѣтовъ въ одеждѣ стоитъ въ связи съ этой символикой. Черный цвѣтъ,— на Востокѣ также синій (Меркурій=западъ! Гермесъ сопровождаетъ мертвыхъ въ подземный міръ),— какъ цвѣтъ траура, зеленый, какъ цвѣтъ надежды, вѣчно обновляющейся жизни, бѣлый—цвѣтъ царицы неба, одежда невѣсты, его носить и представитель «Св. Дѣвы» на землѣ, папа. Такимъ образомъ, бѣлый цвѣтъ—это «высшій», такъ какъ Дѣва первоначально обозначала высшую точку солнечнаго пути (стр. 91). Цвѣта партій въ византійскомъ циркѣ, употреблявшіеся какъ политическіе отличительные знаки (ср. стр. 141), въ преданіи ясно указаны, какъ цвѣта планетъ; въ этомъ своемъ значеніи они были извѣстны еще во время Юстиніана, въ 6-мъ вѣкѣ по Р. Х., и сознательно выбирались по значенію планетъ. Наконецъ, и понынѣ существующій обычай носить «цвѣта» при конскихъ состязаніяхъ, является безсознательнымъ остаткомъ древности. Если бы подтвердилось предположеніе, что пурпуръ—цвѣтъ солнца, то его, какъ царскій цвѣтъ, можно было бы объяснить изъ главенствующей роли солнца, въ которой оно выступило впоследствии относительно луны.

ДРЕВНОСТЬ СИСТЕМЫ.

Порядокъ перечисленія знаковъ зодіака, обычный и понынѣ, дошелъ до насъ отъ глубокой древности и продолжаетъ удерживаться еще въ употребленіи, хотя теперь онъ уже и не вѣренъ. Здѣсь прежде всего предполагается порядокъ счисленія лѣтъ по равноденствіямъ, т.-е. годовой порядокъ Вавилона, чѣмъ объясняется и связь праздниковъ христіанской Пасхи съ вавилонскимъ Новымъ Годомъ: въ соотвѣтствіи съ нашимъ календаремъ мы должны были бы начать счетъ съ знака зимняго солнцестоянія (Козерога). Но и въ такомъ случаѣ этотъ порядокъ давно уже не вѣренъ. Точка равноденствія, т.-е. точка пресѣченія экватора и эклиптики (пути движенія солнца) теперь лежитъ уже не въ знакѣ Овна, но въ предыдущемъ знакѣ Рыбъ (въ послѣднемъ). Именно, она передвигается постепенно по всей эклиптикѣ (что вызывается измѣняющимся наклоненіемъ земной оси) и совершаетъ весь этотъ круговоротъ въ 26000 лѣтъ; слѣдовательно, въ отдѣльныхъ знакахъ зодіака она остается около 2200 лѣтъ или въ каждомъ градусѣ 72 года. Это передвиженіе называютъ предвареніемъ (precession) равноденствія¹⁾. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ каждыя 2200 лѣтъ нужно измѣнять календарь и счетъ времени, основывающіеся на дѣленіи зодіака на двѣнадцать частей.

¹⁾ Оно происходитъ въ направленіи, обратномъ (кажущемуся) движенію солнца, слѣдовательно, въ обратномъ порядкѣ знаковъ зодіака, какъ д н е в н о е движеніе солнца отъ востока къ западу.

Обычно, такія измѣненія предпринимаются лишь тогда, когда несоотвѣтствіе становится чрезчуръ кричащимъ, и греко-каволическій (русскій) календарь, ошибающійся на цѣлыхъ 13 дней, можетъ служить тому прямымъ доказательствомъ. Точно также и въ древнемъ мірѣ предпринимались соотвѣтствующія реформы лишь тогда, когда равноденственная точка давно уже передвинулась впередъ отъ исходной точки даннаго знака зодіака.

Мы знаемъ опредѣленно одинъ случай такого исправленія, а именно—введеніе счета по О в н у, который съ тѣхъ поръ и остался общеупотребительнымъ. Это произошло въ правленіе царя вавилонскаго Набонасара (745—735). Фактическое передвиженіе произошло гораздо раньше, но это не представляетъ для насъ здѣсь большого интереса. Календарная реформа Набонасара была принята за образецъ и немедленно воспроизведена всѣмъ Востокомъ, несмотря на то, что Вавилонъ въ то время не имѣлъ никакого политическаго значенія (стр. 30). Болѣе же 2000 лѣтъ (или еще дольше) до того считали по Т е л ь ц у. Но Телець—священное животное Мардука, бога Вавилона (ср. также египетскаго А п и с а). Съ началомъ же этого счета мы поэтому подходимъ къ началу исторіи вообще и ко времени основанія Вавилона. Такимъ образомъ, новая столица была сознательно основана съ намѣреніемъ отвести надлежащее мѣсто культу новаго вѣка,—само небо такъ предписало, и даже имя Бабъ-иль, т.-е. Ворота Эля («верховнаго бога») должно было указывать на этотъ городъ, какъ на земное соотвѣтствіе небесной точки, откуда богъ предпринимаетъ свои путешествія, какъ правитель міра. (Ворота дворца—мѣсто, гдѣ царь отправляетъ правосудіе, какъ у городскихъ воротъ сходятся для вершенія общихъ дѣлъ собранія горожанъ.) Въ роли, которую игралъ Вавилонъ, находитъ свое живое выраженіе вліяніе древнихъ космическихъ воззрѣній. Весьма поучительна была бы проблема взвѣсить, насколько въ данномъ случаѣ сами матеріальныя отношенія, которыми современный человѣкъ прежде всего склоненъ объяснить такой расцвѣтъ, о-

условливались чисто духовными вліяніями или дѣйствовали совмѣстно съ ними.

Вѣкъ Тельца—вотъ ученіе Вавилона. Фактически онъ, какъ и вѣкъ Овна, начался раньше, чѣмъ новое ученіе признало его. Это естественное перемѣщеніе равноденственной точки въ знакъ Тельца произошло уже задолго до 3000 г. до Р. Х. Но мы вѣдь уже уяснили себѣ, что зачатки культуры и вся законченная въ себѣ формулировка системы астрального міровоззрѣнія является какъ бы чѣмъ-то пережитымъ въ началѣ доступнаго нашему историческому познанію періода (стр. 13). Слѣдовательно, она должна была уже возникнуть въ предыдущемъ вѣкѣ, когда равноденствіе находилось въ знакѣ Близнацовъ, т.-е. восходить, по крайней мѣрѣ, къ 5—6-му тысячелѣтіямъ до Р. Х.

Однако у насъ имѣется и помимо того множество признаковъ, сохранившихъ воспоминанія объ этомъ времени и доказывающихъ, что система имѣетъ предпосылкой счетъ по Близнацамъ. Чтобы вполне оцѣнить это по достоинству, нужно еще разъ ясно представить себѣ, какъ въ такихъ календарныхъ ученіяхъ выражается все ученіе о богахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ идея всепроникающей закономерности всѣхъ человѣческихъ отношеній.

Мѣсяць Близнацовъ—по счету Овна третій послѣ равноденствія и соотвѣтствуетъ, слѣдовательно, нашему июню. Это мѣсяць Сиванъ нововавилонскаго календаря, посвященный лунному богу, т.-е. отцу боговъ. Обѣ формы проявленія этого бога, какъ луна убывающая и прибывающая, или какъ полнолуніе и новолуніе (послѣднее также=солнце), вполне выразительно и опредѣляются какъ «Близнацы» (Касторъ и Поллуксъ). Намъ уже ясно, что это обозначаетъ, такъ какъ мы знаемъ, что обѣ группы Тельца въ своемъ родѣ также обозначаютъ луну и солнце (послѣднее опять=новолуніе). Такимъ образомъ при этомъ уравниеніи мы находимъ въ Близнацахъ какъ разъ ту же самую идею, и вслѣдствіе этого они и отмѣчаются начальнымъ знакомъ годового круга, знакомъ равноденствія, или

весны. Слѣдовательно, мѣсяць Сиванъ былъ нѣкогда первымъ мѣсяцемъ года и лишь въ результатѣ двухкратнаго перемѣщенія отодвинуть былъ на третье мѣсто. Римскій календарь называетъ свой первый мѣсяць Янв ар ь по имени Януса, луннаго бога или јапа—луна. Двукратный Янусъ, какъ изображеніе обращенныхъ въ разныя стороны половинокъ луны, уже встрѣчается также въ качествѣ знака Б л и з н е ц о в ъ и въ древне-вавилонскихъ представленіяхъ. Но затѣмъ римскій календарь показываетъ счетомъ мѣсяцевъ отъ Quinctilis'a до Декабря (стр. 67), что изъ числа двѣнадцати два мѣсяца перешли отъ конца къ началу,—совершенно такъ же, какъ оба знака зодіака Телець и Овнъ. Такимъ образомъ, это счисленіе сохранило счетъ по Близнецамъ, тогда какъ, соотвѣтственно времени календаря, мѣсто мѣсяцевъ, естественно, основывается на счетѣ по Овну (ср. также гамму тоновъ, стр. 92).

Въ Вавилонѣ коронованіе царя происходило въ день Новаго года. По счету Овна это мѣсяць Нисанъ (апрѣль). Такъ какъ царь получаетъ свое достоинство отъ бога Мардука, представителемъ котораго на землѣ онъ считается, то, понятно, празднованіе Новаго года должно было въ вѣкъ Тельца происходить также въ мѣсяць Тельца, потому что Телець—животное Мардука (стр. 97). Слѣдовательно, по счету Овна это второй мѣсяць, мѣсяць Истаръ. Въ этотъ мѣсяць происходило коронованіе царя въ Ассиріи, сохранившей, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи счетъ по Тельцу.

Въ теченіе зимы солнце находится въ водной области зодіака (Водолей, Рыбы, стр. 103). Въ противоположной точкѣ, т. е. при лѣтнемъ солнцестояніи, оно, по вавилонскому воззрѣнію соприкасается съ о б л а с т ь ю о г н я. Водная область легко объясняется картиной міра, заключающей въ себѣ на югѣ міровой океанъ, а также господствующимъ зимой періодомъ дождей. Область огня находитъ свое, данное во многочисленныхъ мифахъ, объясненіе въ хорошо извѣстномъ явленіи звѣзднаго неба. Звѣздный дождь П е р с е и д о в ъ, падающій теперь около 12-го августа, при

счетъ по Близнецамъ приходится приблизительно во время лѣтняго солнцестоянія. Въ странахъ съ яснымъ небомъ получается зрѣлище огненныхъ камней, падающихъ съ неба. Огненный дождь или дождь огненныхъ камней является поэтому въ мифахъ и легендахъ мотивомъ лѣтняго солнцестоянія, покоющимся, слѣдовательно, еще на счетъ по Близнецамъ.

Но объясняемое этимъ представленіе о прохожденіи черезъ область огня осталось связаннымъ съ лѣтнимъ солнцестояніемъ. Вотъ почему горять огни И в а н о в о й н о ч и, и помолвленные прыгаютъ черезъ нихъ. Ибо при солнцестояніи происходитъ обрученіе небесныхъ жениха и невѣсты—луны и солнца (стр. 145). Очень часто «Близнецовъ» изображаютъ въ видѣ двухъ козь или газелей, которыя, стало быть, въ вѣкъ Близнецовъ были, вѣроятно, священными животными весенняго бога. Германская мифологія сохранила еще это по отношенію къ своему весеннему богу Тору *). У него два священныхъ козла. Изъ нихъ одинъ х р о м а е т ь, — часто повторяющійся мотивъ фазъ луны (половина луны), съ которымъ мы снова встрѣтимся въ дѣтскихъ играхъ весны или Вознесенія (стр. 142). Въ Египтѣ, въ области газели, чтили бога Хорсафа, «лѣвый глазъ котораго луна, правый глазъ котораго—солнце» (слѣдуетъ замѣтить восточное направленіе ориентировки, стр. 89).

Изъ предположенія этого равноденствія для насъ уже выяснилось также значеніе знака Дѣвы (стр. 90) и креста (стр. 91). Близнецы или Діоскуры начинали, слѣдовательно, годовой кругъ своимъ мѣсяцемъ. Поэтому и легенда о Діоскурахъ въ легендарномъ покровѣ первобытныхъ временъ является большей частью начальной легендой новой эпохи развитія, которая именно этимъ и характеризуется, какъ таковая: какъ новый періодъ времени. Это—легенда о двухъ братьяхъ, одинъ изъ которыхъ безсмертенъ, которые не могутъ быть соединены болѣе, чѣмъ на одну ночь, и изъ которыхъ

¹⁾ Поэтому весеннее пиво—Торъ любить-таки пиво!—называется козлинымъ пивомъ (Bockbier). Вавилонскій эпосъ о твореніи говоритъ о собраніи боговъ на большое пиршество въ праздникъ весны.

одинъ приносить смерть другому. Это—отношеніе луны и солнца или обѣихъ формъ луны, свѣтлой и темной. Такъ, библейская исторія начинается съ Каина и Авеля, римская съ Ромула и Рема (ср. Бальдеръ и Хедуръ).

Такъ приводятъ насъ эти остатки древняго способа счета времени къ первому періоду его господства и показываютъ намъ, какъ давно система дѣйствовала уже готовой и законченной. Вопросъ о ея возникновеніи этимъ не рѣшается, и мы съ самаго начала предпочли отъ него отказаться. Но одно только для насъ должно стать яснымъ, что здѣсь передъ нами проблема, которая вынуждаетъ взглянуть подъ другимъ угломъ зрѣнія, чѣмъ до сихъ поръ, на исторію возникновенія нашего духовнаго міра (стр. 58).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МІРА.

Міровоззрѣніе, охватывающее единымъ, математически опредѣленнымъ закономъ в сѣ вещи, самыя большія какъ и самыя малыя, самыя близкія, какъ и самыя далекія,—это міровоззрѣніе распространяется и на сверхчувственные или неподдающіяся непосредственному наблюденію вещи. У него есть опредѣленная основная идея, согласно которой оно принуждено представлять себѣ ихъ, и имѣющіе для нихъ значеніе законы оно вычитываетъ всюду, гдѣ только эти законы находятъ явленными: въ видимой вселенной, прежде всего опять-таки въ зодіакѣ.

Какъ дѣленіе его на семь круговъ (стр. 91) послужило прообразомъ для географическаго дѣленія земли на семь климатическихъ поясовъ, точно также изъ него и его семи планетъ-правительницъ вытекаетъ и рѣшеніе вопроса о сотвореніи этого міра. Послѣднее, въ собственно вавилонской передачѣ, имѣется у насъ пока только въ миѳологическомъ, по преимуществу, одѣянніи, хотя одно изъ двухъ дошедшихъ до насъ преданій и приближается отчасти по формѣ къ дидактической поэмѣ, сохраняя миѳологическое облаченіе лишь въ названіи отдѣльныхъ частей свѣта или міровъ. Другое преданіе напротивъ сохранило свой чисто эпическій характеръ и рисуетъ происхождение міра, какъ борьбу различныхъ небесныхъ силъ или боговъ.

Эпосъ начинается такъ:

Когда вверху неба еще не было,
И внизу еще не существовало земли,
А Апсу и правящій рядомъ съ ними родитель ихъ

Мумму, (и) Тіамать, мать всѣхъ ихъ,
Смѣшивали свои воды во-едино,
Когда еще не сдѣлана была плетенка изъ камышей ¹⁾, и не выросла еще камышевая чаша ²⁾
Когда изъ боговъ еще не былъ сотворенъ ни единый,
Ни одно существо еще не жило, ни одна судьба ³⁾ еще не была
опредѣлена,

Тогда появились боги...
Лухму и Лахаму явились...
Много вѣковъ протекло...
Явились Аншаръ и Кишаръ...

Дальше текстъ изуродованъ. Появились три бога Ану, Бель и Эа, противъ которыхъ возстали тогда старья божества Хаоса подъ предводительствомъ Тіамать.

Зодіакъ, какъ твердая часть небснаго свода, раздѣляетъ его сѣверную и южную часть, такъ что эти три части являются отраженіями трехъ божествъ: Ану (Сѣверное небо, воздушное пространство), Бель (зодіакъ, земное пространство), Эа или Аэ (южное небо, водное пространство). Зодіакъ имѣетъ свои семь уступовъ, какъ земное пространство свои семь климатическихъ поясовъ. Движеніе созвѣздій по зодіаку показываетъ, что каждое выходитъ изъ «ничто» или исчезновенія, чтобы совершить одинаковый кругооборотъ. У луны это—исчезновеніе во мракъ, у солнца—борьба съ «водной глубиной», въ область которой оно вступаетъ зимою (стр. 99). Противоположная точка приноситъ борьбу съ огнемъ при лѣтнемъ солнцестояніи. Луна и солнце даютъ самыя важныя откровенія, поэтому и міровая борьба, ведущая къ раздѣленію обоихъ свѣтилъ, мыслится борьбою между свѣтомъ и тьмой, безжизненностью и жизнью (духомъ), воздухомъ или огнемъ и водою. Первоначально луна и солнце соединены въ

¹⁾ Какъ основа твердой почвы, ср. стр. 94, земля создана какъ таковая; подобно тому, какъ небсная плотина, зодіакъ, раздѣляетъ воды первобытнаго хаоса, такъ и земля, какъ подобіе его и какъ плотина, раздѣляетъ небсныя и нижнія воды.

²⁾ Которая должна доставлять матеріаль для камышевой плетенки, являющейся остовомъ земли.

³⁾ Не установлено было, что должно происходить во вселенной, ни одинъ богъ еще не управлялъ, и не существовало еще никакого мірового порядка.

хаосъ и думаютъ навсегда соединиться въ вѣчномъ круговращеніи, но при этомъ вѣчно возобновляющаяся борьба ведетъ ихъ къ все высшимъ и высшимъ формамъ бытія. Такъ и уступы зодіака являются въ видѣ все болѣе узкихъ и поэтому вышележащихъ круговъ, которые ведутъ къ подножію трона божества, обитающаго наверху въ сѣверномъ небѣ. Вначалѣ былъ хаосъ, называвшійся «Океанъ» (мужскаго пола) и «Море» (женскаго пола) (Апсу и Тіамать). Хаосъ недоступенъ чувствамъ, т.-е. онъ внѣ времени и пространства. Сынъ обоихъ—Мумму, по выразительному объясненію «доступный чувствамъ міръ», т.-е. міръ уже воспринимаемый во времени и пространствѣ. Мумму ихъ сынъ, живущій вмѣстѣ съ ними обоими, становится между ними и раздѣляетъ ихъ,—совершенно такъ же, какъ зодіакъ раздѣляетъ сѣверное и южное небо. Затѣмъ онъ порождаетъ со своею матерью ¹⁾ Тіамать новое «поколѣніе», т.-е. новую форму міра. Изъ нея рождается третья, а изъ этой—міръ Ану, Бела и Эа, т.-е. тотъ міръ, который представленъ нашимъ небомъ неподвижныхъ звѣздъ и всѣмъ, въ немъ заключающимся, т.-е. нашъ собственный міръ. Но сначала этотъ послѣдній еще не управляетъ имъ и не направляетъ его по опредѣленнымъ законамъ. Это достигается лишь дальнѣйшей борьбой подземныхъ и небесныхъ силъ, или дальнѣйшими круговращеніями, приводящими ихъ въ соприкосновеніе съ нижними и верхними половинами болѣе отдаленныхъ міровъ, совершенно такъ, какъ это показываетъ каждый кругооборотъ луны, солнца и планетъ. Поэтому этотъ новый міръ пріобрѣтаетъ свой обликъ, другими словами, получаетъ свое дальнѣйшее устройство, въ результатѣ борьбы съ Тіамать. Послѣдняя возстала противъ новыхъ боговъ, она угрожаетъ новой

¹⁾ У насъ есть данныя, что въ Южной Аравіи, гдѣ господствовала опредѣленная форма полиандріи, отецъ и старшій сынъ имѣли одну жену, а остальные сыновья имѣли каждое двое общую жену. Ср. относительно брака съ матерью въ исторически засвидѣтельствованныхъ случаяхъ ниже стр. 135 и схему трехъ божествъ стр. 88.

вселенной, хочеть проглотить ее, т.-е. подобно тому, какъ солнце, достигнувъ своей высшей точки, въ своемъ круговращеніи спускается къ зимней области зодіака, къ водной области Эа, такъ и весь существующій до тѣхъ поръ Космосъ долженъ въ соотвѣтствующемъ круговращеніи притти въ область окружающаго его воднаго пространства, первобытныхъ началъ Апсу и Тіамать. Боги уже начинаютъ падать духомъ, когда сынъ Эа Мардукъ выступаетъ въ роли Спасителя. Онъ одерживаетъ побѣду, разсѣкаетъ чудовище Тіамать (какъ нѣкогда Мумму разсѣкъ хаосъ) и изъ его тѣла строитъ вселенную, раздѣливъ обѣ половины «небесной плотиной», зодіакомъ. Затѣмъ онъ устраиваетъ остальную міръ, создаетъ большія созвѣздія, людей на землѣ, растенія и т. д. До тѣхъ поръ все, какъ мы бы сказали, возникало изъ внутренней производящей силы элементовъ. Ибо «боги» не что иное, какъ мифологическое выраженіе. Лишь теперъ при устройствѣ нашей вселенной выступаетъ на сцену дѣятельность творящаго бога. Появленіе Мардука въ этой роли доказываетъ, что передъ нами космогоническій эпосъ самаго Вавилона, при чемъ слѣдуетъ снова вспомнить тѣ обстоятельства, при которыхъ вавилонское ученіе приобрѣло всеобщее значеніе (стр. 20).

Подобно тому, какъ созвѣздія послѣ cadaго кругооборота начинаютъ новый, и какъ изъ каждой умершей луны возникаетъ новая, такъ происходитъ и съ отдѣльными мірами: изъ законченнаго кругооборота одного міра возникаетъ міръ новый. Такимъ образомъ, сотвореніе міра есть кругооборотъ, міръ—это *universum*, т.-е. кругооборотъ.

Первый возникшій «міръ»—это Мумму, міръ, развернувшій время и пространство. Такимъ образомъ, познаны были предпосылки всякаго тѣлеснаго существованія—пространство и время. Здѣсь находитъ себѣ выраженіе не примитивное мышленіе, а высшее философское созерцаніе. Если поэтому мы найдемъ и у другихъ народовъ подобное же представленіе, то на него придется смотрѣть какъ на заимствованное. Понятіе Мумму объясняется далѣе, какъ «міръ, до-

ступный чувствамъ и представленіямъ», т.-е. міръ, заключающійся во времени и пространствѣ, какъ необходимыхъ условійхъ человѣческаго представленія. То, что было до того, было внѣ времени и пространства,—вѣчно, изначально, хаосъ или первобытная матерія. Выраженіе *timmi* обозначаетъ нѣчто въ родѣ «разума» и «знанія», чѣмъ именно и объясняется употребленіе его въ ученіи о происхожденіи міра. Легко можно узнать здѣсь столь трудный для перевода Логосъ евангелія отъ Іоанна (въ современныхъ переводахъ: «Слово»), который былъ «вначалѣ». Совершенно также изъ корня *alam*, «знать», образовано въ еврейскомъ языкѣ слово *olam*, обозначающее «вѣчность», т.-е. изначальное время, первое существованіе во времени, а въ арабскомъ языкѣ *alam*, «міръ», т.-е. космосъ, соотвѣтствующій, слѣдовательно, *timmi*. Въ вавилонскомъ языкѣ *bet timmi*, которое, вѣроятно, можно перевести какъ «домъ знанія», служитъ выраженіемъ для того, что мы назвали бы академіей или университетомъ. Наименованіе «университетъ» (*universitas litterarum*) первоначально обозначало не учрежденіе, обнимающее совокупность наукъ, а государство, замкнутое цѣлое, существующее само по себѣ въ государствѣ или въ мірѣ. Въ основѣ лежитъ древневосточное представленіе о всеобщемъ и взаимномъ отраженіи, по которому и государство или страна является подобіемъ міра. Первый возникшій міръ—это міръ Логоса или *timmi*, знанія, познанія. Память объ этомъ сохранялась, слѣдовательно, вплоть до средневѣковаго наименованія у н и в е р с и т е т ѣ. Какъ наука также получила потомъ свою классификацію отъ образа міра, мы уже видѣли раньше (стр. 91).

Стоитъ только просмотрѣть космологію, ученія о происхожденіи міра у различныхъ народовъ, чтобы всюду найти одинаковыя до мельчайшихъ подробностей воззрѣнія. Это сходство часто доходитъ до почти буквального совпаденія употребленныхъ въ р а ж е н і й. Древне-германская вессобруннская молитва начинается такъ, что ее можно было бы принять за переводъ вави-

лонской дидактической поэмы о сотвореніи міра. Пытались объяснить это, заимствованіемъ отъ б и б л е й с к а г о образца (Бытія 1). Но послѣдній самъ отстоитъ отъ вавилонскаго дальше, хотя и повторяетъ то же ученіе, какъ и другіе. Одна уже форма показываетъ, что древне-германское изображеніе не можетъ вытекать изъ библейскаго, если сопоставить ихъ съ вавилонскимъ:

«Это я узналъ среди людей	какъ величайшее изъ чудесъ,
что не было еще земли, ни	
	неба,
не было ни дерева, ни горы	ни одного единого ручья,
ни солнце еще не сіяло,	
ни луна еще не свѣтила	ни великолѣпное море,
такъ какъ здѣсь не было ника-	
кихъ концовъ	ни поворотовъ ¹⁾ и т. д.

У насъ есть описаніе финикійскаго ученія о мірѣ. Мы знаемъ, что оно м о ж е т ъ быть лишь выраженіемъ тѣхъ же воззрѣній (стр. 13), и что особой финикійской науки, въ смыслѣ самостоятельнаго развитія ея, не существовало. Оно дошло до насъ лишь въ болѣе поздней передачѣ, на греческомъ языкѣ и съ извѣстной философской оболочкой вмѣсто древневавилонской миеологической. И несмотря на то, это описаніе тотчасъ же обнаруживаетъ полное совпаденіе: «Вначалѣ былъ м у т н ы й, т е м н ы й хаосъ, безъ пространственныхъ границъ, и вѣчный Духъ (т.-е. Мумму) возгорѣлся любовью къ своимъ собственнымъ предкамъ (слѣдовательно, онъ также произошелъ отъ обѣихъ половинокъ хаоса, какъ и Мумму, и порождаетъ съ ними, т.-е. съ матерью, новый міръ) и послѣ того, какъ онъ съ ними соединился, родилась отсюда любовь. Это было начало происхожденія всѣхъ міровъ».

Возьмемъ примѣръ изъ болѣе отдаленнаго міра. Таоизмъ, китайское ученіе о Лаотсе (въ 6 вѣкѣ до Р. Х.) обнаруживаетъ точное совпаденіе въ ученіи о происхожденіи вещей съ Логосомъ эллинизма,—онъ лишь го-

¹⁾ т.-е. границъ. Здѣсь лежитъ въ основаніи воззрѣніе на солнцестоянія, какъ на граничные камни его круговаго пути, каковыми является и мета въ циркѣ (стр. 141).

раздо древнѣ послѣдняго. Въ то же время онъ даетъ математическую формулировку ученія, которую мы знаемъ, какъ сущность вавилонской науки (и ученія пифагорейцевъ) (стр. 69): «Тао былъ неопредѣленъ (недоступенъ чувствамъ!) и совершенъ, существуя до неба и земли. Онъ былъ спокоенъ и неосязаемъ (т.-е. безтѣлесенъ!), одинокій и неизмѣнный (не было еще времени!)... мать всѣхъ вещей... Онъ безцвѣтенъ, мы глядимъ на него и не видимъ его. Онъ беззвученъ, мы прислушиваемся къ нему и не слышимъ его; онъ безтѣлесенъ, мы пытаемся схватить его и не можемъ. Что безцвѣтно, беззвучно и безтѣлесно, того нельзя описать, поэтому мы его называемъ: Единое». «Тао изрекъ единое, единое произвело два, и два—три (Мумму!). Три породило вселенную. Вселенная оставляетъ позади себя темноту («да будетъ свѣтъ!»), изъ которой она вышла, и идетъ впередъ къ свѣту, между тѣмъ какъ дыханіе пустоты («духъ») совершенствуетъ ее».

До мельчайшихъ подробностей похожа и египетская космологія. Разница отъ вавилонской здѣсь только въ именахъ и... въ міровомъ направленіи, лежащемъ въ ея основаніи. Въ Вавилоніи господствуетъ ученіе о первенствованіи луны, въ Египтѣ—солнца; въ одномъ ученіи «верхъ» (правильно) на сѣверѣ, въ другомъ—тамъ, гдѣ мѣсто солнца во вселенной (но опять-таки съ точки зрѣнія первенства луны!), именно на югѣ. Это соотвѣтствуетъ свойствамъ обѣихъ странъ, которыя должны быть отраженіемъ вселенной: Евфратъ течетъ съ сѣвера на югъ, Ниль—съ юга на сѣверъ. Поэтому египтянинъ въ своихъ военныхъ походахъ, доводившихъ его до Евфрата (стр. 26), находилъ, что тотъ течетъ вспять. Этому измѣненію мірового направленія соотвѣтствуетъ египетская космологія. Одно изображеніе представляетъ намъ первоначальное мужское божество лежащимъ на землѣ,—т.-е. в н и з у, а надъ нимъ склоненное и касающееся своими ногами его ногъ и своими руками области его головы божество женское, тѣло котораго украшено звѣздами, т.-е. представляетъ небо. Между ними, раздѣляя ихъ, изобра-

жень «богъ свѣта» Шу, т.-е. «духъ» или Логось, Мумму. Въ вавилонскомъ изображеніи, наоборотъ, женская половина представлена нижней, а мужская — верхней.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать совпаденіе и одновременно доказать, что здѣсь рѣчь идетъ не о само собою понятныхъ представленіяхъ низкой ступени культуры. Какую бы космологію различныхъ народовъ земного шара мы ни взяли, мы найдемъ всегда однѣ и тѣ же мысли и часто сможемъ даже дополнить многіе пробѣлы въ картинѣ отдѣльными чертами, взятыми изъ отдаленныхъ эпохъ и странъ. Маори въ Новой Зеландіи имѣютъ космологическую систему, которая точно соотвѣтствуетъ указанной схемѣ и обнаруживаетъ всѣ ея выводы; сѣверо-американскія племена имѣютъ представленія, предполагающія одинаковыя предпосылки. Но подобныя возрѣнія на вещи, далеко выходящія за обычный кругозоръ такихъ народовъ, не могли возникнуть у нихъ. Разумъ первобытнаго человѣка не заходитъ въ своемъ мышленіи за предѣлы непосредственно окружающаго его міра, это можетъ сдѣлать лишь наука, а она предполагаетъ соотвѣтствующую предварительную разработку, слѣдовательно, высокоразвитую культуру.

КОСМИЧЕСКІЕ ВѢКА. МАКРОКОСМЪ И МИКРОКОСМЪ.

Каждый міръ завершаетъ свой кругооборотъ, чтобы затѣмъ породить новый, выше стоящій. Картина та же, какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ. Такое же отношеніе, какъ между годомъ, мѣсяцемъ, днемъ и часомъ, существуетъ и между отдѣльными фазами развитія каждаго міра. Въ общей цѣпи развитія нашъ міръ четвертый или, если считать и хаосъ, то пятый (хаосъ, Мумму, два слѣдующихъ міра, нашъ). Такъ какъ развитіе идетъ круговоротами, то нужно предполагать, что и здѣсь играетъ роль раздѣленіе зодіака. Если бы положить въ основу дѣленіе дней недѣли, то пятый міръ пришелся бы на Юпитера—Мардука. Съ этимъ согласовалось бы и то, что его предшественникомъ былъ Меркурій—Нэбо, мѣсто котораго вполне опредѣленно занялъ въ вавилонской мифологіи Мардукъ.

Дальнѣйшая же параллель къ различнымъ круговоротамъ міровъ лежитъ, повидимому, въ ученіи о вѣкахъ, знакомомъ намъ изъ классической древности (Гезіодъ, Овидій), какъ и изъ апокалипсической литературы (Даніиль, Апокалипсисъ Іоанна и подобная же весьма содержательная литература «апокрифическаго» характера). По этому ученію для нашего міра различаются четыре вѣка (золотой, серебряный, мѣдный, желѣзный); онъ находится теперь въ ч е т в е р т о м ъ, и долженъ пережить еще нѣкоторые, пока онъ, предварительно уничтоженный, воскреснетъ въ новой болѣе совершенной формѣ. Безчисленны способы исчисления этихъ в ѣ к о в ъ, какъ въ отношеніи ихъ про-

должительности, такъ и ихъ числа. Различныя ученія кладутъ въ основу разныя единицы дѣленія, совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ различные календари или системы мѣръ, счета и т. д., или какъ различные религиозные культы выдвигаютъ ту или другую сторону или форму проявленія божества (луна, солнце, природа). Каждое ученіе имѣетъ свою собственную систему, какъ въ различныхъ школахъ греческой философіи или даже современной науки. Одни ведутъ десятиричный счетъ: тысячелѣтній вѣкъ, напр., ислама, равно и у этрусковъ: послѣдніе имѣютъ 12—соотвѣтственно зодіаку—вѣковъ въ 1000 лѣтъ каждый. «Тысячелѣтнее царство» апокалипсическаго вычисленія того же порядка. У другихъ—иныя единицы дѣленія времени. Но всегда дѣло идетъ о вычисленіи, которое взято изъ древняго ученія о круговоротѣ вещей въ развитіи міровъ и большею частью является лишь и з в р а щ е н і е м ъ его.

Нѣтъ почти необходимости говорить о томъ, что вавилонское ученіе основано на шестидесятиричной системѣ и предполагаетъ принципъ «соотвѣтствій» въ великомъ, какъ въ маломъ. Его исчисленіе космическихъ вѣковъ стоитъ поэтому въ полномъ согласіи съ остальными основными положеніями его науки или его религіи. Вся вселенная—это «большой міръ», макрокосмъ, ея части суть маленькіе міры въ себѣ, микрокосмы. Такимъ микрокосмомъ является человекъ, который, слѣдовательно, есть подобіе вселенной и нѣчто совершенное. Но точно также и большая вселенная есть человекъ, и такъ какъ это «богъ», то послѣдній имѣетъ человѣческой образъ. Поэтому-то и человекъ созданъ по его «образу». Воззрѣніе это существуетъ еще и въ средневѣковой медицинѣ. Намъ извѣстно средневѣковое дѣленіе человека—главнымъ образомъ для цѣлей кровопусканія—по 12-ти знакамъ зодіака (Голова=Овнь, Шея=Телець, Руки=Близнецы и т. д.). По этому дѣленію «научно» лѣчили человека, совершенно такъ же, какъ это дѣлаетъ современная наука, руководствуясь, допустимъ, кривой температуры.

На вавилонскихъ математическихъ таблицахъ постоянно встрѣчается число 12960000 во всѣхъ своихъ доляхъ и возможныхъ соединеніяхъ по отношенію къ шестидесятиричной системѣ. Это $60 \times 60 \times 60 \times 60$ (т.-е. 60^4 или 3600^2). Значеніе этого числа объясняютъ намъ Платонъ, который взялъ его отъ пифагорейцевъ. По этому толкованію, данное число является арифметическимъ выраженіемъ для закона, управляющаго вселенной. Такимъ образомъ, если выразить это согласно съ только что сказаннымъ, можно сказать также: это число божества, какъ вселенной-человѣка, и человѣка, какъ микрокосма, и выражаетъ ихъ сущность. Мы не можемъ здѣсь прослѣдить данное толкованіе во всѣхъ его подробностяхъ. Сущность его покоится на томъ, что число дней, потребныхъ для возникновенія человѣка (въ утробѣ матери), равняется 216. Но это послѣднее число есть сумма первыхъ трехъ чисель, заключающихъ въ себѣ кубичные корни: $27(=3^3) + 64(=4^3) + 125(=5^3)$ или $=6^3$; но $3 \times 4 \times 5 = 60$, а это число, помноженное само на себя четыре раза (60^4) какъ разъ $= 12960000$. То же самое и 3600^2 и 4800×2700 , т.-е. оба лунныхъ числа (480 или 48 и 27: стр. 72) $\times 100$. Если считать годъ въ 360 дней, то 12.960.000 дней составляютъ 36.000 лѣтъ или столько сотенъ дней, сколько лѣтъ. По вавилонскому же счету это и есть число лѣтъ космока. А въ 100 лѣтъ ($=36.000$ дней) Платонъ считаетъ продолжительность человѣческой жизни, такъ что, слѣдовательно, одинъ день человѣческой жизни соотвѣтствуетъ одному году мірового вѣка. Такимъ образомъ оба числа человѣка и міра (а съ нимъ и божества) приводятся во взаимную связь, они о т р а ж е н і я другъ друга.

Такія вычисленія служили для обсужденія внутренней сущности вещей, по нимъ опредѣлялось положеніе мыслящаго человѣка къ окружающему міру и по нимъ онъ, какъ представитель науки и какъ провозгласитель божественной воли, регулировалъ весь порядокъ духовныхъ и матеріальныхъ вещей. Все систематизировалось и все обсуждалось съ этой точки зрѣнія. Многочисленныя вычисленія предстоящей гибели міра, вы-

зываются у нас теперь улыбку, первоначально являлись научными теориями, которые сами по себе были не больше ошибочны, чем могут ими впоследствии оказаться многие современные теории. То, что эти вычисления постоянно повторялись до 17-го еще века, объясняется жизненной силой древняго астрологическаго мировоззрѣнія, ибо лишь современная астрономія и телескопъ свели ихъ въ могилу. При этомъ дѣло все время шло о вычисленияхъ «вѣковъ», значеніе которыхъ поддерживалось апокалипсическими писаніями.

Вавилонское преданіе притомъ еще добавляетъ, что каждый міръ въ своемъ кругооборотѣ дѣлится на двѣ части. Онѣ соотвѣтствуютъ двумъ пунктамъ въ круговомъ движеніи созвѣздіи: начальному пункту и апогею. Круговой путь солнца начинается въ водной области (зимнее солнцестояніе, рожденіе) и достигаетъ апогея въ области огня (стр. 99). Такимъ образомъ, на каждомъ оборотѣ грозными стражами стоятъ вода и огонь. Смотря по принятому направленію, — сѣверъ или югъ, — можно также помѣстить начальный пунктъ въ огнѣ, а апогей, стало быть, въ водѣ. Тогда за основу будетъ вмѣсто счета по лунѣ взять счетъ по солнцу. Во всякомъ случаѣ любой изъ обоихъ пунктовъ обозначаетъ начало, а тогда другой — средину пути.

Такимъ образомъ, каждый міръ возникаетъ заново, когда старый исчезнетъ въ водѣ (или же въ огнѣ), и когда онъ выплыветъ изъ водной области, выдержавъ борьбу съ воднымъ чудовищемъ Тіаматъ (стр. 104); вслѣдъ за этимъ онъ вступаетъ въ жестокую борьбу съ огненнымъ чудовищемъ, съ мужскимъ подобіемъ Тіаматъ, Д р а к о н о м ъ. Это Рагнорекъ, мировой пожаръ германской и многихъ другихъ миеологій, который въ вавилонскомъ ученіи опредѣляется даже астрономически, какъ мировое солнцестояніе. «Когда всѣ планеты встрѣтятся въ Ракѣ (солнцестояніе счета по Овну), тогда міръ погибнетъ въ огнѣ». Встрѣтившіеся боги соединятся тогда, чтобы столковаться о новомъ мировомъ порядкѣ.

Человѣкъ подобенъ міру. Какъ послѣдній, проходя черезъ воду или огонь, начинается сызнова, принимаетъ

новую форму, такимъ же образомъ черезъ тѣ же испытанія долженъ пройти и микрокосмъ-человѣкъ. Поэтому, согласно многимъ ученіямъ, новорожденное дитя должно пройти черезъ воду (примыкаетъ сюда своимъ символическимъ смысломъ и христіанское крещеніе), по другимъ же, оно «должно пройти черезъ огонь». Это часто упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ и запрещается, какъ признакъ религіи Молоха. При этомъ, понятно, рѣчь идетъ о символическомъ дѣйстви, о пронесеніи черезъ огонь, а не о сожженіи и дѣтей, какъ думали раньше. Это столь же мало обозначаетъ сожженіе, какъ не является сожженіемъ прыганіе жениховъ и невѣстъ черезъ огонь въ дни лѣтняго солнцестоянія, —соотвѣтствующее явленіе обратной космологической системы, гдѣ крещеніе происходитъ водою. Евангельскій рассказъ о Іоаннѣ Крестителѣ предполагаетъ оба эти способа: «я крещу васъ въ водѣ... но идущій за мною... будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ» (отъ Матѳ. 3, 11). Такимъ образомъ, и здѣсь крещеніе огнемъ считается символомъ новаго вѣка. Совершенно такъ же, какъ вавилонское ученіе послѣ великаго потопа, пережитаго міромъ, ожидаетъ великаго пожара, такъ и теперь крестятъ водою, пока не придетъ Мессія, который созиждетъ новый міръ, и въ немъ будутъ крестить огнемъ.

Земля соотвѣтствуетъ зодіаку на небѣ. Она «гора» съ семью уступами или «климатами» (стр. 91), міровая гора или «гора земель». Эта гора представляется съ двумя вершинами, такъ что между обѣими вершинами лежитъ долина. И эта картина заимствована отъ зодіака. На немъ два важнѣйшіе круга—это круги обоихъ главныхъ свѣтилъ, луны и солнца. Оба круга не совпадаютъ вполне, а пересѣкаютъ экваторъ подъ различными углами. Такимъ образомъ, обѣ ихъ высшія точки (въ знакѣ солнцестоянія) при представленіи міровой горы являются ея двумя вершинами, и между плоскостями пересѣченія ихъ круговъ лежитъ лощина, шаровой сегментъ, ограниченный ими. Такъ какъ луна—свѣтило небеснаго міра, а солнце—подземнаго, то сѣверная вершина, какъ верхняя, принадлежитъ лунѣ, южная вершина, нижняя, —солнцу.

Верхушка зодіака достигаєть до неба Ану, гдѣ возсѣдаетъ на тронѣ высшій богъ; на зодіакѣ управляютъ и живутъ остальные боги, являющіеся доступнымъ зрѣнію откровеніемъ божества,—планеты. Земля обитаема людьми, подобіями бога, въ воздухѣ надъ ними живутъ существа, среднія между человѣкомъ и божествомъ, духи. Въ долинѣ между обѣими вершинами земной міровой горы они ближе всего къ человѣку, и здѣсь они выкидываютъ свои шалости, когда показываются человѣку. Это происходитъ во время солнцестоянія, которому соотвѣтствуетъ полнолуніе въ данномъ знакѣ зодіака. Долина міровой горы называется поэтому долиной духовъ.

«Время было полнолуныя
Въ ночь святого Іоанна,
Въ часъ, когда ущельемъ духовъ
Мчится дикая охота».

(Гейне, Атта Тролль, XVIII).

У Гейне еще вѣрный взглядъ во всѣхъ пунктахъ. Солнцестояніе—это время, когда съ неба падаетъ «огонь», или сбрасываются огненные камни (стр. 100). Поэтому и мнѣя о солнцестояніи говорятъ о томъ, что боги сбрасываютъ злыхъ духовъ огненными камнями. Легенда о гибели Содома—гибели въ огнѣ—пользуется этимъ мотивомъ, и въ рассказѣ о гибели царя Содома есть упоминаніе о долинѣ духовъ, ибо долина Сиддимъ (Бытія, 14)—это долина schedim, вавилонское названіе добрыхъ «духовъ». То, на что здѣсь имѣется лишь намекъ, подробно излагается со всѣми деталями въ другихъ легендахъ. Такъ, въ легендарной исторіи мусульманскаго происхожденія имѣется изъ эпохи Магомета рассказъ о знаменитой битвѣ. Битва происходила въ долинѣ Габала (горная долина), глубокой, пустынной долинѣ, лежавшей между двумя холмами al-scharif и al-schoraf (намекъ на имена обоихъ верховныхъ божествъ). Въ ней принимали участіе племя Tamim (там—мотивъ) и Азадъ (Левъ, знакъ солнцестоянія: стр. 99). Остальная часть рассказа во всѣхъ подробностяхъ совпадаетъ съ рассказомъ объ Авраамѣ и Лотѣ въ кн. Бытія, 14.

Такъ какъ лунѣ принадлежитъ сѣверъ или верхняя половина міра, и путь ея идетъ черезъ сѣверную или болѣе высокую вершину, то она раньше всѣхъ приходитъ въ соприкосновеніе съ областью огня. Поэтому ея движенію угрожаетъ Драконъ, изображающій огненную, верхнюю половину перваго, возникшаго изъ разсѣченія первобытнаго хаоса, «міра». Отсюда и распространенное вездѣ представленіе, что при затменіи драконъ проглатываетъ луну. Наоборотъ, солнцу принадлежитъ другая половина, и ему угрожаетъ Тіамать, чудовище нижней, водной половины того же перваго «міра». Астрономія сохранила еще воспоминаніе объ этомъ представленіи, она называетъ точки пересѣченія путей луны и солнца головой и хвостомъ дракона. Такимъ образомъ, Драконъ—діаметръ кругового пути луны.

Зодіакъ представляетъ изъ себя небесную землю, поэтому его отдѣльныя части суть небесное соотвѣтствіе «земли». Вотъ почему Белъ, богъ зодіака, называется «господиномъ земель». Соотвѣтственно съ этимъ создается представленіе и о землѣ и ея частяхъ, и задачей науки каждой отдѣльной страны является неопровержимо доказать преимущественное положеніе своей родной страны во вселенной на основаніи значенія, которое имѣетъ то, что соотвѣтствуетъ ей на небѣ. Каждый народъ самъ считаетъ себя первымъ и призваннымъ къ самому великому. Такъ, въ каждомъ ученіи указывается, что собственная страна занимаетъ предпочтительное мѣсто на землѣ, и что поэтому ей подобаешь первое мѣсто на землѣ, а другія страны должны ей служить. Въ вавилонскомъ ученіи такой страной, понятно, является Вавилонія.

Въ вавилонской географіи «страна», т.-е. Вавилонія, рассматривается какъ большая долина, которая лежитъ въ центрѣ земли, и которую замыкають другія страны, какъ горы. Вавилонія—единственная «страна» или низменность, всѣ другія «страны» суть «горы». Поэтому въ сумерійскомъ языкѣ одно и то же слово обозначаетъ и страну (но не низменность, каковымъ словомъ обозначается только Вавилонія) и гору.

«Двинувшись из первоначальной страны (обыкновенно переводится: «с Востока»), они пришли в равнину (в переводах: они нашли) в землю Сеннаар (Вавилония)». (Бытия, 11, 2). Библия точно воспроизводит здесь представление вавилонской географии и употребляет то же выражение, что и для лежащей между двумя горными цепями долины, и для обозначения равнины (псеврейски *biq'â*: так еще и теперь большая долина между северным Ливаном и Антиливаном называется *beqâ'a*). Лежащее в основе воззрение опять-таки согласовано с небесной картиной, долина между двумя горными цепями соответствует «ущелью духов», «страна», следовательно, занимает на земле преимущественное, «высшее» место, где она ближе всего к небу.

Внутри страны преимущественное, «высшее» место подобает, понятно, столицу. Сообразно с этим она на земле занимает такое же место, как на небе северный полюс, на котором возседает божество, т.-е. под ним. Северный полюс—это точка, в которой сходятся все линии, проведенные на небе, и вокруг которой все вращается. Это—узел в а т о ч к а. Таковой же является и северная точка зодиака, в ней соприкасаются небесная земля и верхнее небо. Такая же роль, следовательно, должна принадлежать столице страны на земле. Она поэтому у з е л ь страны, связывающий ее с небом. Вавилонское название для этого—*markas*. Воззрение ислама переняло это, с той лишь разницей, что оно это название занимает от микрокосма, ч е л о в ѣ к а. Оно называет соответствующую точку «пупом земли», так как пуп—с в я з ь, соединяющая микрокосма-человек с его матерью и с источником жизни, божеством и вѣчностью.

Различные страны и учения, т.-е. религии, оспаривают друг у друга «пуп земли», каждая считает свою столицу за пункт, соответствующий высшей точке во вселенной. Ибо именно благодаря этому она является истинным местом пребывания высшего божества на земле. В странах Израильской было место

культы, существовавшее уже въ доизраильское время и имѣвшее свое храмовое ученіе, Бетъ-Эль, «домъ», т.-е. жилище Эля, верховнаго бога. Здѣсь-то поэтому Іаковъ видитъ во снѣ (Бытія, 28) лѣстницу, по которой ангелы восходятъ къ престолу бога. Это—изображеніе зодіака, по которому божества, созвѣздія, восходятъ на верхнее небо. «Здѣсь врата—т.-е. входъ—въ небо», говоритъ, проснувшись, Іаковъ, т.-е. Бетъ-Эль—мѣсто соединенія, «связь» земли и неба. Но при этомъ онъ употребляетъ вавилонскій способъ выраженія, потому что «врата Эля»—это смыслъ, вложенный въ имя Бабель (Вавилонъ). По вавилонскому ученію, Вавилонъ—«путь земли». Такъ же, какъ и онъ, и остальные большіе города, служащіе мѣстонахожденіемъ святилищъ великихъ боговъ, имѣютъ свои соотвѣтствующіе пункты на небѣ. Отдѣльныя части Космоса соотвѣтствуютъ имъ и обозначаются въ мифологіи просто тремя именами. «Когда не возникли еще Ниппуръ и Экуръ (храмъ Бела въ Ниппурѣ), Урукъ и Эанна (храмъ Иштаръ въ Урукѣ), и Эриду», говорится въ мифологической дидактической поэмѣ (стр. 102). Эта поэма называется имена большіхъ городскихъ центровъ культа и ихъ святилищъ и подразумѣваетъ при этомъ соотвѣтствующія части вселенной, вмѣсто которыхъ космогоническій эпосъ употребляетъ имена ихъ боговъ (стр. 104).

Библейская религія избрала своимъ центромъ Іерусалимъ, земное мѣстопребываніе Ягве. Такимъ образомъ, для нея Іерусалимъ является центральнымъ или высшимъ пунктомъ земли, и ему соотвѣтствуетъ подобный же пунктъ на небѣ. Уже пророки, какъ Іезекіиль, рисуютъ картину идеальнаго Іерусалима, который нужно вновь отстроить по небесному образцу, совершенно такъ же, какъ у насъ имѣется клинописное описаніе Вавилона, во всѣхъ деталяхъ скопированное съ него. И позднѣйшимъ воззрѣніямъ вплоть до Апокалипсиса и христіанства извѣстенъ «небесный Іерусалимъ», являющийся прообразомъ или подобіемъ земнаго.

Вселенная расположена вокругъ сѣвернаго полюса, послѣдній—мѣсто, гдѣ обитаетъ божество, туда, слѣ-

довательно, обращаются также, когда ему молятся. Но и на землѣ имѣется соотвѣтствующая обитель божества, поэтому при молитвѣ нужно и туда обращать свои взоры. Это ученіе о направленіи при молитвѣ, или, какъ говорятъ арабы, Kibla. Іудеи во время молитвы обращаютъ свои взоры къ Іерусалиму, и вначалѣ и Магометъ принялъ эту Kibla. Затѣмъ онъ высказался за древне-арабское святилище Мекку, куда и понынѣ магометанинъ поворачивается лицомъ во время молитвы, какъ къ земной обители Аллаха. Для религіи это ученіе было по необходимости сохранено, «научная» же географія эпохи калифата считала центромъ земли мѣстопребываніе калифовъ. Арабскіе географы называютъ «пупомъ земли» Багдадъ. И многія второстепенныя государства ислама, совершенно такъ же какъ и на древнемъ Востокѣ, смотрѣли на свои столицы, какъ на центръ. Багдадъ, въ качествѣ такового, есть Dâr-es-salam, «жилище блаженства, т.-е. бога». Въ исламѣ было еще много Dâr-es-Salam, которые занимаютъ такое же мѣсто рядомъ съ Багдадомъ, какъ Бетъ-Эль съ Бабелемъ. Это въ концѣ концовъ такое же наименованіе, какъ «столица», только съ космологическимъ привкусомъ.

Доводворенія Израильтянъ въ Святой Землѣ, мѣстопребываніемъ Ягве считался С и н а й. Въ Ветхомъ Заветѣ существуетъ два преданія, соотвѣтствующія двумъ древнѣйшимъ письменнымъ источникамъ, такъ называемымъ ягвистскому и элогистскому. Въ одномъ священная гора называется Синай, въ другомъ—Хоривъ. Оба названія легко объясняются, если быть знакомымъ съ представленіемъ о «мировой горѣ», которой и здѣсь, естественно, должно соотвѣтствовать земное откровенія Ягве. Давно уже признано, что названіе Синай произведено отъ имени вавилонскаго луннаго бога С и н а. Хоривъ—его противоположность, онъ обозначаетъ полуденный или лѣтній зной. Слѣдовательно, это—имя солнечной вершины мировой горы. Оба источника называютъ священную гору именами обѣихъ ея вершинъ, одинъ источникъ подчеркиваетъ лунный счетъ, другой—солнечный.

Однимъ изъ древнѣйшихъ мѣстъ культа на израильской почвѣ, которое восходитъ также и къ доизраильскому времени, былъ Сихемъ съ его двумя священными горами Геваль и Гаризимъ. Какъ мѣсто культа, онъ долженъ также быть и подобіемъ страны или неба. Обѣ горы ясно изображаются какъ два противоположныхъ пункта вселенной (Второзак. 11, 29; 27, 11). Представители 6-ти колѣнъ народа должны взойти на одну гору, а представители 6-ти другихъ—на другую, одни, чтобы благословлять (свѣтлая половина), другіе, чтобы проклинать. Число 12-ти колѣнъ постоянно находится въ связи съ зодіакомъ, слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ счетъ по 6+6, а не по 5+7 (стр. 80). Но имя Сихемъ (Schem) обозначаетъ углубленіе, слѣдовательно, опять воспроизводитъ «ущелье», и въ довершеніе онъ на ряду съ этимъ до самого поздняго времени называется еще (по арамейски) *Mabortha*, т.-е. де ф и л е я, мѣсто прохода. Онъ соотвѣтствуетъ, слѣдовательно, точкѣ солнцестоянія, которая на вавилонскомъ языкѣ носитъ имѣющее то же значеніе и образованное изъ того же корня имя *nibiru*.

Надъ зодіакомъ, какъ горой съ двумя вершинами, поднимается сводомъ сѣверное небо съ сѣвернымъ полюсомъ. На сѣверномъ небѣ обитаетъ высшее божество, и такимъ образомъ это небо есть «богъ». Очень часто встрѣчаются описанія верховнаго бога страны, который мыслится какъ общая совокупность всѣхъ боговъ, и который изображается стоящимъ на дв у х ъ г о р н ы х ъ в е р ш и н а х ъ. Это и есть высшій богъ, царствующій надъ ними, какъ Ягве, который открылъ себя на Синаѣ и Хоривѣ.

Древнее происхожденіе различныхъ наукъ обнаруживается многочисленными слѣдами въ нихъ, сохранившимися въ теченіе тысячелѣтій и проникшими въ Западную Европу при посредствѣ арабовъ. Особенно поразительно, какъ крѣпко привились многія названія растений. Сюда относится, напр., сезамъ (кунжутъ), который и въ наши дни играетъ на Востокѣ ту же, что и въ древности, роль и называется тѣмъ же именемъ, что и 5000 лѣтъ назадъ; теперь *simsim*, по древне-ва-

вилонски *schamschat*; далѣ *kurkanu*, по-арабски *kurkum*, по-гречески *krokos*, *Crocus*, шафранъ; *sanabu*, по-арабски *šipâb*, по-гречески *sinaru*, по-латыни *sinapis*, по-нѣмецки *Senf*, горчица; *kunibu*, по-латыни *saunabis*, по-нѣмецки *Hanf*, конопля; *katupu*, по-арабски *katim*, по-латыни *cuminum*, по-нѣмецки *Kümmel*, тминъ; *lischan kalbi*, по-гречески *kynoglosson*, по-нѣмецки *Hungzunge*, живокость.

Замѣчательнымъ примѣромъ того, какъ иное слово путемъ заимствованія проникало въ Западную Европу и можетъ быть прослѣжено въ постепенномъ развитіи своего значенія въ теченіе цѣлыхъ четырехъ тысячелѣтій, является слово *muskin*. Въ законахъ Хаммураби (стр. 24) оно обозначаетъ челоуѣка, принадлежащаго къ подчиненному слою населенія, соотвѣтствующаго по своему положенію римскому вольноотпущеннику, т.-е. не полноправнаго гражданина. Отсюда дальшее значеніе: нищій, бѣдный, а затѣмъ, несчастный, больной. Такъ оно перешло въ арабскій (*meskin*) и изъ него черезъ Испанію во французскій (*mesquin*).

Если здѣсь идетъ рѣчь о названіяхъ, бывшихъ общимъ достояніемъ, то научная традиція вѣрно сохранила отъ древняго, основаннаго на астрономіи, ученія идею взаимной связи элементовъ,—именно въ фармакологіи и въ химіи или «алхиміи». Особенно это можно сказать о металлахъ, которые почти до конца Среднихъ вѣковъ обозначались именами тѣхъ планетъ, которымъ они соотвѣтствуютъ и принадлежать. Это прежде всего (ср. цвѣта) серебро=луна, золото=солнце. Такъ, въ алхиміи вмѣсто серебра говорится просто «луна», и притомъ большей частью имя читается на оборотъ, напр., *Elenes*=луна, серебро, вмѣсто (греческаго) *Selene*.

Достойный болѣе глубокаго размысленія примѣръ того, какъ подобныя теоріи проникали въ практическую жизнь, дается намъ въ опредѣленіи отношенія цѣнности обоихъ драгоценныхъ металловъ. Въ древности серебро и золото, лунный и солнечный металлъ постоянно чеканились въ отношеніи 1:13 $\frac{1}{3}$. Но это есть отношеніе 27:360 или

отношеніе періодовъ обращенія л у н ы и с о л н ц а. Такимъ образомъ, цѣнность въ данномъ случаѣ опредѣляется по астральнымъ, религиознымъ, «божественнымъ» свойствамъ металловъ. Мѣдь или бронза, третій денежный металлъ, чеканится относительно серебра въ отношеніи 1 60 или даже 1 72. Первое—это отношеніе шестидесятеричнаго счета, второе—отношеніе пятидневныхъ недѣль (стр. 71). Такимъ образомъ, и здѣсь всегда расчетъ сводится къ круговому движенію свѣтила, и нужно представлять себѣ, что установленіе единицы цѣнности въ какой-нибудь странѣ согласовано было съ официально принятымъ въ ней календаремъ.

Чеканку монеты государствомъ, т.-е. обозначеніе цѣны ея печатью, можно установить лишь начиная съ 7-го и 6-го вѣковъ до Р. Хр. и притомъ сначала въ Лидіи. До этого цѣнные металлы опредѣлялись по вѣсу, для котораго однако существовала твердо опредѣленная система. Она изъ Вавилоніи распространилась по всему свѣту и благодаря заимствованію важнѣйшихъ обозначеній хорошо извѣстна у другихъ народовъ: т а л а н т ъ имѣетъ (обычно) 60 м и н ъ (тапа, греческое тпа), а мина 60 ш е к е л е й (извѣстно изъ Библии). Слѣдовательно, и здѣсь въ основѣ лежитъ дѣленіе на 60.

Мы хотимъ этимъ установить лишь распространеніе этой системы, а не ея происхожденіе. Здѣсь-же само собою возникаетъ обычный вопросъ: что предшествовало, какъ факторъ,—теорія или вещество; въ нашемъ случаѣ: дала ли теорія цѣнность этимъ металламъ, или же ихъ цѣнность имѣла своимъ послѣдствіемъ, что они заняли соответствующее мѣсто въ системѣ? Простого факта рѣдкости обоихъ металловъ достаточно, чтобы объяснить, почему они продолжаютъ сохранять свою цѣнность, но этимъ нельзя объяснить, какъ они могли получить ее. Если бы ихъ цѣнность для человѣка пожелали объяснить естественными его потребностями, то нужно было бы доказать, какую цѣнность они имѣютъ для человѣка первобытнаго. При этомъ, пожалуй, обнаружилось бы, что цѣнность ихъ обратно пропорциональна ихъ примѣнимости. Ибо лишь практическая

примѣнимость мѣди или бронзы ясна сама собою, тогда какъ золото въ особенности не имѣетъ никакой цѣнности для первобытнаго человѣка. Кромѣ того, слѣдуетъ еще обратить вниманіе, что эти три металла и понынѣ остаются монетными металлами, и лишь въ новѣйшее время начинаютъ замѣнять другими обезцѣненную въ этомъ отношеніи мѣдь. Въ древности иногда пытались воспользоваться вмѣсто мѣди желѣзомъ, но, повидимому, это нигдѣ не привилось. Здѣсь дѣло, повидимому, шло о своеобразномъ новшествѣ «желѣзнаго» вѣка (стр. 110).

Извѣстно, что этнологія, въ зависимости отъ матеріала, употребляемаго для выдѣлки орудій, дѣлитъ исторію культурнаго развитія человѣчества на каменный, бронзовый и желѣзный вѣка. Установленіе времени отдѣльныхъ переходовъ имѣетъ величайшую важность для историческаго опредѣленія развитія человѣчества. Ибо если намъ приходится установить распространеніе идей и ученій по всему земному шару, и если эти идеи вовлекаютъ въ свою сферу и всѣ практическія потребности человѣка, то часто и матеріальная культура должна была подчиняться такимъ вліяніямъ, т.-е. обогащаться культурными приобрѣтеніями, входящими до нея черезъ посредство крупныхъ культурныхъ центровъ. Конечно, здѣсь придется еще въ большей мѣрѣ обсудить вопросъ о возможности самостоятельнаго изобрѣтенія, чѣмъ въ области чисто духовныхъ завоеваній, въ особенности потому, что при этомъ играетъ большую роль присутствіе или отсутствіе соотвѣствующихъ веществъ въ отдѣльныхъ культурныхъ областяхъ.

Своеобразная организація профессиональныхъ представителей к у з н е ч н а г о искусства должна была благоприятствовать его распространенію. Они всюду выступаютъ какъ стоящее внѣ племенныхъ или государственныхъ союзовъ и имѣющее свою собственную организацію к о ч у ю щ е е населеніе, какъ, напр., еще понынѣ въ Аравіи или какъ въ Венгріи, гдѣ кузнецами являются цыгане. Имя К а и н ѣ по-еврейски значитъ к у з н е ц ѣ , и намекъ на это обстоятельство

имѣется въ Библии, которая осудила его на «вѣчное скитаніе». Кузнечное искусство считается «чернымъ искусствомъ», которымъ нельзя заниматься внутри союза священныхъ ремесль. Ибо каждое ремесло стоитъ подъ покровительствомъ какого-нибудь бога, считающагося его первоначальнымъ учителемъ. Но есть нѣсколько такихъ ремесль, которыми нельзя заниматься подъ защитой городскихъ стѣнъ, гдѣ обитаетъ богъ. Они находятся поэтому подъ покровительствомъ божествъ подземнаго міра, правящихъ въ полѣ, въ степи, и поэтому они несвященны или нечисты. Средневѣковое представленіе о безчестныхъ ремеслахъ покоится также на этомъ основаніи.

Не требуется никакихъ доказательствъ, что древнѣйшіе памятники, имѣющіеся у насъ, уже не принадлежатъ къ «каменному вѣку». Они сдѣланы бронзовыми орудіями, и къ тому же и надписи, въ полномъ согласіи съ находками, вполне доказываютъ намъ, что металломъ, употреблявшимся около 3000 г. до Р. Хр. для орудій, оружія и т. д., уже давно была бронза. Понятно, не чистая мѣдь, отличаемая уже отъ нея, но смѣшанная, полученная отъ примѣси олова, бронза. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, какія мы можемъ изъ этого извлечь указанія относительно торговыхъ отношеній этого древнѣйшаго міра. Во всякомъ случаѣ Вавилонія не имѣла въ своей области ни той, ни другой¹⁾, равно какъ не имѣла и серебра и золота.

На основаніи ассирійскихъ надписей мы можемъ теперь съ полной увѣренностью установить, когда закончился переходъ отъ бронзы къ желѣзу, какъ къ материалу,—одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ въ исторіи развитія человѣчества. Начальной гранью можно приблизительно считать время около 1000 года до Р. Хр. До этого въ качествѣ всеупотребительнаго металла господствовала бронза, въ 9-мъ вѣкѣ мы рядомъ съ ней встрѣчаемъ желѣзо, которое сначала употре-

¹⁾ Кипръ, который, какъ мѣстонахождение мѣди, далъ ей это имя (cuprum), доставляетъ ее въ XV-мъ вѣкѣ въ Египеть. (Письма изъ Телль-Амарны.)

бляется лишь для выдѣлки важнѣйшаго оружія (мечей, копій), завоевывая затѣмъ все большую и большую область. Въ 8-мъ вѣкѣ развитіе уже закончено, желѣзо господствуетъ неограниченно. Такимъ образомъ, этотъ переворотъ завершился въ два-три столѣтія. Воистину желѣзный вѣкъ вступилъ на мѣсто бронзового.

Было ли то случайностью, что этотъ переворотъ совпалъ съ новымъ астрономическимъ вѣкомъ,—съ вѣкомъ Овна (стр. 97)? Само собою понятно, что такое развитіе не можетъ исключительно зависѣть лишь отъ духовныхъ, «научныхъ» вліяній, но обуславливается и имѣющимъ въ распоряженіи матеріаломъ. Но мѣш а т ь прогрессу наука часто можетъ очень долго, и при томъ глубококомъ вліяніи, которое религиозное міровоззрѣніе имѣло на древняго культурнаго человѣка, вполне, пожалуй, мыслимо, что желѣзо могло бы стать запретнымъ на основаніи соображеній религиозной системы. Конечно, въ данномъ случаѣ мы этого не можемъ вполне ясно усмотрѣть, потому что мы ничего не знаемъ о древнихъ относящихся сюда источникахъ. И з в ѣ с т н о было, однако, желѣзо и раньше, но оно употреблялось лишь, какъ м е т а л л ь д л я у к р а ш е н і я (такъ, напр., какъ часть приданнаго одной принцессы изъ Митанни при выдачѣ ее замужъ въ Египетъ въ 15-мъ вѣкѣ). Время же, когда этотъ переворотъ завершается, въ общемъ не является новымъ періодомъ культуры на Востокѣ, хотя подъ ассирійскимъ господствомъ и существуетъ теперь прочная организация. Достойно также вниманія въ это время распространеніе сѣверныхъ народовъ въ Передней Азій (стр. 31), а малоазійскіе народы (калибы) и считались въ древности «изобрѣтателями» обработки желѣза.

МИОЪ, ЛЕГЕНДА, ИГРЫ.

Вавилонское ученіе о мірѣ, какъ и большинство соотвѣствующихъ ученій другихъ народовъ, является передъ нами въ миѳологической формѣ. Въ миѳическихъ разсказахъ, распространенныхъ по всей землѣ, встрѣчаются также ясные слѣды примѣси древне-восточнаго ученія и его постоянной связи съ звѣзднымъ небомъ. Въ большинствѣ случаевъ ясно высказано или легко узнать, вдумываясь въ лежащія въ основаніи каждаго миѳа представленія, что здѣсь изображается какой-нибудь процессъ звѣзднаго неба, являющійся по пониманію древняго Востока вмѣстѣ съ тѣмъ вѣдь и отраженіемъ процессовъ на землѣ (кругооборотъ года, перемѣны въ природѣ и т. д.).

О томъ, что это сходство представленій создалось самостоятельно, можно было бы утверждать лишь относительно совершенно простыхъ процессовъ на звѣздномъ небѣ; но даже и въ этомъ случаѣ самая идея выразить и представить правленіе боговъ въ такой формѣ является столь сложной, что она опять-таки указываетъ, что мѣсто ея происхожденія нужно искать на родинѣ астральнаго ученія о богахъ. Лишь тѣмъ значеніемъ, которое тамъ имѣлъ миѳъ, можно безъ труда объяснить, почему изъ системы всего міровоззрѣнія именно онъ подвергся особенно тщательной разработкѣ и призванъ играть важнѣйшую роль въ духовной жизни народовъ, стоящихъ на низкой ступени развитія. Этого нельзя было бы объяснить одной любовью къ разсказамъ и потребностью въ развлеченіяхъ.

Древній Востокъ съ своей высоко развитой культурой и сознательной обработкой мифа даетъ намъ и здѣсь разъясненіе о цѣли и сущности данного явленія. Мифъ—это ученіе о сущности и дѣятельности боговъ, выраженное въ понятной народу формѣ. Чисто теоретическое ученіе, идейное содержаніе предоставлено ученымъ, жрецамъ. Обыкновенному смертному предметъ становится понятнѣе тѣмъ, что онъ облекается въ поэтическую форму, что онъ дѣлается предметомъ дѣйствія. Значить, приблизительно такъ же, какъ обобщеніе факта человѣческой жизни у насъ трактуется въ драмѣ или въ романѣ. Божество выступаетъ въ мифѣ не такъ, какъ въ ученіи, въ видѣ силы или части вселенной, но какъ личность, слѣдовательно очеловѣченнымъ и благодаря этому ставшимъ болѣе понятнымъ простому чувству. Дѣятельность его въ міровомъ пространствѣ или на небѣ,—которая повторяется и на землѣ!—изображается, какъ и дѣятельность людей. Борьба, благодаря которой новые міры преодолеваютъ вліяніе враждебныхъ силъ, исчезновеніе созвѣздія въ омрачающей власти подземнаго міра или въ небесной водной пучинѣ (стр. 103), изображается какъ борьба боговъ съ чудовищами.

Подобно тому, какъ изъ круга неизмѣримыхъ міровъ выдѣляются все болѣе ограниченные, такъ и лѣстница ступеней развитія ведетъ отъ бога къ его подобію, человѣку. При этомъ имѣется и промежуточная ступень, полубогъ или герой. И его дѣятельность рисуется, какъ и всякая другая, она—отраженіе небесной дѣятельности. Форма, въ которой ведется описаніе, это э п о с ъ, который изображаетъ мифическія, т.-е. небесныя явленія въ уже чисто очеловѣченномъ, хотя и превосходящемъ современнаго смертнаго видѣ. И здѣсь можно узнать небесное, астральное происхожденіе темы.

Есть и третья ступень популяризаціи той же идеи—съ двумя формами развитія. Во-первыхъ, приданіе дѣятельности боговъ формы чисто человѣческихъ дѣйствій, что уже не имѣетъ въ виду быть ученіемъ, а предназначается лишь для развлечения. Это—с к а з к а. Въ томъ видѣ, въ какомъ сказки являются передъ нами

въ передачѣ самыхъ различныхъ народовъ, отъ сказокъ 1001 ночи, индусскаго Панчатантры, сказокъ американскихъ и другихъ первобытныхъ народовъ до современныхъ собраній сказокъ, предпринятыхъ, напр., братьями Гриммъ, онѣ образуютъ по своей сущности явную и ясно эту сущность выражающую сокровищницу древней астральной мифологіи. Часто яснѣе даже, чѣмъ въ вавилонскомъ мифѣ, рисуется въ нихъ дѣятельность и взаимное отношеніе небесныхъ тѣлъ, а иногда это выражается совершенно неприкрыто и словами. Одна сказка, сохранившаяся, между прочимъ, въ итальянскомъ сборникѣ Пентамеронѣ (содержаніе взято изъ восточныхъ источниковъ), носитъ даже заглавіе «Луна, Солнце и Венера», и этимъ ясно показываетъ, что она желаетъ нарисовать отношеніе этихъ трехъ свѣтилъ другъ къ другу въ смыслѣ древне-восточнаго ученія объ этомъ великомъ тріединствѣ.

Другая форма того же цикла представленій имѣетъ гораздо большее значеніе для нашей собственной науки. Она даетъ намъ возможность взглянуть на рядъ преданій, который также неизмѣнно встрѣчается у всѣхъ народовъ, но который претендуетъ — быть исторіей. Легко выбросить его за бортъ, какъ матеріалъ неправдоподобный, «мифическій», но многое изъ него еще сходитъ за исторію, или же, наоборотъ, вмѣстѣ съ мифическимъ элементомъ, присущимъ ему, выбрасывается и его историческое содержаніе. Это—и с т о р и ч е с к і я л е г е н д ы. Последнія являются собственно формой разсказа объ историческихъ событіяхъ, которую въ совершенствѣ развилъ древній Востокъ, и къ которой онъ приучилъ остальной міръ. Помимо Библии, которой едва знакома другая форма повѣствованія, и классическая древность черпала изъ великой восточной сокровищницы. Геродотъ, затѣмъ, при новомъ соприкосновеніи съ Востокомъ (стр. 37), эллинистическая историографія, римская и, соотвѣтственно съ распространеніемъ мифовъ, также историографія остального міра научились использовать мифическій элементъ, чтобы облечь въ него сухой разсказъ о голыхъ фактахъ. Но опять-таки дѣло идетъ при этомъ не о про-

извольномъ вовлеченіи мѣа въ міръ фактовъ, не о случайномъ или свободно измышленномъ разукрашиваніи, а о вполне сознательномъ изображеніи этихъ фактовъ по законамъ астральнаго или астрологическаго міровозрѣнія.

Если все, происходящее во вселенной, есть лишь отраженіе одно другого, и если движенія созвѣздіи указываютъ происходящее на землѣ, то и все, что на ней происходитъ, должно находиться въ согласіи съ тѣмъ, что начертано въ «книгѣ небесъ». Поэтому значительныя событія должны обнаруживать тѣ же основныя черты, что и критическія поворотныя точки въ небесномъ механизмѣ. Въ результатѣ получается полное совпаденіе между исторической легендой и мѣомъ, или же легенда рисуетъ событія средствами, взятыми у мѣа, указывая въ то же время или давая возможность усмотрѣть, какимъ поворотнымъ пунктамъ въ развитіи, въ кругооборотѣ государства или народа соотвѣтствуетъ данное «событіе». Выработались прочныя формы легендъ, которыя заимствуютъ начальный, главный и конечный пункты такого развитія отъ кругооборота созвѣздіи, отъ года и космическаго года и изображаютъ событія подъ этой формой. Это твердо установленные мотивы исторіографическаго искусства, которые совершенно такъ же, какъ мотивы вагнеровской музыки, должны вызывать опредѣленныя представленія и принадлежать къ сущности этого искусства. Они столь же необходимы разсказчику, какъ краски художнику.

Итакъ, эти мотивы, само собою понятно, постоянно встрѣчаются въ историческихъ разсказахъ всѣхъ народовъ. Какъ и въ мѣѣ, и здѣсь знатокъ, проникающій въ смыслъ этихъ мотивовъ, обычно можетъ на основаніи ихъ восполнить ходъ разсказа и прежде всего опредѣлить то мѣсто, которое ему поэтому должно быть отведено въ общей картинѣ развитія. Вотъ почему легенда о Діоскурахъ, о двухъ братьяхъ, которые не могутъ соединиться, или изъ которыхъ одинъ убиваетъ другого (стр. 100), появляется съ начальнымъ моментомъ исторій различныхъ народовъ, такъ

какъ въкомъ Близнецовъ нѣкогда начался нашъ міръ. Когда же потомъ стали считать по вѣку Тельца, тогда создалась другая соотвѣтствующая ему легенда. Такъ какъ знакъ Т е л ь ц а, повидимому, считался и знакомъ с о х и, то и царь долженъ быть взятъ отъ сохи (Сауль, Пясть у поляковъ, Пржемысль у чеховъ, ср. также Камилла; царь Вавилона—намѣстникъ Мардука на землѣ, ср. стр. 131—называется «земледѣльцемъ изъ Вавилона»; китайскій императоръ ежегодно проводитъ борозду и т. д.); позднѣе также и О в н ъ выступаетъ, хотя и болѣе рѣдко, въ роли животнаго, ведущаго героя къ побѣдѣ (Александръ Великій объявляетъ себя сыномъ бараньеголоваго Юпитера Аммона). И такъ какъ при празднованіи смѣны года старый годъ (или побѣжденная весеннимъ созвѣздіемъ враждебная сила мрака) является какъ бы побѣжденнымъ врагомъ или изгнаннымъ угнетателемъ, т и р а н о м ъ, то и миѳъ о смѣнѣ года или законченномъ кругооборотѣ доставляетъ мотивы для разсказа о преодолѣніи ранѣе господствовавшаго хаотическаго состоянія въ жизни народа, изъ котораго его освободилъ владыка и основатель новаго вѣка. Угнетателемъ былъ драконъ или Тіамать (стр. 104), его правленіе было хаосомъ, новый владыка—это дарующій спасеніе весенній богъ, который устрояетъ міръ на новыхъ началахъ.

Эта форма изображенія достигла такого полнаго развитія и такъ вошла въ сознаніе древняго человѣчества, что оно не только изображало эти вещи въ поэтическомъ ореолѣ, какъ это можетъ случиться и съ нами, при условіи извѣстной приподнятости нашего чувства (Бисмаркъ въ образѣ Зигфрида!), но оно вообще съ самаго начала такъ ихъ и воспринимало. Чтобы уяснить себѣ это, нужно опять себѣ представить прочную вѣру въ астральное міросозерцаніе, полную проникнутость всякаго человѣческаго мышленія этого рода возрѣніемъ. Подобно тому какъ у насъ господствуетъ стремленіе объяснить и понять всѣ вещи «естественно», т.-е. изъ предпосылокъ нашего пониманія природы, точно также и древніе люди смотрѣли на все и все понимали астрально. Но народное сознаніе во всѣ времена, у

нась, какъ и тогда, направляется и опредѣляется учеными. Глазами науки такъ, какъ его учили, и какъ онъ привыкъ, смотреть и думаетъ профанъ, средній чловѣкъ, даже если факты непосредственной дѣйствительности громко говорятъ другое.

Намъ трудно проникнуть въ душу чловѣка, который самъ о себѣ судить въ такой связи. Но эта концепція оказывала свое дѣйствіе до вѣка Валленштейна. Древне-восточный властелинъ, который, выдвинувшись своими успѣхами, основаль новую монархію и надѣялся стать родоначальникомъ длиннаго ряда властелиновъ, чувствовалъ себя воплощеніемъ спасающаго и побѣждающаго бога, который начинаетъ новый кругооборотъ. Онъ буквально чувствовалъ себя таковымъ, и не только преданіе позднѣйшаго времени, но и собственныя его записи изображали его такъ. И вѣра въ то, что судьба каждаго чловѣка predetermined, что въ звѣздахъ она предначертана, въ свою очередь опредѣляла его дѣйствія. Его представляютъ, и онъ самъ чувствуетъ себя, какъ поставленный на землѣ владыка вселенной, и онъ согласуетъ свою дѣятельность съ управленіемъ небеснаго кормчаго міра, какъ оно явствуетъ изъ звѣздъ. Какъ всюду въ духовной жизни чловѣка, и здѣсь факты и заимствованныя представленія въ своемъ взаимодѣйствіи вліяютъ на его поступки и чувства. Эти цари, которые съ точки зрѣнія своего міровоззрѣнія являются представителями бога на землѣ, уже не чувствуютъ себя простыми людьми, но ощущаютъ въ себѣ божественную природу, въ подлинности которой имъ служить порукой успѣхъ и небесная книга судебъ. Такъ царь становится въ дѣйствительности богомъ. Именно относительно древнѣйшихъ временъ у насъ имѣются свидѣтельства о религиозномъ почитаніи царя, какъ бога. Нарамъ-Синъ (стр. 16) и цари Сумера—Аккада въ собственныхъ надписяхъ именуютъ себя божествами. Подобныя же воззрѣнія извѣстны и у другихъ народовъ. Цари инковъ, «сыновья солнца», такой же божественной природы, какъ цари хеттскіе. На древнемъ Востокѣ это ученіе въ послѣдующее время уже не выдвигалось болѣе, по крайней мѣрѣ въ столь чисто

политической формѣ. Но можно установить, что значительныя личности постоянно пытались представлять себя, какъ новорожденія или воплощенія древнихъ мифическихъ лицъ или божествъ, что должно было служить ручательствомъ возстановленія «добраго стараго времени». Знаменательно, что это ученіе впоследствии пытались воскресить именно на развалинахъ древняго Востока: Александръ повелѣлъ оказывать себѣ божескія почести и чувствовалъ себя богомъ, несмотря на то, что въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій религія Агурамазды, какъ религія хозяевъ Востока, успѣла совершенно вытѣснить подобныя идеи. Эллинизмъ официально утвердилъ это ученіе въ Сиріи и въ Египтѣ, при Селевкидахъ и при Птоломеяхъ (стр. 37). Царямъ обѣихъ династій воздавались божественныя почести, и, какъ извѣстно, римскіе императоры, подъ вліяніемъ постояннаго соприкосновенія съ Востокомъ, также усвоили себѣ это ученіе, пока чисто религіозная идея снова не нашла своего проявленія въ христіанствѣ. У насъ имѣется изображеніе Астарты съ змѣей на груди. Невольно приходитъ при этомъ на память самоубійство Клеопатры. Трудно сомнѣваться, что оно историческій фактъ. Въ такомъ случаѣ приходится лишь предположить, что дочь Птолемеевъ, которая чувствовала свою божественную природу и приказывала оказывать себѣ соотвѣтствующія почести, желала до самой смерти остаться вѣрною этой природѣ и избрала способъ смерти, приведенный въ мифѣ объ Астартѣ. О Зиновіи, царицѣ Пальмиры, сообщается, что она смотрѣла на себя, какъ на новое воплощеніе Семирамиды и Клеопатры. Возможно, что и Семирамида была исторической личностью (стр. 134), но то, что о ней разсказывается, и то, что въ древности о ней было извѣстно, суть только мифы объ Иштарѣ (Астартѣ).

Какимъ царь себя чувствуетъ, такимъ онъ и велитъ изображать себя и свои дѣйствія. Легенда, подтверждающая его божественное происхожденіе и давно уже имѣющаяся наготовѣ въ видѣ мифа, еще при его жизни пишется для него на основаніи его успѣховъ и его роскопа, и часто даже нѣтъ нужды, чтобы это сдѣ-

лаль позднѣйшій историкъ. Послѣдній находитъ уже миѳическій матеріалъ въ своихъ источникахъ, въ дошедшихъ до него преданіяхъ, какъ они сложились при жизни героя или непосредственно за этимъ, у преданныхъ ему послѣдователей.

Такъ, у насъ имѣется легенда о Саргонѣ изъ Агадѣ, которая влагается въ его собственныя уста, и которая, несомнѣнно, была составлена при его жизни или вскорѣ послѣ его смерти; и о другихъ царяхъ мы имѣемъ также соотвѣтственныя легенды, которыя, съ увѣренностью можно сказать, официально распространены были ими еще при жизни. Всюду царь (который въ своихъ надписяхъ опредѣленно называетъ имя своего отца!) представляется какъ происхожденія божественнаго, рожденнымъ отъ «неизвѣстнаго» отца или матери-дѣвушки, подкинутымъ, выросшимъ въ чуждыхъ ему условіяхъ, достигшимъ власти благодаря божественной помощи («богиня», Иштаръ-Астарты, начинаетъ его любить). Всегда это одна и та же легенда—о Саргонѣ, Кирѣ, Ромулѣ и др., въ томъ числѣ и о Моисѣѣ. Но она прилагается къ отдѣльнымъ лицамъ не произвольно, а ея внутренней смыслъ заключается въ томъ, чтобы представить данное лицо какъ вновь родившагося бога или создателя новаго золотого вѣка. «Я Саргонъ, могущественный царь, царь изъ Агадѣ. Мать моя была весталка, отецъ мой неизвѣстенъ¹⁾. Братъ моего отца обиталъ на горахъ. Въ городѣ Азупирани, лежащемъ на берегу Евфрата, вынашивала меня моя мать, весталка. Втайнѣ родила она меня. Она положила меня въ сосудъ... который она запечатала смолой и бросила меня въ рѣку. Рѣка понесла меня и принесла меня къ Акки водоносу²⁾. Акки водонось усыновилъ и выростилъ меня. Акки водонось сдѣлалъ меня садовникомъ. Дѣятельность моя, какъ садовника, понравилась Иштаръ, и я сталъ царемъ и царствовалъ 45 лѣтъ»³⁾.

¹⁾ Какъ и отецъ луннаго бога, «родившагося изъ самого себя».

²⁾ Низшая профессія, чернорабочій, который носитъ воду изъ рѣки на пашню.

³⁾ Несомнѣнный историческій фактъ!

Вот хорошо известныя черты легендъ объ упомянутыхъ царяхъ, черты, регулярно повторяющіяся и въ разсказахъ о другихъ. Уясненіе вложенныхъ въ нихъ основныхъ миеологическихъ идей возможно лишь при болѣе подробномъ изслѣдованіи, но одна черта вполне опредѣленно показываетъ сущность восточныхъ миеовъ и легендъ. Акки водоносъ, играющій здѣсь роль пріемнаго отца,—это богъ водной пучины Эа (стр. 103)—и въ равной мѣрѣ, въ концѣ концовъ, то же самое обозначаетъ и его пріемышь, пока послѣдній остается на его попеченіи. Имя Акки значитъ: «я черпаль воду». Но то же значеніе имѣетъ имя Моисей, такъ какъ оно означаетъ «черпающій воду», а не «я вынула изъ воды», какъ объясняетъ Библия согласно общей связи своего разсказа. Мы видимъ, какъ прочна форма всѣхъ легендъ, и какъ всюду повторяются тѣ же мотивы, до буквальныхъ совпаденія.

Совершенно тѣ же мотивы звучатъ въ словахъ одного ассирійскаго царя X вѣка. Онъ въ соответствующей пѣснѣ самъ указываетъ свою родословную: Ассурназирпаль (II-ой), сынъ Самси-Адада, царя Ассиріи,—и однако здѣсь же въ прославленіи Иштаръ звучитъ ясный отголосокъ такого же представленія, какъ у Саргона:

«Я родился среди горъ, которыя никому невѣдомы,
Не зналъ я твоего господства, не молился я тебѣ,
Люди Асура ничего не знали о твоёмъ божествѣ, не молились
тебѣ.

Тогда ты, о Иштаръ, страшная владычица среди боговъ,
Увидѣла меня взоромъ твоихъ глазъ, пожелала, чтобы я сталъ
царемъ,
Вывела меня изъ горъ, сдѣлала меня пастыремъ людей,
Вручила мнѣ праведный скипетръ», и т. д.

Если даже допустить, что царь, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, достигъ трона лишь послѣ продолжительной борьбы, заставившей его раньше вести тревожную и полную лишеній жизнь, то все же самый способъ выраженія свидѣлствуетъ о несомнѣнной связи съ тѣми же представленіями, которыя повторяются въ легендѣ о Кирѣ. Слѣдовательно, здѣсь употреблена опредѣленная форма.

Образъ Семирамиды, какъ мы уже упомянули, имѣетъ,

быть можетъ, историческое основаніе. У насъ есть письменный документъ, свидѣтельствующій о существованіи ассирійской царицы, носившей имя Самурамать. Она была супругой Ададнирари, при которомъ сдѣлана была попытка реформировать культъ (см. ниже, стр. 160). При этомъ, вѣроятно, играла извѣстную роль царица, потому что о ней упоминается здѣсь въ необычной формѣ. Изъ этого можно было бы заключить, что она устранила царя. Какъ бы тамъ ни было, это было бы понятно съ точки зрѣнія восточнаго способа изображенія лишь въ томъ случаѣ, если она при этомъ чувствовала себя и приказывала представлять себя, какъ «Иштаръ», какъ женское божество. Такимъ образомъ, легенды о Семирамидѣ, представляющія свою героиню, какъ Иштаръ, имѣли, возможно, историческое происхождение и подкладку.

Александръ Великій воспользовался этими воззрѣніями уже послѣ первыхъ своихъ успѣховъ на восточной почвѣ. Онъ повелѣлъ объявить себя въ Египтѣ сыномъ бога своего вѣка, бараньеголоваго Юпитера Аммона (стр. 129). Послѣ завоеванія имъ Вавилона эта восточная идея достигла полного господства, и тогдашніе историки должны были изображать Александра въ смыслѣ желаннаго спасителя и основателя новаго вѣка. Исторія Александра была, такимъ образомъ, украшена средствами, взятыми изъ сокровищницы восточныхъ легендъ, и въ каждой своей чертѣ содержитъ указаніе на такое свое назначеніе.

Если въ подобныя легенды вполне несомнѣнно вплетены историческіе факты въ миѣической формѣ, то и обратно, въ явно историческихъ случаяхъ мы можемъ установить, какъ ученіе о божественной природѣ царя непосредственно опредѣляетъ и его дѣятельность. Именно изъ эллинской эпохи у насъ имѣется много примѣровъ этого. Въ Египтѣ царь изъ династіи Птолемеевъ женится на своей сестрѣ, потому что онъ богъ, а оба главныхъ свѣтила суть братъ и сестра. Братомъ и сестрой-близнецами называются у нихъ Геліосъ и Селена, луна и солнце. Изъ Селевкидовъ Селевкъ I разводится съ своей женой Стратоникой и от-

даеть ее въ жены своему сыну Антиоху, такъ какъ первый мiръ родился отъ сына съ матерью (стр. 104). Стратонику же чтуть въ отстроенномъ ею святилищѣ Маббогъ (Гераполисъ) въ Ассиріи, какъ «Астарту», и разсказъ объ этомъ бракѣ и поводѣ къ нему является уже извѣстной раньше легендой объ Иштарѣ. Точно также и Антиохъ обручился со своей (родной) матерью Клеопатрой, которая къ тому же еще именовалась Селена (луна). Извѣстно также притязаніе Антиоха IV Эпифана на божественныя почести, что вызвало у иудеевъ возстаніе Маккавеевъ. И отецъ его Антиохъ Теосъ, «Богъ», велѣлъ оказывать себѣ такая же почести. Онъ умеръ въ Эламисѣ при попыткѣ овладѣть сокровищами храма «Астарты» въ Сузахъ (Нанайя): какъ «супругу» богини ему подобало бы распоряжаться ими. Такъ въ просвѣщенную эпоху эллинизма древнее храмовое ученіе могло однимъ штрихомъ быть переложено въ юмористику. Но въ старое время были менѣе юмористически настроены. Гудеа, князь Лагаша, который жилъ въ послѣдующую за Саргономъ изъ Агадѣ эпоху, принесъ своей «Астартѣ», когда онъ возстановилъ ея храмъ, «свадебные подарки», т. е. приданое, которое по древнему праву давалось, въ качествѣ выкупа, родителямъ невѣсты.

На этомъ основывается происхожденіе или, вѣрнѣе, пожалуй, включеніе самой литературной формы въ систему астрального мировоззрѣнія. Что и хронологія такого изложенія исторіи вполнѣ была приспособлена къ этому, само собою понятно. Ибо счетъ времени принадлежитъ къ самой сущности этого ученія. Здѣсь вступаютъ въ свои права вычисленія вѣковъ, и всюду можно въ различнѣхъ хронологическихъ системахъ древности установить схематическое трактованіе по образцу различныхъ календарей или подраздѣленій мировыхъ цикловъ. При астрологическомъ пониманіи исторіи и всѣхъ событій на землѣ важныя перевороты, новые историческіе періоды должны были безусловно быть предначертаны въ звѣздахъ, слѣдовательно, совпадать съ дѣйствительными мировыми періодами, называемыми какъ разъ вращеніемъ созвѣздій. Задачей

хорошаго историка было доказать ариѳметически эту связь.

И другіе роды литературы выработались подобнымъ же образомъ и оформились уже въ древнѣйшія времена. Сюда относится, напр., животный эпосъ. Происхожденіе его искали главнымъ образомъ въ Индіи. Но онъ уже раньше существовалъ на древнемъ Востокѣ, и какъ индійское ученіе о небесныхъ свѣтилахъ, мірѣ и богахъ обнаруживаетъ древне-восточную схему, такъ и вообще болѣе молодая индійская культура получила, естественно, и свою форму повѣствованія отъ древняго культурнаго міра. Существованіе одного вида литературы на восточной почвѣ еще до сихъ поръ прямо не доказано,—именно драмы, встрѣчающейся впервые на греческой почвѣ. Конечно, слѣдовало бы поставить себѣ вопросъ, не могли ли развиться начатки ея уже въ до-греческую эпоху. Слѣдуетъ лишь въ такомъ случаѣ различать между развитой формой,—которая, конечно, является главнымъ элементомъ въ литературномъ произведеніи,—и матеріаломъ или опредѣленно выраженной идеей. Но послѣдняя и въ драмѣ имѣетъ тѣ же источники, что и въ эпосѣ или въ сказкѣ и легендѣ. И драма рисуетъ божественную дѣятельность, большею частью перенося ея на героевъ, въ ея отношенія къ землѣ и человѣчеству.

Критическіе пункты путей движенія созвѣздіи, установленіе которыхъ является цѣлью календаря, суть п р а з д н и к и. Богъ сотворилъ солнце, луну и звѣзды «для знаменій (sic!), и временъ, т.-е. «праздниковъ», и дней и годовъ» (Бытія. 1, 14). Такіе праздники прежде всего суть критическіе дни движенія луны (новолуніе, полнолуніе) и солнечнаго круга при его уравниваніи съ луннымъ кругомъ, т.-е. четыре праздника четвертой года: двухъ солнцестояній и двухъ равноденствій. Изъ нихъ самый важный—это праздникъ Новаго года (ср. стр. 83).

Подобно тому, какъ міѳологія стремится сдѣлать нагляднымъ для пониманія неученаго появленіе боговъ, т.-е. м і р о в ь, эпосъ—начало міровыхъ вѣковъ, историческая легенда—возникновеніе эпохъ и государствъ

въ ихъ великой астральной міровой связи,—точно также для праздниковъ, для календаря выработано было подобное же средство. Устраивались большія процессы или праздничныя шествія, и въ нихъ для народа и зображался небесный процессъ, представляемый этимъ праздникомъ,—такъ, напр., смерть и воскресеніе божества, побѣда надъ мрачной силой, дракономъ. Такъ, оба храма, въ Борсиппѣ (Зида) и въ Вавилонѣ (Сагила), изображаютъ обѣ половины міра, небесный и подземный міръ. На Новый годъ (весною) праздничное шествіе направляется изъ Борсиппы въ Вавилонъ, чтобы отмѣтить начало господства свѣтлаго небеснаго бога Мардука. Ибо съ наступленія зимняго солнцестоянія «дочери подземнаго міра» начали переселяться въ небесный міръ (стр. 81), а теперь съ равноденствіемъ начинается господство свѣтлой половины года. При этомъ въ праздничной процессіи представлено все, относящееся къ миѳу или къ ученію о годовомъ кругооборотѣ. Представляется при этомъ и корабль, на которомъ лунный или солнечный богъ переплываютъ міровой океанъ. Богъ приплываетъ по каналу, затѣмъ его на корабль, поставленномъ на колеса, везутъ по большой праздничной дорогѣ (представляющей верхнюю часть зодіака) въ святилище Вавилона, «небеснаго міра». Это *car naval*, повозка-корабль, по имени котораго еще и понынѣ называется праздникъ, которымъ кончается старый годъ и начинается новый. (Объясненіе, что карнавалъ значитъ *carne vale* т.-е. прощай мясо, является чисто народнымъ, ненаучнымъ). Существуетъ обычай, что дни свободы во время великаго праздника смѣны года являются днями необузданной свободы, когда весь міровой порядокъ ставится вверхъ ногами. Рабъ превращается въ господина,—такъ изображаетъ намъ этотъ праздникъ уже одна изъ древнѣйшихъ вавилонскихъ надписей. Это—проказы римскихъ Сатурналій (праздникъ зимняго солнцестоянія), а также карнавала. Для дней свободы назначается особый правитель или междуцарь. Существованіе его засвидѣтельствовано у различныхъ народовъ, между прочимъ у арабовъ и римлянъ (*dictator*

clavis figendi causa). Остаткомъ его, соотвѣтствующимъ смыслу исчезнушаго установленія, является Принцъ Карнавалъ, веселый король проказъ поставленнаго вверхъ ногами міра въ дни, когда и боги и обычный порядокъ перестаютъ господствовать.

Сами собою присоединились къ этимъ шествіямъ или должны были возникнуть изъ нихъ нѣкоторыя священные съ ними дѣйствія и драматическія представленія, которыя также имѣли въ виду выразить смыслъ праздника символическимъ изображеніемъ дѣятельности боговъ. Это, слѣдовательно, то же, что у насъ церковныя драматическія представленія, а именно средневѣковыя пасхальныя представленія (Пасха соотвѣтствуетъ вавилонскому Новому году! стр. 89). Совершенно такъ же, какъ и процессіи, они у различныхъ народовъ получили различную форму, но всегда дѣло идетъ о той же основной мысли и той же цѣли. Въ обыкновенной протонародной формѣ они встрѣчаются всюду на землѣ, но высшій расцвѣтъ, едва ли чѣмъ-либо, кромѣ имени, напоминающемъ о первоисточникѣ, они, какъ и всѣ идеалы искусства, получили у грековъ: драма, «дѣйствіе»—въ противоположность простой процессіи—въ своихъ двухъ видахъ, какъ трагедія и комедія, первоначально была и здѣсь праздничнымъ представленіемъ. Трагедія изображаетъ погибшее божество свѣта; это—пѣсня о небесномъ мірѣ или обѣихъ половинахъ луны, о близнецахъ, священнымъ животнымъ которыхъ, какъ мы знаемъ (стр. 100), былъ козелъ (Tragos, трагедія, «пѣснь о козлѣ»); комедія, это пѣсня Komos'а или безшабашной попойки, карнавала,—шуточная пѣсня, распѣвавшаяся на большихъ пиршествахъ. Божество подземнаго міра (солнце) часто выступаетъ, какъ комическая фигура (такъ, напр., египетскій богъ Бесъ; средневѣковый дьяволъ). Различаясь лишь формой, тѣ же сюжеты встрѣчаются въ различныхъ временахъ и въ различныхъ циклахъ культуры. И нашъ театръ маріонетокъ («Kasperlespiel») является таковымъ. Въ немъ злой (черный) хочетъ по вѣ с и т ь (крестъ: стр. 92) добраго (свѣтлаго), но послѣдній вѣшаетъ его самого. Это та же сцена, какъ и еврейское Purim-Spiel,

праздничное представление, сюжетомъ котораго служитъ легенда о праздникѣ того же имени (книга Есѳири). Въ немъ имена дѣйствующихъ лицъ уже указываютъ на ихъ происхожденіе: Мардохай (Мардукъ); Аманъ—имя божества подземнаго міра въ Сузахъ, гдѣ разыгрывается эта вещь, Есѳиръ—это Иштаръ, царица неба. Но цѣлое разработано вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ историческая легенда. На происхожденіе изъ мѣа о міровой борьбѣ Мардука ясно указываетъ также неизбѣжный крокодилъ, угрожающій проглотить Касперле ¹⁾: это—побѣжденная Мардукомъ Тіаматъ (стр. 105). Другой формой той же темы является мимъ, грубое сатирическое представленіе классическихъ народовъ, которое выводитъ тотъ же сюжетъ и тѣхъ же дѣйствующихъ лицъ, что использованы и въ современномъ театрѣ маріонетокъ (Kasperlespiel), и которыя появляются во всѣхъ сходныхъ представленіяхъ у различныхъ народовъ.

Если здѣсь рѣчь идетъ о перевоплощеніи древняго міра идей, оказавшихъ неоспоримо глубокое вліяніе на духовную жизнь даже крайне развитыхъ культурныхъ народовъ, то другія зрѣлища, какъ, напримѣръ, публичныя процессіи, разсчитаны на простодушную неосмысленность народной массы, проявляющей въ игрѣ благочестивую дѣятельность, не зная, что она творитъ. Народный духъ хранитъ въ себѣ всегда много дѣтскаго, а потому игра служить для народа тѣмъ же, чѣмъ для ребенка: изображеніе астральныхъ процессовъ лежитъ въ основѣ игръ, которыми и понынѣ развлекаются еще наши дѣти.

Общественныя большія игры грековъ, какъ олимпійскія, истмійскія и т. д., своимъ повтореніемъ уже указываютъ, что ими заканчиваются различные циклы или *lustrum*'ы (стр. 71); онѣ находятся, слѣдовательно, въ связи съ сущностью календаря и являются «праздниками» (стр. 137). «Состязаніе колесницъ и пѣсенъ» есть символическое повтореніе борьбы или дѣятельности боговъ, такъ какъ искусство пѣнія и его законы въ бы-

¹⁾ Нѣмецкій «петрушка».

лое время также покоились на движеніи созвѣздіи. Средневѣковая легенда о «состязаніи пѣвцовъ» точно сохраняетъ еще это воспоминаніе, она повтореніе тѣхъ же мотивовъ, которые лежатъ, напр., въ арабскомъ, т.-е. собственно персидскомъ преданіи: о состязаніи въ бѣгѣ пяти лошадей, въ которыхъ вполне ясно можно узнать пять планетъ. Въ бѣгѣ berberini во время римскаго карнавала мы также снова встречаемъ эти мотивы.

Легенда о «турнирѣ пѣвцовъ въ Вартбургѣ»—типичная новогодняя легенда. Борятся пять пѣвцовъ, побѣжденный долженъ погибнуть отъ руки палача (быть повѣшенъ, какъ Аманъ!). Генрихъ фонъ-Офтердингенъ поетъ лучше всѣхъ, но благодаря обману объявленъ побѣжденнымъ. (Равнымъ образомъ и въ арабскомъ состязаніи въ бѣгѣ лошадей побѣдительница обманомъ лишается приза). Тогда слѣдуетъ соизволеніе, чтобы волшебникъ (подземный міръ или югъ—это міръ волшебника!) Клиносоръ изъ Семиграда (семь горъ=подземный міръ, стр. 82; Сиѣгурочка на семи горахъ, у семи карликовъ=волшебниковъ, гномовъ) выступилъ въ качествѣ судьи (судья подземнаго міра; Минось, египетскій судъ надъ мертвыми; знакъ Нэбо—противоположенія Мардука,—это знакъ Вѣсовъ, правосудія!). Клиносоръ побѣждаетъ всѣхъ пятерыхъ (Солнце=подземный міръ убиваетъ всѣ созвѣздія, всякій свѣтъ: 5!). Дальнѣйшіе болѣе сложные намеки здѣсь не могутъ быть изложены и объяснены лишь по недостатку мѣста.

Ясно доказано относительно цирковыхъ представленій въ Византіи,—гдѣ они играли еще большую роль, чѣмъ въ древнемъ Римѣ,—что они должны были изображать движенія планетъ, и извѣстные цвѣта (зеленые, синіе и т. д.), служившіе отличительными знаками партій, были цвѣтами планетъ, которые носили лошади (ср. стр. 94). Существуетъ въ Талмудѣ сказаніе, по которому у Соломона,—который, какъ извѣстно, въ позднѣйшей легендѣ является повелителемъ не только земного, но и надземнаго міра,—былъ «ипподромъ». Послѣдній рисуется, какъ подобіе в с е л е н н о й или

неба въ его вращеніи. Такимъ образомъ, циркъ, театръ является также копіей міра, съ своими поднимающимися надъ круглой ареной уступами весь вращающийся вокругъ сидѣнія Соломона, какъ вселенная вокругъ сѣвернаго полюса, сидѣнія божества. Еще до позднѣйшаго времени эти идеи подвергались сознательной обработкѣ въ Византіи. Тамъ существовала и игра въ шары, покоящаяся на той же идеѣ. Шары скатываются по уступамъ міровой горы (которая обозначается, какъ Синай и Хоривъ, т.-е. такъ, какъ она называется въ библейской легендѣ), и имъ приходится при этомъ миновать препятствія (дыры). Они, повидимому, изображаютъ планеты, которыя совершаютъ свой путь по небесной горѣ, зодіаку. Время этихъ игръ—Новый годъ, т.-е. Пасха. Мы увидимъ, что и теперь еще наши дѣти начинаютъ игру въ шары весною.

Въ одной ассирійской надписи говорится о танцахъ при переѣздѣ боговъ въ свой храмъ: провожавшіе «вертѣлись, какъ волчки», сказали бы мы. Соответствующее же ассирійское выраженіе означаетъ: какъ радуга, какъ зодіакъ (одно и то же, стр. 94) и буквально: какъ «роща неба». Роща неба—это рай, посреди котораго стоятъ древо жизни и древо познанія, оба обозначаемыя въ другихъ легендахъ, какъ луна (=жизнь) и солнце (=знаніе и смерть). Онъ—подобіе міровой горы съ двумя вершинами, или, вѣрнѣе, онъ—эта самая гора. Онъ изображается въ видѣ зодіака, надъ которымъ высится сѣверное небо съ его центромъ, сѣвернымъ полюсомъ. Вокругъ послѣдняго кружится «небесная роща», а на немъ возсѣдаетъ на тронѣ божество, какъ вокругъ Соломона, сидящаго на тронѣ, кружится его циркъ. Вся картина представляетъ собою волчокъ, грани котораго изображаютъ уступы зодіака, надъ (подъ) ними же высится сѣверное небо. Обыкновенно на немъ обозначены и цвѣта, указывающіе на зодіакъ и радугу. Является ли музыкальный волчокъ простой игрушкой или выражаетъ также гармонию сферъ (стр. 91), этотъ вопросъ приходится оставить открытымъ. Во всякомъ случаѣ игра въ волчокъ свя-

зана со временемъ года, совпадающимъ съ вавилонскимъ Новымъ годомъ, она неизмѣнно повторяется каждую весну.

Другую хорошо извѣстную игру нашихъ дѣтей можно, пожалуй, лучше всего обозначить какъ и г р у в ь В о з н е с е н і е. Собственно вознесение—это кульминація, у солнца, стало быть, солнцестояніе, когда оно достигаетъ своей высшей точки стоянія. Первоначально это время паденія звѣздъ или «сошествія небеснаго огня» (стр. 100). Въ библейской легендѣ о состязаніи пророка Иліи съ жрецами Ваала (III Кн. Царствъ, 18) послѣдніе, кружась и прихрамывая вокругъ алтаря, стараются этимъ низвести съ неба огонь. Это хроманіе имѣетъ свое астральное происхождение, стоитъ вспомнить хоть хроманіе дьявола, кузнеца Виланда, одного изъ обоихъ козловъ (стр. 100) Тора. Игра въ Вознесение состоитъ въ томъ, что прыгаютъ въ фигурѣ изъ 5 или 7 отдѣленій (а также изъ 12, въ такомъ случаѣ=знакамъ зодіака) и подталкиваютъ ногою камень, который нужно протолкнуть въ небо черезъ бѣлую мѣшающую черту, адъ. Это образъ зодіака изъ семи уступовъ, который доходитъ до области огня, надъ нимъ небо, гдѣ возсѣдаетъ на тронѣ божество. Царство огня, адъ, нужно миновать, иначе грозитъ гибель міра въ огнѣ.

Такъ унаслѣдованныя отъ глубокой древности символическія дѣйствія и понинѣ сохранили слѣдъ своего былого значенія. Всюду въ мірѣ встрѣчается нѣчто подобное, и всюду можно опознать связь съ картиной міра, съ наблюденіемъ неба, т.-е. съ религіей.

Впрочемъ, то же самое можно, вѣроятно, сказать о большинствѣ азартныхъ игръ или игръ для времяпрепровожденія, какъ карты и т. п. Принципіальная разница между ними и дѣтскими играми по существу врядъ ли существуетъ. Самыя сложныя изъ нихъ, пожалуй, суть игры, связанныя съ календаремъ или дѣленіемъ небеснаго круга. Игра въ кости съ ея 3×6 , какъ высшимъ очкомъ, сейчасъ же заставляетъ вспомнить обоснованіе «числа человѣка» ($216=6^3$; стр. 112), особенно если принять во вниманіе, что по пифагорейскому уче-

нію игральная кость есть образъ совершенства. Связь между карточной игрою и звѣзднымъ небомъ даетъ также основаніе для предсказанія по картамъ, «гаданія на картахъ», она въ такомъ случаѣ является какъ бы перенесенной на карты астрологіей. Гаданіе производится и на многихъ другихъ предметахъ, но всюду можно узнать связь съ астрологіей или съ утварью, играющей роль въ культѣ, а потому и имѣющей какое-нибудь отношеніе къ картинѣ неба.

Большую роль играетъ ворожба на блюдѣ и гаданіе по чашѣ. На послѣднее есть, напр., указаніе въ библейскомъ разсказѣ о Іосифѣ: онъ велитъ положить въ мѣшокъ Веніамина свою чашу, на которой онъ обыкновенно гадаетъ. Ворожба на блюдѣ часто встрѣчается и въ восточныхъ сказкахъ. Чародѣй заставляеть того, кого нужно заморозить, опустить свое лицо въ воду, и тогда тому кажется, что онъ въ одно мгновеніе пережилъ долгіе, полныя приключеній годы. Есть свидѣтельства и о другихъ приемахъ, которые опять-таки служатъ яснымъ выраженіемъ идеи о «соотвѣтствіи». Въ легендахъ объ Александрѣ упоминается чародѣй, уничтожающій непріятельскіе корабли тѣмъ, что пускаетъ въ блюдѣ маленькіе корабли и уничтожаетъ ихъ. Это чародѣй *in effigie*. И лицо, которое нужно заколдовать, постоянно изображается въ видѣ маленькой фигурки (Адамова голова). Кто окунаетъ свое лицо въ воду, является въ нѣкоторомъ родѣ созвѣздіемъ, которое совершаетъ свой кругооборотъ и переживаетъ его судьбы,—онъ такимъ образомъ включаетъ себя въ великій круговоротъ міровъ. Чаша и блюдо—это двѣ главныхъ формы, въ которыхъ изображается луна (новая луна и полная луна), слѣдовательно здѣсь мы имѣемъ дѣло съ идеей о волшебствѣ, тѣсно связанномъ съ культомъ луны.

На томъ же принципѣ покоится другое чародѣйство, существованіе котораго засвидѣтельствовано особенно въ Египтѣ. Алфавиту приписывается магическая сила, и имъ пользуются въ цѣляхъ составленія мистическихъ формулъ для излеченія болѣзней и т. п. Въ Италіи и Африкѣ извѣстны такіе же магическіе алфавиты. Именно эти

алфавиты содержать 22 буквы, какъ алфавитъ финикійскій, или 24. Этимъ самимъ намъ и дается ключъ къ объясненію: 22 или 24 буквы алфавита, какъ и все въ восточной наукѣ, оказываются поставленными въ связь съ дѣленіемъ неба. Онѣ распределены по л у н н ы м ъ с т а н ц і я м ъ, которыя онѣ и олицетворяютъ, и на которыя намекаютъ ихъ названія. Такимъ образомъ, и это чародѣйство есть своего рода астрологія.

Такъ игры и праздничные обычаи сплетаются между собою. И человѣческая жизнь также является кругооборотомъ, такъ какъ, вѣдь, человѣкъ—микрокосмъ. Поэтому и начало его жизни, смотря по взятому въ основаніе міровому направленію, таинственно сопричащается одному изъ тѣхъ двухъ элементовъ, которые обозначаютъ противоположные пункты вселенной: сѣверу или югу, огню или водѣ (стр. 113). Ближайшая опредѣленная точка послѣ начала кругового движенія—это точка равенствія, которой въ движеніи луны соотвѣтствуетъ фаза половины луны. Въ жизни человѣка это какъ бы вступленіе въ юношескій возрастъ, когда мальчикъ принимается въ ряды взрослыхъ, получаетъ *toxa virilis*. Слѣдующая точка—это солнцестояніе, которому у луны соотвѣтствуетъ полнолуніе. Въ мифологіи это праздникъ обрученія обоихъ великихъ свѣтилъ или заключеніе брака, при которомъ въ то же время имѣетъ мѣсто «прохожденіе» черезъ огонь. Поэтому-то о б р у ч е н н ы я п а р ы прыгаютъ черезъ огни Ивановой ночи. По древне-вавилонскому воззрѣнію, яркая луна одѣта въ корону, съ которой она во время полнолунія совершенно снимаетъ покрывало. Корону замѣняетъ иногда вѣнокъ (большей частью изъ золота), который есть знакъ радости (и также торжествующей побѣды). Напротивъ, затменіе луны представляется, какъ покрытіе ея шапкой или чепцомъ, ш а п к о й - н е в и д и м к о й германской мифологіи, дѣлающей невидимымъ того, кто ее носить. Въ восточной мифологіи, сообразно съ климатомъ, это большей частью покрывало, которое также закрываетъ отчасти ея свѣтъ. Такой же смыслъ имѣетъ изображеніе луны слѣпою (новолуніе) или одноглазой (четверть

луны). Такъ, Воданъ, о т е ц ъ боговъ (луна, какъ отецъ боговъ, стр. 88), большей частью является одноглазымъ: «шляпа была сильно нахлобучена на его лицо». Далѣе, лучи солнца и полной луны изображаются въ видѣ ихъ волось (златоволосыя дѣйствующія лица миеовъ и сказокъ; золотая Марія и смоляная Марія, т.-е. черная Марія. Полная луна, какъ человекъ въ расцвѣтѣ силъ, имѣетъ густые волосы, убывающая луна—плѣш и в а. На свадьбѣ невѣста носитъ вѣнокъ—часто корону—и п о к р ы в а л о. Послѣ бракосочетанія она одѣваетъ капоръ или ч е п ч и к ъ. Такъ какъ, начиная съ полнолунія, луна (солнце послѣ солнцестоянія) начинаетъ терять «волосы», то и при вступленіи въ бракъ остригаютъ волосы въ видѣ жертвы. Еще и понынѣ предписываетъ обычай это у евреевъ, у которыхъ на свадьбѣ женщинѣ остригаютъ волосы. Священническая тонзура у католиковъ (посвященіе Небесной невѣстѣ) того же происхожденія.

Мотивъ покрывала является, естественно, и мотивомъ закутаннаго образа Саисъ. Послѣ снятія покрывала оба свѣтила идутъ навстрѣчу «смерти». Луна убываетъ, солнце снова сходитъ въ небесную «бездну», въ южные знаки зодіака. Миѣ этотъ встрѣчается въ многообразныхъ формахъ. Въ Месопотаміи нѣсколько лѣтъ назадъ найдена была статуя Иштаръ, которая даетъ рѣшеніе трудной задачи изобразить закутанное лицо. Это—Иштаръ съ покрываломъ, т.-е. небесная невѣста, готовая принять своего супруга.

БИБЛЕЙСКАЯ РЕЛИГИЯ И ДРЕВНИЙ ВОСТОКЪ.

Въ нашей религіи никогда не заглаживались слѣды ея восточнаго происхожденія, и этимъ всегда давалось сильное побужденіе ближе рассмотреть само это древнее наслѣдство съ его собственными связями и корнями (стр. 48). Интересъ къ древнему Востоку не является чисто историческимъ: онъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ интереса къ религіи или, по крайней мѣрѣ, къ Библии, которая каждого человѣка познакомила по меньшей мѣрѣ съ нѣсколькими фактами или именами древневосточной исторіи. Но знакомство съ процессомъ развитія древняго Востока и открытіе его самобытнаго, столь отличнаго отъ нашего, идейнаго міра должно было, въ свою очередь, повліять на пониманіе процесса развитія и этого самаго важнаго для насъ духовнаго его приобрѣтенія. До сихъ поръ намъ приходилось почти исключительно ограничиваться самимъ библейскимъ преданіемъ, которое не имѣло въ виду рисовать свое отношеніе къ культурѣ великаго Востока,—уже по одному тому, что это отношеніе являлось для него само собою понятнымъ. Теперь мы въ состояніи распознать, въ какомъ тѣсномъ взаимоотношеніи къ учрежденіямъ и представленіямъ тогдашняго міра стояла та борьба идей, которая воспринимается нами теперь лишь въ образѣ нарастанія успѣховъ библейской религіи. Всякій прогрессъ человѣчества въ духовной области о т в о е в ы в а е т с я борьбой съ существующимъ: онъ исходитъ отъ господствующихъ представленій, связываетъ себя съ ними, отвергаетъ ихъ, исправляетъ и пытается по-

ставить на ихъ мѣсто новое, лучшее, — онъ формируется въ борьбѣ, такъ какъ встрѣчаемое сопротивление побуждаетъ все къ новому и новому изслѣдованію основъ новаго воззрѣнія; совершенно такую же связь съ окружающимъ міромъ древняго Востока мы можемъ теперь установить и для библейской религіи. Это приводитъ къ совершенно другому пониманію религіи, которое прежде всего и почти исключительно направлено, конечно, на ея внѣшнія, мірскія отношенія, но по этому самому имѣетъ огромную важность и для болѣе глубокаго истолкованія ея сущности. Разсмотрѣніе всѣхъ новыхъ точекъ зрѣнія и приобрѣтенныхъ знаній въ ихъ общей связи должно было составить, конечно, предметъ самостоятельнаго большого труда, и въ этихъ краткихъ очеркахъ могутъ быть даны лишь руководящія идеи, въ которыхъ сказывается вліяніе на наше пониманіе библейской религіи вновь установленныхъ ея отношеній къ древне-восточному культурному и духовному міру.

Мы привыкли говорить объ израильской (или іудейской) религіи, «дополненіемъ» которой, по христіанской концепціи и по свидѣтельству Евангелій, является затѣмъ религія христіанская. Если вмѣсто этого мы выше сказали «библейская», то это выраженіе употреблено намѣренно для обозначенія новой несогласной съ прежней концепціи. Согласно господствовавшему до сихъ поръ воззрѣнію, доведенному какъ разъ благодаря критическому изслѣдованію библейской древности до явной крайности, религія, которой учить Библія, считалась исключительнымъ духовнымъ достояніемъ народа израильскаго. По этому воззрѣнію, народецъ этотъ, игравшій въ политическомъ отношеніи незначительную роль въ вѣчно волнующемся морѣ народовъ Востока, начавъ отъ низшихъ ступеней культуры, такъ называемой кочевой жизни, прошелъ, послѣ переселенія въ свою страну, всѣ отдѣльныя стадіи планомѣрной вполнѣ естественной эволюціи и, вопреки своей культурной отсталости, развилъ религіозныя идеи, возвысившія его надъ всѣми народами окружающаго культурнаго міра. При этой концепціи на-

ходились подъ вліяніемъ возрѣнія, что древне-восточные народы выработали каждый для себя собственную культуру, и что границы отдѣльныхъ странъ и языковъ замыкали въ себѣ столько же отдѣльныхъ маленькихъ міровъ. Но это само по себѣ совершенно невозможно. Никогда и нигдѣ языки и политическія границы не образовывали загоронокъ для культурныхъ сношеній народовъ, и всегда и всюду торговля сношенія, удовлетвореніе потребностей и обмѣнъ продуктовъ, выходятъ за предѣлы этихъ границъ и охватываютъ настолько широкія области, что ихъ трудно связать даже и современными средствами сообщенія.

У насъ теперь имѣются прямыя доказательства такихъ сношеній древне-восточныхъ народовъ между собой (стр. 27). Въ сущности, эти доказательства не говорятъ ничего такого, что не было само собой понятно изъ законовъ жизни народовъ, но все же, когда они стали извѣстны, они возбудили величайшее изумленіе, и лишь изъ нихъ наука почерпнула мужество разсматривать и народы древняго Востока съ тѣхъ же точекъ зрѣнія, которыя, собственно говоря, приложимы къ жизни всякаго народа безъ исключенія. Только благодаря этому оказалось возможнымъ распознать единый міръ идей за разнообразными одеждами, въ которыя различныя языки и преданія облакаютъ мысли, и отказаться отъ концепціи, будто каждый отдѣльный культурный народъ древняго Востока развилъ и выработалъ самостоятельно, независимо отъ другихъ, свою собственную культуру и свой собственный духовный міръ.

Согласно съ этимъ и библейскій міръ идей является связаннымъ со всѣмъ восточнымъ такими тѣсными отношеніями, которыя уже не позволяютъ разсматривать его внѣ этой связи. Между тѣмъ какъ раньше на явно родственныя легенды, на совпаденія съ извѣстными разсказами «первобытной исторіи» (особенно бросается въ глаза тожество разсказовъ о потопѣ) смотрѣли лишь, какъ на заимствованіе отдѣльныхъ сказаній, теперь, напротивъ, оказывается, что даже основная идея библейской религіи обусловлена сущностью древне-восточныхъ религій. Какъ, собственно говоря, во в с ѣ хъ

болѣе высокихъ религіяхъ, такъ и въ древне-восточныхъ имѣется идея о единомъ великомъ божествѣ, которое стоитъ надъ всѣми своими многообразными формами проявленія или позади нихъ (стр. 57). Но эта идея—достояніе ученыхъ, народъ познаетъ ее лишь въ томъ видѣ, въ какомъ ее сообщаетъ миѳология или культъ, и поэтому многообразныя формы проявленія божества превращаются въ его глазахъ въ столь же многочисленныхъ боговъ. Это—сущность всѣхъ древне-восточныхъ религій и противъ нихъ направлена библейская заповѣдь: «Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія» (! другія формы изображенія) и «Я, Господь, Богъ твой, сильный единый Богъ»—вотъ ея руководящія положенія. Не только священникъ и посвященный обязанъ за статуями боговъ или за небесными тѣлами въ великомъ мировомъ пространствѣ различать управленіе сверхчужденнаго божества, но долженъ это сознать и каждый простой человѣкъ. А чтобы помѣшать народу впасть въ постоянно повторяющуюся ошибку смѣшенія изображенія и божества, запрещается всякое «поклоненіе иконамъ». Такимъ образомъ, библейская религія въ этомъ отношеніи представляетъ то же самое, что и разнообразныя иконоборческія движенія въ другихъ религіяхъ. Исламъ также серьезно отнесся къ этому, между тѣмъ какъ христіанство, придерживаясь народныхъ представленій, было менѣе строго и не всегда могло заставить народъ обойти этотъ подводный камень. Именно культъ святыхъ сопровождается явленіями, которыя иногда въ состояніи затруднить рѣшеніе вопроса, какъ опредѣлить разницу представленій у темныхъ народныхъ массъ о христіанскомъ «святomъ», съ одной стороны, и отдѣльнымъ «богъ» политеизма, съ другой, и различіе въ отношеніи ихъ къ «великому богу» священника. Фактически и святые въ христіанствѣ, какъ и въ исламѣ,—которому также пришлось въ этомъ заплатить свою дань народному духу,—заняли мѣсто старыхъ боговъ, и мѣста ихъ культа большей частью суть древнія святилища, съ которыми связаны еще древнія преданія, миѳы и легенды о богахъ.

Какъ всѣ движенія, идущія вразрѣзъ съ существующимъ порядкомъ, и библейское ученіе отбросило многое изъ старыхъ знаній, чего его представителямъ вначалѣ, быть можетъ, не удалось вполне усвоить. Вся ученость древняго Востока ему неприятна. Конечно, и это ученіе не можетъ обращаться къ современному ему человечеству, не принимая во вниманіе его идейнаго міра. Тамъ, гдѣ вся наука мыслила астрально и космологически, нельзя было давать никакихъ обоснованій и ученій, не прибѣгая къ языку и формѣ мышленія этой науки: но астральная сущность по возможности отодвигается въ сторону и трактуется вкратцѣ, пожалуй, даже избѣгается. Уже первая глава Библии въ исторіи о сотвореніи міра показываетъ намъ тотъ же міръ представленій, который развитъ былъ древнимъ Востокомъ, но онъ трактуется лишь кратко, при чемъ насколько только возможно избѣгается включеніе астральныхъ или астрологическихъ ученій. Для новаго ученія эта наука нѣчто такое, чему оно противустоитъ недружелюбно, пожалуй, даже съ презрѣніемъ. То же самое мы встрѣчаемъ всюду, гдѣ новое движеніе въ народѣ ищетъ опоры противъ общественныхъ классовъ, властвующихъ силой и знаніемъ.

Но въ одномъ пунктѣ и новое ученіе не могло освободиться отъ той атмосферы, которой дышала древняя духовная жизнь. Чтобы г о в о р и т ь, оно должно было пользоваться тѣми же средствами, которыя работали раньше до него. Хотя новое духовное движеніе создаетъ себѣ нѣкоторыя новыя формы выраженія, равно какъ и новыя формы мышленія, но оно не можетъ порвать со всѣмъ тѣмъ, что господствовало раньше. Иначе новый пророкъ встрѣтилъ бы пониманія еще меньше, чѣмъ онъ обычно и вообще встрѣчаетъ у толпы. Поэтому и Библия прибѣгаетъ къ формамъ изображенія, сказа и исторической концепціи, принятымъ на древнемъ Востоку. И она считаетъ свои историческіе періоды по цикламъ, и она рассказываетъ л е г е н д а м и. И образныя украшенія этихъ легендъ она взяла изъ тѣхъ же источниковъ и съ тѣмъ же намѣреніемъ, что и остальной Востоку. Если легенда о

Саргонъ изъ Агадэ (стр. 133) носить тѣ же черты, что и легенда о Моисеѣ, то здѣсь передъ нами какъ бы полная аналогія съ тѣмъ музыкальнымъ построениемъ, когда при п о я в л е н і и героя выдвигается опредѣленный музыкальный м о т и в ъ: герою легенды этимъ тотчасъ же указывается его мѣсто въ развитіи народа; новый періодъ исторіи начинается съ Саргономъ, Моисеемъ, Киромъ, Ромуломъ.

Нѣтъ надобности подробно доказывать, какой большой легендарный матеріалъ содержится въ Библии, матеріалъ, постоянно вызывавшій критику съ точки зрѣнія современныхъ представленій. Кто не вѣрилъ подѣтски, тотъ легко цѣликомъ отбрасывалъ все, казавшееся ему неправдоподобнымъ. Пониманіе сущности легенды показываетъ намъ, что вплетеніе м и е и ч е с к и х ъ м о т и в о в ъ принадлежитъ къ самому существу древняго искусства повѣствованія, и что нельзя вмѣстѣ съ ними отвергать и все содержаніе преданія. Библейскіе рассказы не могутъ говорить языкомъ нашей современной исторической науки, обращающейся къ кругу читателей, научившихся мыслить научно абстрактно. И теперешнее популярное изложеніе исторіи также не можетъ обойтись безъ легенды и невольно прибѣгаетъ къ ея посредничеству, когда желаетъ сдѣлать нагляднымъ для дѣтскаго мышленія значеніе крупныхъ фактовъ. Такимъ образомъ иногда и теперь еще легенда является для популярнаго изложенія то средствомъ изображенія, то иллюстраціей. Если картина, изображающая битву, во всѣхъ ея подробностяхъ вытекаетъ изъ свободной фантазіи художника, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что все ея содержаніе, само изображенное событіе, невѣрно исторически, и если въ Германіи народу изображаютъ Бисмарка въ видѣ Роланда, то этимъ хотятъ вызвать представленіе о его значеніи, о роли, которую тотъ игралъ въ жизни своего народа. Слѣдовательно, здѣсь пользуются миеологическимъ способомъ изображенія. Изобразительное искусство еще до сихъ поръ не могло у насъ обойтись безъ такихъ вспомогательныхъ средствъ, поэзія пользовалась ими еще въ эпоху Шиллера и

Гёте,—такъ и для древняго Востока миѳологія была средствомъ художественнаго изображенія историческихъ событій. «Легенда»—это форма, въ которой «читается», т.-е. рассказывается событіе. Для этого оно нуждается въ живости, наглядности. Лишь сухая, хронологическая лѣтопись можетъ отказаться отъ этого. Но послѣдняя предназначена только для архива, на пользованіе посвященнымъ.

Итакъ, пониманіе древне-восточной легенды, какъ составной части общаго міропониманія, научило насъ разсматривать и библейское преданіе съ этой точки зрѣнія и дало намъ возможность увидѣть историческое зерно и тамъ, гдѣ иначе современный умъ не могъ бы найти ничего, кромѣ нелѣпости. Въ особенноти это вѣрно по отношенію къ преданіямъ о древнѣйшихъ временахъ, гдѣ особенно выступаютъ эти элементы, какъ всюду и у всѣхъ народовъ. И если мы оставимъ въ сторонѣ эти элементы, являющіеся, слѣдовательно, лишь своеобразными средствами изображенія, и спросимъ себя о самой идеѣ, которую здѣсь хотятъ выразить,— то получится то же содержаніе развитія религіи, которое мы должны были предположить на основаніи остальныхъ законовъ жизни народовъ, и которое мы можемъ прослѣдить на разнообразныхъ другихъ религіяхъ, развитіе которыхъ освѣщено исторіей. То, что библейское преданіе по-своему облакаетъ въ форму легенды о патріархахъ, является преданіемъ о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя библейская идея бога стала къ древне-восточнымъ культурамъ. Авраамъ, основатель религіи и «родоначальникъ» народа израильскаго, по преданію, в а в и л о н я н и н ѣ, покидающій свою родину, чтобы жить согласно своей вѣрѣ. Его родной городъ—это Урь въ Халдеѣ, самый важный и значительный среди древнихъ центровъ культа страны «Сумера и Аккада», гдѣ чтился лунный богъ, который въ кругу древне-вавилонскихъ боговъ играетъ первостепенную роль, «отца боговъ», и фазы котораго по преимуществу даютъ твердыя нормы для наблюденія созвѣздій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для ученія о богахъ (стр. 78). Такимъ образомъ, пре-

даніе представляет себѣ Авраама, какъ дитя этого города, воспитанное въ его древней мудрости и его ученіяхъ, какъ дитя своей страны и своего времени. А это время, по наивѣроятнѣйшему толкованію, есть время Хаммураби (стр. 24), имя котораго искажено было въ Амрафель (Бытія. 14). Итакъ, по этой концепціи, Авраамъ выросъ на вавилонскомъ міропониманіи и религіи, и изъ протеста противъ всего окружающаго его создалъ свою собственную религію. Онъ направился въ страну, гдѣ ничто не препятствуетъ ему спастись по собственному его усмотрѣнію. При скудости преданія, приходится здѣсь призвать на помощь судьбы другихъ пророковъ новыхъ религіи и ученій, чтобы представить себѣ наглядно дальнѣйшій ходъ мыслей библейскаго сказанія, что, быть можетъ, и само собой уже напрашивалось каждому читателю. Изъ страны, гдѣ Авраамъ нашель подходящее мѣсто для укорененія своей «ереси», судьба привела «патріарховъ» народа израильскаго въ Египеть, другую изъ двухъ руководящихъ культурныхъ странъ, и при этомъ опять приходится вспомнить о томъ времени, когда и въ политическомъ отношеніи мѣсто Вавилоніи игралъ первую роль Египеть,—о времени 18-ой и 19-ой династій, когда онъ господствовалъ надъ Палестиной и Сиріей (стр. 26). По крайней мѣрѣ тогда сдѣлана была въ Египтѣ при Аменофисѣ IV попытка монотеистической реформы культа. Конечно, это былъ монотеизмъ совершенно въ духѣ египетскаго и древне-восточнаго ученія, съ идеей о солнечномъ богѣ, какъ единственной формѣ откровенія божества, и съ фараономъ, какъ его земнымъ воплощеніемъ,—въ центрѣ; но все же это была попытка устранить многочисленныхъ боговъ и разнообразіе культовъ, и библейское преданіе, повѣствующее объ аналогичныхъ явленіяхъ, могло, весьма вѣроятно, имѣть въ виду какъ разъ эту попытку. Къ этому нужно прибавить, что, повидимому, человѣкъ ханаанскаго происхожденія дѣйствительно игралъ при дворѣ Аменофиса IV роль, соотвѣтствующую той, которая въ Библии приписывается Иосифу.

По преданію, «народъ» израильскій организуется,

какъ таковой, въ Египтѣ, чтобы затѣмъ, подѣ влияніемъ невыносимыхъ условій, эмигрировать оттуда и найти новую родину въ Палестинѣ. Но окончательныя формы своей религіи онъ получаетъ въ дорогѣ, въ «пустынѣ», на которую до сихъ поръ смотрѣли, какъ на незатронутую никакой культурой. Теперь мы знаемъ, что уже въ разсматриваемое время древняя Аравія имѣла собственную культуру съ письменностью и всѣмъ тѣмъ, что составляетъ особенность древне-восточной культуры. Конечно, мы здѣсь не можемъ еще думать о томъ, чтобы установить непосредственную, преемственную связь. Правда, имѣется обильный матеріалъ для исторіи древне-арабскихъ культуръ, обѣщающій богатые результаты, однако за недостаткомъ денежныхъ средствъ онъ не сталъ еще научно доступнымъ во всемъ его объемѣ, въ какомъ его получили благодаря изысканіямъ на мѣстахъ, и ему грозитъ участь погибнуть въ Европѣ. Но даже изслѣдуя только идею самаго преданія, какъ она раскрывается теперь передъ нами, врядъ ли можно упустить изъ виду, что это преданіе желаетъ связать моисеево законодательство скорѣе съ древней культурой Аравіи, чѣмъ съ безлюдіемъ пустыни. Въ совѣщательной роли, отведенной въ одномъ случаѣ Іовору, «тестю» Моисея (Исходъ. 18), содержится, по видимому, обломокъ нѣкогда весьма, содержательнаго сказанія. Если духовный отецъ народа религіи Ягве приводится въ соприкосновеніе съ представителями этихъ мѣстностей, если его родъ представляетъ, по видимому, смѣсь представителей древней Аравіи и Израиля, то и легенда должна по-своему выражать этимъ отрывочнымъ извѣстіемъ ту связь, которая существуетъ между религіей Израиля и древне-арабской культурой. Она учитъ этому и другимъ еще образомъ: мѣсто, гдѣ являеть себя Ягве, Синай¹⁾, лежитъ не въ обѣтованной странѣ, но также въ арабской области, входившей нѣкогда въ сферу арабской культуры.

¹⁾ Синай, по старому воззрѣнію, не теперешняя гора Синай— которая была признана таковой лишь въ христіанскую эпоху;— но мѣстонахождение его нужно предполагать на югъ отъ Іудеи, на арабской почвѣ.

Воззрѣніе самой Библии указываетъ намъ этимъ на нѣчто такое, что мы можемъ и безъ того неоднократно наблюдать на Востокѣ. Библейская религія не есть духовное достояніе кочевавшаго нѣкогда народа Израиля, какъ допускаетъ критическое изслѣдованіе, а наоборотъ,—если и не самъ народъ израильскій, то, безусловно, іудейство есть продуктъ библейской религіи. Подобно тому какъ само христіанство или даже исламъ выросли на почвѣ древне-восточныхъ культуръ и религій, являющихся ихъ предпосылками; подобно тому какъ они въ видѣ духовнаго движенія распространились по всѣмъ странамъ восточной культуры, что мы можемъ установить и въ столь многихъ другихъ случаяхъ,—точно такъ же и духовное движеніе, носительницей котораго является библейская религія, выросло на почвѣ восточной культуры, сначала имѣя видъ узкой религіозной секты, затѣмъ получившей широкое распространеніе повсюду. Израиль и Іуда не единственные носители этой религіи, но здѣсь сдѣланы были неоднократныя попытки ввести религію Ягве, правда, какъ и сама Библия отмѣчаетъ, безъ длительного успѣха. Но все же руководящія умы этой религіи въ той ея формѣ, которую она въ концѣ концовъ выработала, появились въ Іудѣ, и здѣсь—подъ влияніемъ историческихъ условій, знакомыхъ намъ лишь отчасти,—совершилось окончательное ея развитіе, или созданъ ея земной центръ. Совершенно сходныя явленія мы встрѣчаемъ въ различныхъ повторныхъ движеніяхъ ислама. Удивительнымъ образомъ эти послѣднія находятъ себѣ часто почву въ области Сиріи и Палестины. Даже вплоть до настоящаго времени Сирія является страной сектъ и религій, которая одновременно являются и формами политической организациіи и объединяють своихъ послѣдователей въ обособленныя группы, отдѣляющія ихъ отъ остальнаго населенія и часто приводившія къ образованію отдѣльныхъ государствъ¹⁾. Такъ, напр., это было съ средне-

¹⁾ Лишь мелькомъ можно было указать выше на секту пиагорейцевъ, которая представляетъ такое же явленіе въ Великой

вѣковыми ассаминами, которые были широко распространены на Востокъ и образовывали государство внутри другихъ государствъ. Друзы, происхождение которыхъ относятъ къ Хакиму, одному египетскому калифу, составляютъ особый народъ въ Сиріи и временами имѣли также собственную политическую организацію, которая была уничтожена лишь турецкимъ правительствомъ. О сектѣ носсейритовъ намъ еще придется говорить въ другомъ мѣстѣ, другая секта, чувствующая себя также на сирийской почвѣ отдѣльнымъ народомъ, это—секта мутавиловъ. Всѣ они образуютъ во всѣхъ отношеніяхъ явленіе, совершенно параллельное съ тѣмъ, о которомъ, по нашей концепціи, свидѣтельствуетъ библейское преданіе, говоря о процессѣ развитія библейской религиозной общины. Такимъ образомъ, послѣдняя развивалась совершенно такъ же, какъ христіанство, и только такъ безъ труда можно объяснить, что уже спустя одно поколѣніе послѣ разрушенія Іерусалима іудейство выступаетъ какъ могущественная партія въ вавилонскомъ и ассирийскомъ царствѣ. Вѣдь бесчисленные народности и государства пережили такую же судьбу, какъ народъ Іуды и Іерусалима. При возстаніяхъ противъ господства ассирянъ лучшая часть населенія была переселяема въ другія части государства, у страны отнималась ея собственная администрація, у государства — его національная самостоятельность, и

Греція въ ту эпоху, когда противорѣчіе между греческимъ міромъ и Востокомъ не вызвало еще того великаго раскола, который привелъ къ раздѣленію обоихъ духовныхъ міровъ. Наше средневѣковье также показываетъ намъ нѣсколько подобныхъ явленій, вызванныхъ религиознымъ возбужденіемъ, слѣдовательно, опиравшихся на восточныя формы мышленія и организаціи. Конечно, какъ только они стали захватывать окружающее, они всѣ тотчасъ же подверглись судьбѣ пиагорейства; матеріальный расцвѣтъ ихъ вызвалъ тренія съ тѣмъ міромъ, внутри котораго они существовали, какъ обособленныя организаціи, и они были подавлены силой. Можно указать здѣсь на альбигойцевъ, вальденцевъ, таборитовъ и т. п. Всѣ они, исходя изъ религіознаго, т.-е. древне восточнаго способа мышленія, занимали обоснованіе своей свѣтской формы организаціи изъ религіознаго ученія.

оно обращалось въ ассирійскую провинцію. Всегда потерпѣвшимъ приходилось подчиниться своей судьбѣ, и нигдѣ такая оторванная отъ родной почвы народность не играла уже самостоятельной роли. Лишь населеніе Іерусалима и его увезенный въ плѣнъ къ вавилонскому двору царь (Іоахинъ) съ самаго начала не отказываются отъ надежды на «возвращеніе», т.-е. на восстановленіе государства и народа Іуды и оказываются въ состояніи работать надъ этимъ при дворѣ вавилонскаго царя. Слѣдовательно, тамъ существовала партія, предстательствовавшая за нихъ. И послѣ смерти разрушителя Іерусалима, Навуходоносора, эта партія дѣйствительно добилась тотчасъ пересмотра процесса противъ царя Іоахина, и послѣдній былъ оправданъ новымъ вавилонскимъ царемъ (Эвиль-Меродахомъ), т.-е. рѣшено было восстановить Іудею. Сверженіе Эвиль-Меродаха помѣшало осуществленію этого рѣшенія, бывшаго, вѣроятно, причиной того недовольства, которое господствовавшая при Навуходоносорѣ старая партія питала къ его сыну. И когда лѣтъ двадцать спустя Киръ началъ затягивать свою сѣтъ замысловъ вокругъ Вавилоніи (стр. 34), іудейство (въ плѣсняхъ второй части Ісаи) встрѣтило его ликованіемъ въ увѣренности, что онъ будетъ его «спасителемъ». И дѣйствительно, первое же распоряженіе новаго господина было о разрѣшеніи «возвращенія». Все это было бы невозможно, если бы дѣло шло лишь о нѣсколькихъ тысячахъ увезенныхъ изъ Іерусалима іудеяхъ, но легко становится понятнымъ, если допустить, что они въ самой Вавилоніи нашли сильную поддержку у единовѣрцевъ.

У насъ имѣется лишь малое количество извѣстій о подобныхъ отношеніяхъ религіи Ягве или ея общинъ къ остальному Востоку, и ихъ нельзя еще связать въ одну цѣльную картину, которая могла бы претендовать на полную вѣрность во всѣхъ пунктахъ. Но совершенно измѣнившіяся основныя положенія концепціи показываютъ въ новомъ свѣтѣ многое изъ того, что рѣшительно отвергалось до сихъ поръ критикой. Сюда относятся указанія апокрифическихъ книгъ

(особенно Товита) на важное положеніе, которое занимали при ассирійскомъ дворѣ въ Ниневіи приверженцы религіи Ягве (они выступаютъ какъ принадлежащіе къ составу уведенныхъ въ плѣнъ десяти колѣнъ Израиля). До сихъ поръ въ этомъ видѣли не что иное, какъ «историческіе романы» позднѣйшаго еврейства. Теперь кажется, что въ основѣ всего этого лежатъ преданія, которыя мы пока должны разсматривать совершенно такъ же, какъ преданія объ Авраамѣ и Іосифѣ. Чѣмъ больше мы проникаемъ въ исторію внутреннихъ отношеній политическаго развитія Ассиріи, тѣмъ больше становится вѣроятнымъ взглядъ, что уже при дворахъ царей, угрожавшихъ Іудѣ гибелью, какъ Салманассаръ, Саргонъ, Синхерибъ, Ассаргадонъ (VIII—VII вѣка), приверженцы религіи Ягве занимали столь же видныя мѣста, какія могутъ занимать при султанскомъ дворѣ христіане и евреи, да и занимали при многихъ восточныхъ дворахъ.

Многіе намеки библейскихъ сказаній теперь получили новое значеніе. Пророкъ Елисей имѣетъ своимъ полемъ дѣятельности отнюдь не одну лишь область Израиля. Онъ представитель и глашатай религіи Ягве и, какъ это показываютъ намъ примѣры подобныхъ явленій на Востокѣ во всѣ времена, онъ естественно, борется съ господствующей во Израилѣ династіей Омри (Ахавъ и его сыновья) не какъ одинокій чужакъ, а какъ идеологъ цѣлой партіи или, что соотвѣтствуетъ тогдашнимъ культурнымъ отношеніямъ, религіозной секты, которая уже въ состояніи сказать свое рѣшительное слово въ политикѣ. Такъ совершается паденіе израильской династіи,—безразлично, благодаря ли однимъ этимъ стремленіямъ, или же только при ихъ содѣйствіи. Но уже безусловно рѣшительная роль приписывается Елисею, а вмѣстѣ съ нимъ, слѣдовательно, и приверженцамъ Ягве, въ возведеніи почти въ это же время новаго правителя на тронъ города Дамаска (IV кн. Царствъ, 8, около 842 г. до Р. Хр.). Въ то время Дамаскъ былъ самымъ сильнымъ городомъ въ Сиріи и впослѣдствіи, играя ту же первую роль, онъ

весьма часто господствовал надъ Израилемъ. Какъ бы ни были всегда перепутаны отдѣльныя нити политики, преданіе еще довольно ясно по-своему указываетъ, что оно предполагаетъ вліяніе религіи Ягве не только во Израилѣ, но и всюду тамъ, откуда исходило рѣшеніе судебъ разсматриваемыхъ имъ странъ. То же происходитъ приблизительно полстолѣтія спустя во время ассирійскаго царя Ададнирари III (812—783). Онъ былъ «избавителемъ», имени котораго теперешнее преданіе не называетъ (IV кн. Царствъ. 13, 5), и который «освободилъ» Израиль отъ притѣсненій Дамаска, подчинивъ себѣ послѣдній. Въ это время дѣйствовалъ и пророкъ Іона (IV кн. Царствъ. 14, 25). То, что о немъ сообщаетъ «Книга Іоны», конечно, лишь народная легенда, но ея историческую подкладку составляетъ дѣятельность этого пророка Ягве при ассирійскомъ дворѣ. И притомъ ему приписывается успѣхъ, слѣдовательно, отмѣчается сильное вліяніе его на ассирійскую политику въ духъ секты Ягве. Этого, конечно, было бы недостаточно для историческихъ выводовъ, но случай сохранилъ намъ замѣчательную надпись изъ временъ этого царя Ассура, которая доказываетъ, что тогда фактически при дворѣ преобладало долгое время нѣчто врѣдѣ монотеистическаго теченія. Это не была религія Ягве въ чистомъ библейскомъ смыслѣ,—для этого нѣтъ никакихъ доказательствъ,—но пока нельзя отвергнуть существованія такой же связи съ ней, какъ и въ реформѣ Аменофиса IV (стр. 154).

О болѣе тѣсной, непосредственной связи говоритъ другое извѣстіе изъ сѣверной сосѣдней Дамаску страны, Гаматы. Какъ въ IX вѣкѣ партія Ягве подъ предводительствомъ Елисея сыграла важную роль въ смѣнѣ династій, точно такъ же и ея участіе въ политическихъ переворотахъ въ Гаматѣ въ 720 г. до Р. Хр. засвидѣтельствовано однимъ сообщеннымъ въ ассирійскихъ надписяхъ фактомъ, для пониманія котораго даетъ намъ твердую точку опоры подобное же, рассказанное въ Библии, событіе. Тогда—два года спустя послѣ «увода въ плѣнъ» народа Израиля, т. е. послѣ уничтоженія государства Самаріи и учрежденія ассирійской провинціи

того же имени, и через двѣнадцать лѣтъ послѣ того, какъ подобная же участь постигла игравшій до тѣхъ поръ главную роль въ Сиріи Д а м а с к ъ,—въ Гаматѣ, который одинъ почти сохранилъ еще своего собственнаго царя, началось возстаніе противъ Ассиріи (при Саргонѣ). Гамать до сихъ поръ избѣгала участи своихъ сосѣдей своей покорностью Ассиріи, теперь онъ также возсталъ и притомъ въ союзѣ съ недавно учрежденными ассирійскими провинціями, въ томъ числѣ и съ Самаріей (Израиль). На престолъ былъ призванъ человѣкъ изъ народа, что не составляетъ въ такихъ случаяхъ ничего необычнаго. Имя его доказываетъ намъ, что въ этомъ движеніи религія Ягве, незадолго передъ этимъ также выступившая противъ Ассиріи при возстаніи Самаріи, играла во всякомъ случаѣ важную роль. Именно, новый царь называется въ ассирійскихъ надписяхъ какъ Эльбидъ, такъ и Іагубидъ. Это становится понятнымъ изъ того, что Библія рассказываетъ о Іерусалимѣ въ 608 г. до Р. Хр. Тогда, послѣ смерти Іосіа, павшаго въ борьбѣ противъ египетскаго фараона Нехао, послѣдній, какъ новый верховный глава Іуды, поставилъ царемъ въ Іерусалимѣ сына Іосіа Эліакима. «И онъ перемѣнилъ имя его и сталъ онъ называться Іоакимъ (т.-е. = Ягве-іакимъ)». До сихъ поръ Іуда при Іосіа держался Ассиріи, и государь носилъ имя, не бывшее запретнымъ въ ассирійскихъ культурахъ. Теперь же,—когда Ассирія уже была при смерти,—противникъ Ассиріи, Нехао египетскій, выбралъ царю Іуды имя, которое предписывалось религіей, противувавшей въ то время Ассиріи. Совершенно также намъ приходится объяснить и поведеніе царя Гамата. И онъ выбралъ себѣ имя, образованное изъ имени бога Ягве, потому что тогда религія Ягве была также запретной при ассирійскомъ дворѣ, тогда какъ раньше, наоборотъ, онъ носилъ имя съ допускавшимся обозначеніемъ бога (эль).

Повидимому, въ послѣдніе годы вавилонскаго царства, когда Киръ,—также весьма считавшійся съ монотеизмомъ Заратустры,—сталъ наступать на Вавилонъ, и когда, какъ упоминаютъ выше, религія

Ягве оказывала тамъ сильное вліяніе, въ Вавилоніи былъ также совершенъ рѣзкій переходъ къ монотеизму, который, несомнѣнно, долженъ былъ обнаружить много сходства съ фараоновскимъ солнечнымъ культомъ Аменофиса IV. По крайней мѣрѣ, въ одной надписи, относящейся ко времени незадолго до паденія Вавилона, лунный богъ,—въ полномъ соотвѣтствіи съ значеніемъ луннаго культа для Вавилоніи,—выступаетъ въ такой же роли, какъ у Аменофиса IV солнечный богъ. Это та же самая надпись, которая рядомъ съ царемъ Набонидомъ упоминаетъ, какъ соправителя, сына его Валтасара. Фактически же послѣдній отстранилъ своего отца и правилъ его именемъ. Въ библейскомъ сказаніи Валтасаръ является преступникомъ противъ Ягве,—быть можетъ, онъ хотѣлъ вмѣсто религіи Ягве ввести національно-вавилонскій монотеизмъ. Распознать здѣсь всѣ нити невозможно, но съ увѣренностью можно отмѣтить самое для насъ главное, а именно—что всѣ проявленія духовной и религіозной жизни находятся въ тѣснѣйшемъ взаимоотношеніи, и эти отношенія не связаны съ границей страны или языка, а распространяются по всей культурной области Востока.

Поэтому нѣтъ ничего новаго, въ томъ, что съ момента, когда мы можемъ лучше прослѣдить исторію выступающаго теперь какъ іудейство ягвизма, мы встрѣчаемъ эту религіозную общину или секту всюду въ тогдашнихъ главныхъ странахъ и особенно въ ихъ столицахъ. Мы встрѣчаемъ ее въ Ниневіи въ ассирійскую эпоху, въ Вавилонѣ во время нововавилонскаго царства при дворѣ самого разрушителя Іерусалима, затѣмъ въ эпоху персидскаго господства въ Сузахъ, гдѣ послѣдователи Ягве претендовали на руководящую роль въ правленіи (хотя въ книгѣ Есѣирь объ этомъ разсказывается только въ легендарной формѣ), далѣе, въ эпоху эллинизма какъ въ государствѣ Селевкидовъ, такъ и Птолемеевъ, въ Антиохіи и Александріи, обѣихъ столицъ эллинистическаго міра. И наконецъ, мы видимъ, какъ эта община неудержимо распространяется по всему міру, легко перескакивая черезъ большую преграду, которая въ римскую эпоху дѣлится культурный міръ на двѣ по-

ловины (стр. 39). Какъ въ послѣдствіи христіанство, іудейство распространяется въ области какъ пареянскаго и новоперсидскаго, такъ и римскаго господства, играя и здѣсь и тамъ важную роль въ столицахъ. Въ послѣдніе вѣка до ислама мы встрѣчаемъ его въ Аравіи временами занимающимъ господствующее положеніе. Тамъ, въ древнихъ культурныхъ областяхъ южной Аравіи, бывали іудейскія династіи, и когда на сцену выступилъ Магометъ, цѣлыя «племена», т.-е. области и города въ сѣверной Аравіи были приверженцами іудейства. Точно также уже въ I вѣкѣ по Р. Хр. князья пареянскаго вассальнаго государства Адиабене въ области прежней Ассирии перешли въ іудейство. Такимъ образомъ у насъ нѣтъ никакого основанія смотрѣть на развитіе религіи Ягве до изгнанія иначе, чѣмъ на ея развитіе послѣ «возвращенія».

При такой точкѣ зрѣнія та религія, съ которой до сихъ поръ принято было начинать развитіе христіанской, сама окажется лишь звеномъ болѣе широкаго цѣлага, какъ мы это выяснили и относительно традиціонныхъ зачатковъ такъ наз. «всемірной исторіи» (стр. 4). Мы оставимъ при этомъ въ сторонѣ вопросъ о ея внутреннемъ содержаніи, о томъ, сколько въ ней истины, и будемъ разсматривать лишь ея чисто человѣческую сторону, формы мышленія, рѣчи и изображенія, которыми она пользовалась на различныхъ ступеняхъ своего развитія, и въ которыхъ всегда сказывалась зависимость ея отъ своей эпохи или своей страны. Конечно, проникнуть при этомъ во всѣ детали можно лишь при условіи не только знанія всѣхъ различныхъ историческихъ обстоятельствъ, но и обладанія нѣкоторыми познаніями въ восточныхъ языкахъ; только въ такомъ случаѣ можно понять, какую роль при этомъ играли вещи, ставшія теперь для насъ совершенно чуждыми. Поэтому мы можемъ разяснить здѣсь лишь нѣсколько отдѣльныхъ, болѣе понятныхъ, положеній.

Библейская религія, т.-е. религія Ветхаго Завета, желаетъ быть представительницей религіи Ягве ¹⁾, еди-

¹⁾ Такъ или приблизительно такъ звучало писанное божественное имя Іеговы. Гласныя, которыми вокализовано это

наго и единственнаго бога. Поэтому она подчеркивает единство и духовность, безтѣлесность божества и не хочет ничего знать о какихъ-либо изображеніяхъ или тѣлесныхъ формахъ откровенія. Въ начальную эпоху своего господства она отвергаетъ также мудрость и науку, которая можетъ численно выразить сущность и правленіе божества и опредѣлить сообразно съ этимъ прошедшее и будущее.

Но въ эпоху, когда іудейство распространилось уже по всему тогдашнему міру, въ немъ, подъ вліяніемъ возрожденія древне-восточной науки въ эллинизмъ (стр. 38), становится также замѣтной связь съ древне-восточнымъ, вавилонскимъ ученіемъ. Это ясно выступаетъ въ книгѣ Даніила, которая вполне исходитъ отъ счета времени, развившагося изъ представленія о циклахъ древняго Востока, и въ которой образы и внѣшнія формы представлений тѣ же, что въ древне-восточныхъ ученіяхъ о богахъ или въ міеологіи.

Въ канонѣ ветхозавѣтнаго писанія книга Даніила единственная въ этомъ родѣ¹⁾; въ Новомъ Завѣтѣ подобной книгой является Откровеніе Іоанна. Но на ряду съ этимъ имѣется цѣлая литература подобнаго же происхожденія, такъ называемые *А п о к а л и п с и с ы*, составленные въ томъ же духѣ. Они являются народной литературой іудейства и доказываютъ, что застывшее въ формализмъ іудейское ученіе уже не въ состояніи было удовлетворять сильно возбужденный эллинизмомъ народный духъ. Послѣдній уже не довольствовался чисто духовнымъ ученіемъ, и поэтому онъ, въ своемъ стремленіи пріобрѣсти болѣе глубокіе взгляды и не питается лишь наблюденіемъ голыхъ формъ и

слово въ текстѣ Ветхаго Завѣта, взяты отъ adonaj («мой господь»). Замѣчательно, что Ветхій Завѣтъ вводитъ тѣ же гласныя въ имя бога Вавилона (Меродахъ вмѣсто Мардукъ, стр. 21), слѣдовательно, признаетъ его въ своемъ родѣ тождественнымъ (для знающихъ!). И онъ также часто называется не своимъ именемъ, а обозначается какъ господинъ (Бель).

¹⁾ Т.-е. единственная, которая устанавливаетъ въ ч и с л е н і е б у д у щ а г о по цикламъ. Прошедшія эпохи, особенно древнѣйшаго времени, трактуются также въ библейской хронологіи, какъ и въ другихъ, по цикламъ.

формуль, ухватился за то, чему поучала его наука его времени. Но это какъ разъ и была древняя мудрость.

Извѣстно, что христіанство обнаруживаетъ нѣкоторое сродство съ этими стремленіями. Какъ всякое новое движеніе, оно обратилось къ тѣмъ, кто не обладалъ матеріальными и духовными благами. Но это и обнаруживается въ фактѣ увлеченія апокалипсической литературой, и въ первые свои вѣка христіанство широко использовало книгу пророчествъ Даніила. Такимъ образомъ, оно примыкаетъ къ древнѣйшей восточной, а здѣсь особенно и къ вавилонской наукѣ. Мы слишкомъ мало знакомы съ отдѣльными теченіями младенческаго періода христіанства, чтобы вполне быть освѣдомленными о каналахъ, по которымъ текли отдѣльныя ученія. Но ученіе о трехъ формахъ божества также связано съ древне-восточнымъ ученіемъ и притомъ въ противовѣсъ иудейскому. Оно многократно встрѣчается въ дохристіанскую эпоху на Востоцкѣ,—имѣется оно и въ браманизмѣ,—и находитъ свое символическое выраженіе или, если угодно, астральное доказательство въ возрѣніи объ единствѣ трехъ великихъ свѣтилъ, каждое изъ которыхъ само въ себѣ есть подобіе, «соотвѣтствующее» явленіе другого (стр. 88). Трудно понимаемое при томъ чисто духовномъ представленіи, въ какомъ оно выступаетъ въ христіанствѣ, ученіе о Троицѣ часто не воспринималось въ настоящемъ своемъ смыслѣ, и до послѣдняго времени многія умныя невѣрующія головы изощрялись въ насмѣшкахъ надъ христіанскимъ ученіемъ, которое дѣлаетъ одно равнымъ тремъ. Древняя астральная религія нагляднѣе представляла это ученіе, и поэтому была болѣе понятной. Луна, солнце, Венера, три великихъ свѣтила, показываютъ каждое въ сѣ формы проявленія божества, движеніе и формы каждаго изъ нихъ есть подобіе другого, они, слѣдовательно, три формы откровенія божества. Рядомъ съ такой формой политеизмъ имѣетъ еще лишь многія другія частныя формы проявленія.

Даже само имя, которое христіане вначалѣ носили,

связано съ древневосточнымъ ученіемъ. Они называются назаряне. Это имя взято отъ мѣсторожденія Іисуса, Назарета. Но это обозначеніе выбрано потому, что чисто восточнымъ способомъ, непонятнымъ безъ знакомства съ языкомъ, оно образуетъ и гру словъ или созвучіе съ понятіемъ *na cer*, которое развилось въ древне-восточной религіи. Это спаситель, выступающій также во многихъ другихъ религіяхъ, и которымъ въ Вавилонѣ былъ Мардукъ. Подобнымъ же образомъ всѣ названія религіи или сектъ заключаютъ въ себѣ намекъ на такія же твердо установленныя понятія, выражая этимъ, что ихъ основатель и есть надлежашая, обѣщанная и ожидаемая личность. И названіе христіане, отъ Христа, какъ перевода слова Мессія, въ концѣ концовъ не представляетъ ничего другого. Въ Сиріи существуетъ секта, которая живетъ еще теперь въ названныхъ по ней горахъ, на сѣверныхъ отрогахъ Ливана. Они называются носсейриты, т.-е. почитатели маленькаго спасителя. Возможность заимствованія отъ христіанства исключена, но они тѣмъ не менѣе обнаруживаютъ много-различныя соприкосновенія съ нимъ, а на ряду съ этимъ—древне-вавилонскія воззрѣнія. И здѣсь, слѣдовательно, дѣло идетъ о названіи, взятомъ изъ понятія «спасителя», и о развитіи, которое независимо отъ христіанства совершилось на почвѣ великаго восточнаго духовнаго міра.

Эти нѣсколько примѣровъ лишь приблизительно могутъ намѣтить точки соприкосновенія и указать, какъ духовныя стремленія, пышно распустившіяся въ концѣ концовъ въ христіанской религіи, возникли изъ общей связи восточной духовной жизни. Цѣнность нашихъ теперешнихъ понятій нѣтъ нужды обсуждать по этой связи, но историческая концепція имѣетъ своей задачей прослѣдить всякій процессъ развитія какъ въ прямомъ его направленіи, такъ и въ его отклоненіяхъ, какъ въ установленіи истины, такъ и въ заблужденіи. Примѣромъ того, какъ принятіе во вниманіе древне-восточной культурной жизни измѣняетъ общую концепцію, можетъ служить возникновеніе исла-

ма. До сихъ поръ, на основаніи одного лишь арабскаго преданія, на древнюю Аравію смотрѣли, какъ на страну, лишенную культуры, и ученіе Магомета считали смѣсью непонятыхъ іудейскихъ и христіанскихъ заимствованій, которую можно было предложить лишь населенію «бедуиновъ». Теорія о бедуинахъ оказала даже вліяніе на критическое пониманіе библейской религіи (стр. 148). Теперь мы знаемъ, что Аравія такъ же входила въ область древне-восточной культуры, какъ и остальные страны Востока, и если разсматривать ученія Магомета съ этой точки зрѣнія, то можно сейчасъ же распознать въ нихъ то же, что и въ библейской религіи. И они по-своему вызваны протестомъ противъ старыхъ жреческихъ ученій и культовъ и въ этомъ смыслѣ исходили отъ нихъ. Обще обоимъ также и то, что они пытаются серьезно выдвинуть идею о единствѣ и отбросить все тѣлесное и образное въ культѣ. Познавъ это, мы видимъ далѣе, какъ ученіе Магомета до самыхъ мелочей вылилось въ тождественную систему, которая, напр., даже въ теоріи подчеркиванія единства идетъ такъ далеко, что кладетъ и въ основу календаря лишь о д н о свѣтило, именно то, которое и раньше играло главную роль. Какъ извѣстно, Магометъ ввелъ чистый л у н н ы й годъ,—календарную безсмыслицу. Двоица и троица не играетъ никакой роли, поэтому приходится выбросить солнце. Это совершенно въ духѣ древней символики и охраненія единыхъ принциповъ каждой системы; если божество едино, а время—истечение божественнаго управленія, въ такомъ случаѣ и время должно быть подраздѣлено по единому принципу, по «откровенію», періоду обращенія одного свѣтила. А это свѣтило—«отецъ боговъ» (стр. 86), преимущественный измѣритель времени. Чтобы не разрывать съ принципомъ единства, чтобы не имѣть ничего общаго съ тѣми, кто «приписываетъ богу сущность»—для корана такими являются какъ политеисты, такъ и христіане,—создается годъ, который пробѣгаетъ черезъ солнечный годъ (одинъ разъ въ 33 года, опережая каждый годъ на 12 дней) и уничтожаетъ самую цѣль введенія «года». Можно сомнѣваться, сознатель ли

самъ Магометъ всѣ тѣ болѣе глубокія отношенія, которыя здѣсь вліяли. Да это и совершенно безразлично для нашего вопроса. Во всякомъ случаѣ они-то и играли руководящую роль при введеніи этого календаря. И Цезарь не самъ составилъ юліанскій календарь, равно какъ и не Григорій XIII—грегоріанскій.

Всюду въ этихъ ученіяхъ мы встрѣчаемъ самую удивительную тождественность, нигдѣ нельзя замѣтить шероховатости. Современный человѣкъ со всѣми внутренними противорѣчіями его міра представленій стоитъ тутъ въ изумленіи и едва можетъ охватить отдѣльные факты, даже если они ему кажутся мелочными или смѣшными. Но именно эта тождественность могла создать то глубокое вліяніе, которое религія и это все охватывающее ученіе оказывали на всѣ жизненныя отношенія. Такое ученіе могло вполне убѣдить и удовлетворить именно простой умъ. И понынѣ еще, когда европеецъ бросаетъ взоръ на духовную жизнь Востока, онъ останавливается въ изумленіи передъ тѣмъ глубоко проникающимъ въ умы господствомъ, которое имѣетъ тамъ религія надъ своими послѣдователями. Если это не обосновано болѣе въ теперешнихъ ученіяхъ, то все же это, какъ и сама религія, наслѣдіе тѣхъ временъ и той своеобразной духовной культуры, которая господствовала надъ ними.

Оцѣнка этихъ фактовъ составляетъ великую проблему, которую вновь открытый древній Востокъ ввелъ въ исторію культуры человѣчества. Еще нельзя предвидѣть, какое это окажетъ вліяніе на общую концепцію нашего духовнаго развитія, но ясно одно, что наша современная концепція должна претерпѣть сильное измѣненіе.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Въ нашемъ очеркѣ, возникшемъ изъ лекцій для широкой публики, изложены результаты сравнительно молодыхъ еще изысканій въ ихъ общей связи. Въ области новѣйшихъ свѣдѣній о жизни древне восточныхъ

народовъ, какія намъ даны (они стали извѣстны въ 1887—88 гг.) открытіемъ въ Телль-Амарнѣ (стр. 3), мы въ нашемъ изложеніи по сравнительному методу исходили отъ миеологическихъ изслѣдованій Эдуарда Штукена (Astralmythen, Leipzig, Pfeiffer 1906—1907, Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft, 1902, стр. 121 и сл.). Принятый до сихъ поръ чисто филологическій методъ изученія древневосточной духовной жизни здѣсь уступилъ мѣсто сравнительному изслѣдованію содержанія миеога по ихъ смыслу и ихъ астральному значенію съ привлеченіемъ богатаго этнографическаго матеріала.

Эти изслѣдованія авторъ предлагаемой книжки повелъ дальше, признавъ встрѣчающіяся у всѣхъ народовъ астральныя представленія, какъ они появляются въ миеогахъ, за заимствование изъ родины всякой науки о звѣздахъ, Вавилоніи, и за составную часть большой системы все охватывающаго ученія о мѣрѣ. Въ такой связи вопросъ разсматривался въ лекціи «Die babylonische Kultur in ihren Beziehungen zu unsrigen» (Leipzig, Hinrichs, 1902), и одновременно даны были основныя черты вавилонской системы міра въ брошюрѣ «Himmelsbild und Weltenbild der Babylonier» (Der Alte Orient, III ²/₃ Leipzig, Hinrichs, 2-ое изд. 1905). Изложеніе исторіи древняго Востока въ формѣ легенды и связь ея съ миеологіей и космическимъ мировоззрѣніемъ впервые представлены были въ предназначенномъ для научно подготовленныхъ читателей изслѣдованіи «Geschichte Israels II» (Leipzig, Pfeiffer, 1902). Тотъ же предметъ трактуется въ систематическомъ видѣ въ двухъ сочиненіяхъ: «Die Weltanschauung des Orients» (Ex oriente lux, Leipzig, Ed. Pfeiffer, I, 1) и «Altorientalische Geschichtsauffassung» (тамъ же II, 2). Для болѣе подробнаго изученія можетъ служить сводка всѣхъ касающихся изслѣдованія Библии вопросовъ въ «Keilinschriften und Altes Testament» Эбергарда Шрадера, 3-ье изд. Г. Циммерна и Г. Винклера (Berlin, Reuther Reichard, 1903), во второй части.

Относительно послѣдней главы объ отношеніи библейской религіи къ древнему Востоку и вытекающей

изъ использованія памятниковъ новой концепціи обоснованіе точки зрѣнія автора также дано въ общихъ сочиненіяхъ, особенно въ относящихся сюда краткаго резюме «Der Alte Orient und die Bibel» (въ *Ex oriente lux* II, 1) и изслѣдованіи «Arabisch-Semitisch-Orientalisch» (Mitt. d. Vorderasiat. Gesellsch. 1901). Въ этихъ сочиненіяхъ, въ противовѣсъ господствующему воззрѣнію такъ называемаго критическаго или религіозно-историческаго метода изслѣдованія, какъ онъ вытекаетъ въ Германіи изъ работъ Велльгаузена, обоснована принятая здѣсь точка зрѣнія, и основы того воззрѣнія разсматриваются, какъ стоящія въ противорѣчій съ историческими фактами и отношеніями древняго Востока. Авторъ при этомъ отнюдь не касался вопросовъ религіозныхъ, а трактовалъ лишь историческія отношенія и условія, въ которыхъ эти вопросы получили свое развитіе и форму. Но отнюдь не «позитивно-ортодоксальныя» и не «либеральныя», а чисто историческія изысканія должны дать почву или фонъ для нихъ.

Съ точки зрѣнія теологовъ разсматривалъ во многихъ сочиненіяхъ древневосточный міръ въ его отношеніяхъ къ Библии Альфредъ Лереміасъ. Въ «Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients» (Leipzig, Hinrichs, 2-ое изд. 1906) дана картина древневосточной космологіи и міра боговъ, которая можетъ служить лучшимъ пособіемъ для изученія Библии и восточнаго представленія о мірѣ. Дальнѣйшая связь библейско-религіознаго міра идей съ общимъ восточнымъ трактуется въ сочиненіяхъ того же автора: «Im Kampfe um Babel und Bibel», 4-ое изд. 1905; «Hölle und Paradies bei den Babyloniern», 2-ое изд. 1903; «Babylonisches im Neuen Testament» 1904; «Monotheistische Strömungen innerhalb der babylonischen Religion» 1904 (всѣ у Hinrichs, Leipzig).

Изслѣдованіе мифологическаго міра представленія болѣе широкихъ группъ народовъ и его связи съ наукой о небѣ,—въ чемъ по нашей концепціи можно видѣть зависимость отъ вавилонской,—поставило себѣ задачей основанное въ 1906 г. «Мифологическое общество» (Mythologische Bibliothek, Leipzig, Hinrichs, съ 1907 г.).

Цѣна 80 коп.